

СЕКЦИЯ «ПСИХОЛОГИЯ»**ПОДСЕКЦИЯ №13 «СОЗНАНИЕ, ОБЩЕНИЕ, ПСИХОСЕМАНТИКА»****Динамика изменения образа психического состояния.*****Артищева Лира Владимировна.****студентка**Казанский государственный университет им.Ульянова Ленина, Казань, Россия.**E-mail: Lira-love@yandex.ru*

Психическое состояние играет важную роль в жизнедеятельности человека, оно тесно взаимосвязано с другими психическими явлениями, обуславливает их протекание, а также само изменяется и детерминируется ими. «Психическое состояние следует изучать как явление, имеющее многие аспекты существования. Его необходимо рассматривать в разных временных масштабах»[2,39]. Возникновение определенного состояния человека детерминировано как внешними, так и внутренними факторами. Опыт переживания состояния фиксируется в памяти человека в виде образа. Подобно тому, как возникает и закрепляется предметный образ в процессе восприятия, образ психического состояния формируется и закрепляется во время переживания индивидом данного состояния [4,88].

Кант определял проблему возникновения образа как проблему особого рода деятельности по организации, синтезу ощущений в некую целостность, в некое единство. О синтезе ощущений в сознании в интегральное целое указывает и Ланге Н.Н., опираясь на работы В.Вундта [3,211]. В своей статье Дикая Л.Г. и Семикин В.В. отмечают, что специфика субъективного образа такова, что при его образовании происходят превращения внутренних ощущений в представления, их вербализация и рефлексия в образ состояния, которое навязывается нашему уму как бы изнутри, а не извне[1]. Представления, по Ланге, - это содержания сознания, являющиеся отображением содержания нашего прошлого опыта [3,217]. Значит внутренние ощущения, вызванные неким событием или личным переживанием субъекта, проходят этап сличения с имеющимися содержаниями прошлого опыта, превращаются в представления о пережитом состоянии, а затем через процесс осознания в его образ. Представления, по словам Ланге, динамичны, являются продуктом сложного взаимодействия разных функций сознания [3]. То же можно говорить и об образе психического состояния, ведь, фиксируясь в сознании, образуя следы памяти, образ становится представлением, которое репродуцируется в определенные моменты. Но эти представления, касающиеся образа психического состояния, не являются предметными. Они более относятся к чувственной стороне нашей психики. Я бы назвала их «чувственными представлениями», которые даются нам в переживании. Прохоров в своих новых исследованиях отмечает, что именно в переживании субъекту дается реальность его психического состояния. Переживание участвует в формировании психического образа окружающей действительности.

О таком качестве психического состояния, как переживаемость, указывают Дикая Л.Г. и Семикин В.В.[1]. Они также выделяют и другие качества образа психического состояния: он менее вербализован, не является предметным и менее ярким. Ланге Н.Н., ссылаясь на В.Вундта и Г.Фехнера, пишет, что бледность образа памяти, т.е. представления, не является свойством в его содержании, а свидетельствует о меньшей «прагматической ценности» для нашего поведения [3]. Из этого следует, что, если образ памяти бледен в силу незначительного влияния на психическую жизнь и меньшего импульсивного значения, то образ психического состояния может быть бледен также и в силу слабой рефлексии. Низкий уровень рефлексии и вербализации не дают

возможности раскрыть образ психического состояния и осложняют момент его исследования.

Проблему представленности образа психического состояния в сознании затрагивает Прохоров А.О. в своих работах. С целью глубокого изучения образа психических состояний, его детерминант, механизмов формирования, закрепления и воспроизведения, выявление его свойств и качеств нами проводятся исследования в данной области. Исследование, о котором будет говориться далее, имеет своей целью определить изменения образа психического состояния в динамике времени. Известно, что воспроизведение есть не простое повторение прошлого, а лишь его частичное восстановление. Репродуцированное представление оказывается вместе с тем и иным. [3]. Учитывая этот факт и то, что образ психического состояния мы выше назвали «чувственным представлением», можно предположить, что он также будет репродуцироваться в измененном виде.

Исследование проводилось на студентах второго курса факультета психологии КГУ, 45 человек. В первый день они оценивали свое актуальное состояние, затем еще дважды оценивали то же состояние, только с недельным интервалом. Использовался опросник методики «Рельеф психического состояния», разработанный Прохоровым А.О.

При анализе полученных результатов было выявлено, что значения по показателям сильно варьируются во временном промежутке. Это подтверждает предположение, что образ психического состояния будет репродуцироваться в измененном виде. Чтобы попытаться объяснить эти изменения, мы для анализа взяли три состояния разного уровня энергетической активности, чаще испытываемые студентами – это спокойствие (сред.уровень), радость (выс.уровень), грусть (низ.уровень). Из-за ограниченности объема написания статьи, не будем давать подробное описание полученных результатов, перейдем сразу к выводам.

Состояние спокойствия испытуемые через заданное время оценивали, как состояние более высокой энергетической активности (улучшения значений памяти, восприятия, повышение двигательной активности, задор, веселость, продуманность, уверенность и пр.). Учитывая, что плодотворная жизнедеятельность проходит в неравновесных состояниях, а у студентов достаточно насыщенная жизнь, то возможно поэтому они дают такую оценку состоянию спокойствия.

С другой стороны, интересен тот факт, что состояние высокого уровня энергетической активности (радость) они в описании переводят в более равновесное состояние. По блоку «переживания» радость имеет определенную тенденцию: через неделю почти все показатели изменяются в сторону увеличения значений, а через две недели – в сторону уменьшения.

Состояние грусть (низ.уровень активности) испытуемые через промежуток времени описывают в более мрачных тонах почти по всем показателям. Рассматривая средние значения по блокам, то самые высокие имеют физиологические реакции и поведение. Возможно, что, значительно отражаясь на уровне соматики и поведения, грусть оставляет травмирующий отпечаток в памяти, и поэтому испытуемые дают этому состоянию подобную оценку. Чтобы сделать более конкретные выводы и заключения, нами проводится дальнейшее исследование в данной области.

Литература:

1. Дикая Л.Г., Семикин В.В. Регулирующая роль образа функционального состояния в экстремальных условиях деятельности//Психол. журнал,1991, т.12, №1.-С.55-65
2. Куликов Л.В. Сущность и функции психического состояния./Психология состояний. Хрестоматия/ Под ред.проф. А.О.Прохорова.-М.:ПЕР СЭ; СПб.:Речь, 2004.-С.39
3. Ланге Н.Н. Психический мир/Под ред.М.Г.Ярошевского.-М.: Изд. «Институт практической психологии», Воронеж:НПО «МОДЭК», 1996.-368с.
4. Прохоров А.О., Карпова Н.Е. Образ психического состояния и его составляющие//Психология психических состояний. Сборник статей. Вып.6/Под ред.проф.А.О.Прохорова.-Казань: КГУ, 2006.-578с.

5. Практикум по психологии состояний: Учебное пособие/Под ред. проф. А. О. Прохорова. - СПб: Речь, 2004. - С. 80.

Психосемантическое поле символа - как потенциал развития личности

Ахошина Екатерина Александровна

студентка

Московский педагогический государственный университет, Москва, Россия

E-mail: synthgothic@mail.ru

Семантическое пространство категории «символ»

Если мы рассматриваем сознание в парадигме структурного и синергетического подходов, то оно может быть условно представлено как устойчивая категориальная система символов.

Категория «символ», являясь формой опосредованного отражения реальности, одновременно репрезентирует интрапсихическую жизнь субъекта. Это позволяет аккумулировать внутренний опыт и активизировать личностный потенциал.

В проведенном эмпирическом исследовании была обоснована взаимосвязь восприятия графических символов (и придания им субъективного, детерминирующего вектор личностного развития, смысла) с категориями личностных черт предлагаемых в опроснике 16PF Кетелла.

При этом Р. Кетелл также рассматривал личность именно с позиции структурного подхода.

Сам же символ может быть рассмотрен как элемент психосемантического пространства, включающего в себя интенциональный уровень (глубинного восприятия и протекания психических состояний), а также экстенциональный (внешний) уровень конвенционально обусловленных значений (что представлено в концепции Э. Кассирера)

При этом интенциональные аспекты символа связаны с активным, базирующимся на индивидуальном опыте, эмоционально-окрашенным восприятием действительности.

По аналогии с концепцией Р. Кассирера К. Г. Юнга классифицировал символы на естественные (более связанные с интенциональным архетипическим значением) и культурные (то есть предполагающие закрепленные в процессе эволюционно-исторического развития значения). При этом так называемые культурные символы наиболее полно, в рамках отечественной психологической школы, представлены в культурно исторической теории Л. С. Выготского

Говоря о психоаналитической концепции К. Г. Юнга, в психосемантическом поле символа условно можно выделить аспекты, представленные как в сознании, так и в бессознательном.

В то время как «сознательные» аспекты символа связаны с эволюционным развитием психики, а бессознательные, в свою очередь, связаны - с возвращением к более ранним стадиям онто- и филогенеза.

Преобладающая на одной из стадий историко-эволюционного развития культуры, (а в месте с ней и сознания человека), идеографическая письменность представляла собой расширение психосемантического поля знака, что позволяет нам использовать графические символы в исследовании возможного спектра субъективных значений восприятия.

Рассуждая о тенденции онто- и филогенетического развития и переходе от чувственного отражения действительности к рациональному необходимо отметить, что психосемантический спектр символа постепенно сужается, таким образом символ превращается в знак (не содержащий компонентов эмоционального отношения, «нуминозности» в терминологии К. Г. Юнга)

Таким образом, процессе эволюции происходит диссоциация (разделение) семантического поля символа: между планом его выражения и содержания.

Однако эта дихотомия преодолима, исходя из парадигмы экспериментальной психосемантики В. Ф. Петренко. Язык вербальных понятий и язык символических обозначений на основании механизма синестезии может быть редуцирован к генетически первичному коду, характеризующемуся эмоциональной насыщенностью и малоструктурированной образностью, и содержащему возможность трансформации субъективного восприятия.

Символ-как вектор в системе смыслообразующих координат

Современный человек существует в системе знаково-смысловых координат, определяющих его отношение к другим людям, а также мировоззрение и самопрезентацию (Это положение рассматривается в социально-антропологических исследованиях Дж.Г. Мида, М.Вебера, К.Гирца и др.)

Адаптация индивида к новым условиям возможна в ходе реинтерпретации семантического пространства символа, субъективного пересмотра ранее конвенционально установленных обозначений. При этом иногда происходит разрушение старой системы символических координат, детерминирующих социальное бытие человека.

состоянии стресса, когда традиционная формальная логика не может справиться с трудной жизненной ситуацией, психика способна спонтанно продуцировать интенциональные значения символов. Так выстраивается система личностно-значимых смыслов, определяющая вектор индивидуального развития.

Как же соотносятся понятия «символ» и «смысл»? В.П. Зинченко рассматривал смысл как культурный концепт, включающий в себя некую психологическую структуру, за которой стоит сложная многогранная реальность.

При этом нам также представляется целесообразным сравнить подобную смыслообразующую психологическую структуру с понятием семантико-перцептивных универсалий, выявленных в экспериментальных исследованиях Е.Ю. Артемьевой.

Связь концептуальных понятий «символ» и «личностный смысл» мы можем также проследить на примере сопоставления следующих определений: А.Н. Леонтьев рассматривал смысл через отношения мотива к цели. А то же время К.Г. Юнг определял архетип как тенденцию к образованию мотивирующих представлений, а символ – как объективизированный, прочувствованный на глубоко-личностном уровне способ целеполагания, создающий выбор возможных путей развития.)

То есть мы можем составить своеобразную «пропорцию»: цель так относиться к мотиву (в концепции А.Н. Леонтьева), как архетип относиться к символу (в концепции К.Г. Юнга), что позволяет выйти на проблему личностных смыслов.

Таким образом, символ может быть рассмотрен как вектор внутриличностного развития, открывающий возможности целостного интегративного восприятия окружающей реальности. Этим обусловлено использование категории «символ» в психотерапии

Выводы

Таким образом, мы провели параллель между такими научными подходами, как экспериментальная психосемантика В.Ф. Петренко, аналитическая психология К.Г. Юнга и концепцией Э. Кассирера об интенциональных и экстенциональных значениях символа.

Символ связан с бытием личности в социальном пространстве, конвенциональные значения символов при этом обуславливают интерперсональное взаимодействие.

Вместе с тем символ, обуславливая возможность восприятия субъективно-значимых смыслов, может выступать вектором развития личности

Эмпирически доказана взаимосвязь понятия «символ» с категориями личностных черт (Р. Кеттелл) и семантико-перцептивных универсалий, что подтверждено данными кластерного анализа.

Кроме того, экспериментально установлено преобладание интенционального значения символов над экстенциональным. При этом в процессе онтогенеза субъективная (интенциональная) значимость вкладываемых в восприятие символа смыслов увеличивается.

Это позволяет сделать вывод о том, что символ является важным элементом в психосемантической структуре личности.

Литература

1. Зинченко В.П., Смирнов С.Д. Живые метафоры смысла. // «Вопросы психологии», -М., 2006г, №5
2. А.Н. Леонтьев «Деятельность, сознание, личность», -М., 1975г
3. Петренко В.П. «Основы психосемантики», -М., 1997г.
4. Юнг К.Г. Человек и его символы, -М., 2003г.
5. Юнг К.Г. Архетип и символ. -М., 1991г.

Особенности восприятия образа города Тольятти студентами различных специальностей

Беляева Екатерина Викторовна

аспирантка

Тольяттинский государственный университет, Тольятти, Россия

E-mail: K-Belyaeva@mail.ru

На сегодняшний день город не изучается как глобальное целостное образование, а изучаются только частные его аспекты, например: организация рекламы на улице, создание памятников и мест отдыха. Часто архитекторами не учитывается фактор целостности среды, и формирование пространства города идёт исходя из прагматических целей и идей целесообразности. А город как жизненное пространство несёт ряд психологических функций, которые связаны с реализацией специфических потребностей человека, о которых часто забывают в современном градостроительстве, поэтому часто облик города не учитывает человеческого назначения жизни. Поэтому и выбор специальностей в нашем исследовании был не случаен, так как инженеры-строители, это те специалисты, которые формируют среду, а психологи – это те специалисты, которые изучают воздействие городской среды и связанное с ним поведение человека. Актуальность темы исследования обусловлена слабой изученностью области психологии жизненной среды. Разработка данной темы важна для решения прикладных задач, таких как формирование облика современного города, так и работы психолога, ориентированного на оптимизацию жизнедеятельности человека.

Темой восприятия образа города занимались такие психологи как Гибсон Дж., Линч К., Штейнбах Х.Э., Еленский В.И., Черноушек М., Леонтьев А. Н. и другие.

Образ города - семантическая конструкция (система знаков), задающая схемы восприятия города (являющаяся одновременно сенсорно – информационным фильтром), на основе которого отбираются значимые аспекты и предметы городской жизни. В основе понятия «образ города» лежит идея единства, взаимообусловленности среды и образа жизни. *Ментальная схема* – это то, что человек конструирует, на основе своего опыта и впечатлений взаимоотношения со средой.

Объектом данного исследования является: образ города.

Предметом исследования: особенности восприятия образа г. Тольятти студентами различных профессиональных направленностей (психологического и инженерно-строительного факультетов).

Гипотеза исследования: мы предполагаем, что восприятие образа г. Тольятти студентами различных профессиональных направленностей будет отличаться, и расхождение в большей степени будет проявлено в когнитивном и эмоциональном компоненте образа города.

Базу исследования составили студенты 2-х (19 чел.), 3-х (29 чел.) 5-х (17 чел.) курсов психологического факультета и 2-х (9 чел.), 4-х (22 чел.) курсов инженерно-строительного факультета Тольяттинского Государственного Университета.

Нами были подобраны батареи методик, в соответствии с поставленными задачами: 1) методика построения когнитивных карт К. Линча; 2) методика цветовых предпочтений Серова Н. В.; 3) анкета «Предпочитаемые районы города» Штейнбах Х.Э.; 4) анкета «Значимое место в городе» Черноушек М.;

Проведенное исследование показало, что образ г. Тольятти у студентов различных специальностей метрически не соответствует реальной среде города (перевернутое расположение районов). Этот вывод нас удивил, но это подтверждает мысль о том, что ментальная карта – является продуктом опыта, а не знаний и что вполне вероятно, что в

основу ментальной карты положены ранние переживания, так как все являются в основном уроженцами города.

В восприятии «реального» образа г. Тольятти у студентов всех направленностей доминируют схожие характеристики такие как: предпочтение идеального мира, а не материального; упорство и сопротивляемость изменениям и постоянство воззрений; хаос мыслей, неуравновешенность, шараханье из стороны в сторону.

Восприятие «идеального» образа г. Тольятти у студентов различных специальностей заключается в нереализации важных потребностей в городе, и следует обратить внимание на депривированные характеристики: у студентов 2–х курсов психологов и инженеров-строителей: почитание законов, традиций и нравов общества; у психологов 3 курса: духовное просвещение, интерес и оптимизм к миру; у психологов 5-го курса и у инженеров-строителей 4 курса: распределенное пространство (основные потребности перенесены в сферу абсолютизированных идей, предмет теряет свою значимость). Данный компонент имеет яркое различие по возрастному показателю.

В г. Тольятти по данным исследования у студентов всех направленностей доминируют места для отдыха и отсутствуют такие категории мест как: опасные и запретные места и промышленные зоны, что может привести к нереализации специфических потребностей проживания человеком среды.

Различия в представлении студентов различных профессиональных направленностей в предпочитаемых и не предпочитаемых районах города весьма значительны. Те районы, где испытуемые не проживают, весьма туманное представление и эти районы попадают в категорию не предпочитаемых. Вероятно, здесь можно говорить о том, что предпочитаемые районы являются знакомыми и родными, но период молодости предполагает поиски. Таким образом, выбор профессии студентами не случаен, предпочтение профессиональных направленностей и выборы связаны с местом проживания в районе.

Внедрение результатов данного исследования в практику может повлиять на разработку еще более эффективных программ обучения для студентов инженерно-строительных специальностей, для которых мы полагаем, очень важно с самого начала обучения иметь понятие о восприятии архитектуры как об активной деятельности, направленной на освоение действительности в соответствии с потребностями человека.

Литература

1. Гибсон, Дж. Экологический подход к зрительному восприятию / Дж. Гибсон.- М.: 1988.
2. Глызычев, В.Л. Образы пространства (проблемы изучения)// Творческий процесс и художественное восприятие / В.Л. Глызычев.- Л.: Наука, 1978.
3. Степанов, А. В., Иванова, Г. И. Архитектура и психология / А.В. Степанов, Г.И. Иванова.- М.: Стройиздат. 1993.
4. Линч, К. Образ города / К. Линч.- М.: Стройиздат, 1982.
5. Черноушек, М. Психология жизненной среды / М. Черноушек.- М.: Мысль, 1989.
6. Штейнбах, Х. Э., Еленский, В. И. Психология жизненного пространства / Х.Э. Штейнбах, В.И. Еленский.- СПб.: Речь, 2004.

Особенности структуры психических состояний при погружении в транс (в ситуациях релаксации и решения значимых для субъекта задач) и в обычных ситуациях повседневной жизнедеятельности

Бехтерева Валерия Дмитриевна

студентка

Казанский государственный университет им. В.И. Ульянова-Ленина, Казань, Россия

E-mail: anael86@rambler.ru

Введение

Считается, что трансовые состояния – наиболее часто встречающаяся разновидность измененных состояний сознания.

По М.Эриксону, транс – естественно возникающее, широко распространенное явление, много раз присутствующее в жизни любого человека в течение дня, например при прослушивании музыки, релаксации, задумчивости, погруженности в себя и т.д. Транс возникает также при воспроизведении этих ситуаций на мысленном фоне, соотнесении их с личным опытом и описании их протекания.

Категория трансовых состояний является малоизученной областью в силу трудности организации и проведения исследования, отсутствия четких критериев оценки результатов, а также собственно определения понятия «транса».

Методы

Исследование проводилось на выборке в 33 человека, в возрасте от 25 до 38 лет, с высшим образованием, консультантов салонов оптики. Им предлагалось по описанию ситуаций релаксации и сосредоточения на решении значимой задачи, встречающихся у каждого в условиях повседневной жизни, погрузиться в них, и с помощью опросника «Рельеф психического состояния» (Прохоров, 2004) «оценить» возникающие в этих 2 ситуациях состояния. Затем по тому же опроснику описать свое обычное состояние, наиболее характерное для повседневной жизнедеятельности.

В конце респонденты дополнительно оценивали по 10-ти балльной шкале наличие в проявлении каждого из этих состояний дополнительных 5 характеристик (погруженность в себя, концентрация внимания на мыслях, образах, внутренних переживаниях, отключенность от внешних раздражителей, яркость переживаний, интенсивность переживаний, усиление воображения) по выявлению наличия и степени выраженности трансовых «признаков» состояния, по данным которых делались выводы о переживании испытуемыми трансового состояния.

Результаты

Психические состояния, возникающие в ситуации релаксации и сосредоточения на решении задачи были отнесены к трансовым на основании наличия и высокой степени выраженности в проявлении данных состояний характеристик, черт «транса».

Оценка трансового состояния в ситуации релаксации характеризуется высокой степенью легкости возникновения образов, четкостью, ясностью представлений, усилением фантазирования, чувством восторга, ощущением тепла в теле, умеренным повышением мышечного тонуса, пониженной двигательной активностью, усилением и увеличением глубины дыхания, раскрепощенностью и легкостью переживаний, а также высокой расслабленностью, открытостью поведения.

Оценка трансового состояния в ситуации решения значимой задачи характеризуется небольшим ухудшением восприимчивости к внешним воздействиям со стороны ощущений вместе с хорошей осознанностью восприятия, четкостью и ясностью представлений, улучшением процессов памяти, повышением сообразительности, воображения, легкостью в управлении собой, высокой сосредоточенностью, активностью, оживленностью переживаний, повышением последовательности, контроля, устойчивости и напряженности своего поведения.

В оценке психического состояния в «обычной ситуации» преобладают относительно высокие характеристики осознанности, четкости, ясности восприятия и представлений, активности (пассивности) переживаний, устойчивости, продуманности, поведения.

В ситуации релаксации наибольшее количество взаимосвязей в структуре состояния имеют показатели состояния психических процессов и переживаний. А в

обычной ситуации повседневной жизнедеятельности – показатели состояния психических процессов, переживаний и поведения.

Результаты исследования свидетельствуют о том, что в зависимости от ситуации возникновения трансовых состояний обнаруживаются отличия в оценке их характеристик между собой по степени выраженности и структуре взаимосвязей.

Оценка характеристик состояния в ситуации сосредоточения на решении значимой для субъекта задачи по сравнению с «обычной» ситуацией имеет наименьшее количество значимых различий (как в структуре, так и в степени выраженности характеристик), тогда как между состояниями в ситуациях решения значимой задачи и релаксации, «обычной» ситуацией и релаксацией – количество различий наиболее велико. Вероятно, одним из объяснений последнему послужит «специфическое» протекание трансового состояния при релаксации в силу его редкой встречаемости в условиях повседневной жизнедеятельности и частого переживания трансового состояния погруженности, сосредоточенности, сходное с состоянием в обычной ситуации.

Литература

1. Прохоров А.О. (2004) Методики диагностики и измерения психических состояний личности. – М.: ПЕР СЭ, 2004.

Психосемантика восприятия музыкального искусства учащейся молодежью с разным уровнем музыкальной компетентности

Борисова Елена Сергеевна

аспирантка

Самарский государственный педагогический университет, Самара, Россия

E-mail: borisova440@mail.ru

Введение

В настоящее время искусство, в частности, музыкальное, транслируясь навязчиво и повсеместно, перестало быть чем-то уникальным, сакральным и праздничным. Вследствие кардинального изменения музыкально-культурной среды, можно говорить о появлении новых смысловых контекстов восприятия и понимания музыки современным слушателем, в частности, учащейся молодежью. С появлением психологической направленности проблем восприятия музыки, возникают вопросы по систематизации поступающей звуковой информации, структурной организации перцептивного акта, его схематизации, различий в типах и уровнях организации восприятия музыки, его структуры профессиональными музыкантами и немусыкантами. Актуальными также являются вопросы, связанные с интерпретацией слушателем музыкального произведения, включения в смысловые контексты субъекта восприятия и понимания

Концептуальной основой исследования выступили разработки отечественных и зарубежных исследователей в рамках психосемантического подхода (Ч.Осгуд, Танненбаум, Е.Ю.Артемьева, В.Ф.Петренко, В.В.Кучеренко): концепция семантического пространства как операционального анализа индивидуальной системы значений (В.Ф.Петренко), восприятие и оценка музыкальных произведений, построение музыкального семантического пространства (Л.Я.Дорфман, Г.В.Иванченко, Д.А.Леонтьев, П.А.Сабадош, М.Imberty, I.Crickmire). Отечественная психосемантика базируется на методологических позициях школы Л.С.Выготского, А.Н.Леонтьева, А.Р.Лурии и близкой ей школы С.Л.Рубинштейна.

Экспериментальная парадигма психосемантики включает в себя использование аппарата многомерной статистики для выделения категориальных структур сознания субъекта. При всем том, адекватность использования классического семантического

дифференциала (СД) в оценке музыкального произведения сегодня остается дискуссионным.

Методы

На основе данных, полученных в результате проведенного направленного ассоциативного эксперимента, был сконструирован набор шкал музыкального семантического дифференциала с 7-балльной градацией выраженности каждого признака, представляющий собой перечень 32 пар антонимичных прилагательных и включающий в себя категории: эмоционально-оценочные, эстетические, тембральные (отражающие синестетические характеристики музыкального звука), социальной идентичности.

Объектами восприятия для оценивания явились последовательно предъявляемые с магнитофона (запись на CD) 7 фрагментов музыкальных произведений, представляющие собой законченные музыкальные построения длительностью от 55 с. до 1 мин.10 с. каждый: 4 классических произведения различных исторических эпох и эмоциогенного содержания (согласно теории моделирования музыкальных эмоций В.И.Петрушина), а также 3 современные музыкальные композиции разных стилей. Интенсивность звучания (сенсорного раздражения) всех произведений фиксировалась на одном уровне. Эксперимент проводился в группах и занимал 45 минут.

Общая численность респондентов, охваченных исследованием, составила 367 человек обоих полов, в возрасте от 14 до 27 лет: школьники старших классов, студенты ССУЗ и ВУЗ г. Самары с разным уровнем музыкальной компетентности.

Результаты

Показательны результаты осуществленного нами факторного анализа (STATISTICA 6.0 for Windows, метод главных компонент, вращение «Varimax», обеспечивающее необходимую контрастность матрицы факторных нагрузок).

Так, в восприятии классической музыки реципиентами с высоким уровнем музыкальной подготовки выявлена устойчивая пятифакторная категориальная структура восприятия с собственным значением факторов $\geq 2,0$. Определяющими явились факторы: «эмоционально-эстетический», «сложность», «активность», «субъектная направленность», «оригинальность». Эмоционально-эстетический фактор включает в себя дифференцированные эмоциональные характеристики и эстетические категории. Когнитивная сложность произведения представлена логичностью, сосредоточенностью, напряженностью, осмысленностью, а активность восприятия характеризуется субъектной, т.е. интровертной его направленностью.

Категориальная организация восприятия классической музыки учащейся молодежью с низким уровнем музыкальной компетентности характеризуется устойчивой четырехфакторной структурой. Определяющими факторами выступили: «эмоционально-оценочный», «социальная идентичность», «активность», «объектная направленность». Восприятие данных групп реципиентов характеризуется непосредственно-чувственным уровнем, где существенную роль играют эмоционально-оценочные характеристики и категории социальной идентичности; активность обусловлена объектной направленностью восприятия.

По результатам факторного анализа групповых матриц оценок современных музыкальных композиций во всех образовательных группах реципиентов было получено четырехфакторное решение. В группах учащейся молодежи с высоким уровнем музыкальной подготовки определяющими явились факторы: «эмоционально-эстетический», «напряженность», «социальная идентичность» и «сложность». Существенное значение в оценке музыкальных произведений приобретают категории напряженности/расслабленности, а также характеристики социальной идентичности. Факторами влияния в молодежных группах с низким уровнем музыкальной компетентности являются: «социальная идентичность», «эмоционально-оценочный», «напряженность» и фактор «активности».

Результаты исследования свидетельствуют о том, что категориальная структура восприятия музыки учащейся молодежью с высоким уровнем музыкальной компетентности более сложная по сравнению с категориальной структурой восприятия музыки учащейся молодежью с низким уровнем музыкальной подготовки: эмоциональные реакции в процессе восприятия музыки более дифференцированы и выступают в качестве эмоционально-эстетических категорий. У групп учащейся молодежи с низким уровнем музыкальной компетентности восприятие характеризуется непосредственно-чувственным уровнем; с другой стороны – большую роль в оценке и интерпретации музыки играют категории социальной идентичности (популярность, современность, узнаваемость и т.д.), а также эмоционально-оценочные характеристики.

Литература

1. Артемьева Е.Ю. Основы психологии субъективной семантики. М.: Смысл, 1999.
2. Брунер Дж. Психология познания. М., 1977.
3. Осгуд Ч., Суси Дж., Танненбаум П. Приложение методики семантического дифференциала к исследованиям по эстетике и смежным проблемам // Семиотика и искусствоведение / Под ред. Ю.М.Лотмана, В.М.Петрова. М., 1972.
4. Панкевич Г.И. Социально-типологические особенности восприятия музыки / Эстетические очерки. Вып. 3, М.: Музыка, 1973. С. 95-122.
5. Петренко В.Ф., Сапсолова О.Н. Психосемантический подход к восприятию искусства // Психология искусства. Самара, 2002. Т. 2, ч. 1. С. 3-11.
6. Петрушин В.И. Музыкальная психология. М.: Владос, 1997.

Социально психологический тренинг (СПТ) как средство изучения способности распознавать ложь. (Программа исследования)

Борков Алексей Николаевич

студент

Ярославский государственный университет им. П.Г. Демидова, Ярославль, Россия.

E-mail: 400800@bk.ru

Способность адекватно распознавать ложь напрямую связана с существующей у субъекта ментальная модель (ММ) лучшего собеседника, поэтому в планируемом нами исследовании мы попытаемся проанализировать условия способствующие развитию и углублению представления о лучшем собеседнике.

Актуальность данной темы обусловлена тем, что каждый человек ежедневно осуществляет верификацию поведения партнёров по общению и от адекватности данного процесса зависит успешность в социальном взаимодействии, а для представителей некоторых профессий (следователь, дознаватель, судья, сотрудник таможни) и профессиональная успешность.

Цель работы: разработка общих принципов СПТ как средства формирования способности распознавания лжи и ММ распознавания лжи.

Задачи:

Разработка принципов и критериев диагностики эффективных и неэффективных ММ распознавания лжи;

Выявить основные тактики и стратегии поведения при распознавании лжи.

Коррекция непродуктивных ММ распознавания лжи.

Разработка принципов обеспечивающих перенесение выработанного навыка в реальную ситуацию;

Процедура работы:

I. Для диагностики общей способности распознавания лжи будем использовать авторскую методику с использованием видеоматериала, которая в дальнейшей работе будет темой для диагностической беседы «Образ успешного верификатора лжи».

Описание методики:

В качестве стимульного материала будет использована видеозапись, состоящая из 10 видеороликов, на которой ассистентка (студентка Театрального института) рассказывала истинные и ложные случаи, используя знания основных маркеров лжи, которые ей были объяснены экспериментатором.

Инструкция: «Сейчас Вам будут продемонстрированы 10 видеороликов, продолжительностью 2-3 мин. Часть видеороликов ложного содержания, часть – правда. Ваша задача распознать где ложь, где правда. Варианты ответов: от +2 – чистая правда до – 2 – чистая ложь (4-х балльная шкала).

II. СПТ распознавания лжи .

Цель тренинга: выявление эффективных и неэффективных ММ распознавания лжи.

На основании ранее проделанной работы мы предположили общую схему СПТ распознавания лжи, отражающую основные задачи данной работы.

Основным принципом положенным в основу тренинга является диагностика имеющихся ММ и их коррекция за счёт исправления неадекватных компонентов ММ (приверженность одной группе маркеров, влияние стереотипов, личностные особенности, неадекватная мотивация и т.д.) в результате рефлексии и группового обсуждения маркеров лжи а также тактик и стратегий поведения при верификации поступающей информации.

В рамках данного исследования тренинг выполняет функции формирования навыка распознавания лжи и ММ распознавания лжи.

Процедура тренинга.

Тренинг состоит из основного и дополнительных упражнений.

Основное упражнение – «Правда-неправда»

1. Участники садятся вокруг, друг напротив друга, чтобы каждый участник видел всех остальных участников тренинга;

2. Инструкция: «Расскажите, пожалуйста, историю, продолжительностью 2-3 минуты, которая является, либо чистой правдой, либо чистой ложью;

3. Далее каждый участник тренинга высказывает своё мнение о данном рассказе (правда, ложь) и объясняет на каких основаниях он сделал соответствующий вывод.

В ходе упражнения проводится обсуждение полученных маркеров лжи и сравнение их эффективности с признаками лжи полученных в результате ранее проводимых тренингов.

Маркеры лжи:

1. Информационные маркеры:

1.1. Логика: соотнесение верифицируемой информации с законами функционирования объективной реальности.

1.2. информация о верифицируемом:

Невербальные маркеры:

1. Низкая скорость речи, паузы: данный признак может свидетельствовать о том, что собеседник придумывает ситуацию, которая не имела места быть, параллельно с её вербализацией;

2. Громкость голоса: повышенная громкость голоса может вызвать у партнера по общению подозрения в неискренности собеседника, так как люди склонны думать, что говорящие правду всегда спокойны;

3. Тон (высота) голоса: при порождении акта лжи высота голоса повышается, так как лгущий испытывает страх разоблачения;

4. Потирание ладоней, самодовольная улыбка, ухмылка: могут свидетельствовать о том, что заранее продуманная тактика и стратегия порождения акта лжи удалась и лжец испытывает удовольствие от этого («восторг надувательства»);

5. Жесты вызывающие недоверие (жест «рука-к-лицу»)

6. Уход от визуального контакта: во время порождения акта лжи человек может испытывать угрызения совести, и поэтому он не хочет смотреть в глаза людям, которых обманывает;

7. Бегающий взгляд: для человека порождающего акт лжи очень важно иметь обратную связь о успешности или неуспешности своей деятельности, поэтому для того,

чтобы получить данную информацию он быстро переводит взгляд с одного собеседника на другого.

Интегральные маркеры:

1. Неконгруэнтность - негармоничность поведения.
2. Контекст ситуации – это особенности ситуации, которые оказывают существенное влияние на поведение верифицируемого.

При интерпретации поведения верифицируемого следует учесть, что отдельно не один из вышеперечисленных маркеров лжи не является стопроцентным, достоверным и надежным признаком лжи. Только их комплексный анализ может дать предположение о истинности или ложности поведения верифицируемого человека.

III. После I дня тренинга участникам даётся домашнее задание – попытаться применить полученные знания, умения и навыки на практике с последующей рефлексией. На тренинге осуществляется групповое обсуждение полученного опыта.

IV. Через несколько дней проводится проверка выработанных навыков. Для достижения данной цели используется авторская методика с использованием видеоматериала.

В результате реализации данного проекта планируется получить диагностическую и коррекционную процедуру позволяющую выявлять и формировать ММ эффективные с точки зрения распознавания лжи.

Психосемантика осознанного и неосознаваемого восприятия рекламных сообщений

Велькова Наталья Анатольевна

аспирантка

Ярославский государственный университет им. П.Г. Демидова, Ярославль, Россия

E-mail: velkova_na@mail.ru

Сегодня мы не представляем себе окружающий мир без рекламы. Реклама преследует нас повсюду, воздействуя на наше сознание и бессознательное. Но данное воздействие не проходит бесследно: постепенно меняется наше поведение, мысли, эмоции, отношение, то есть меняемся мы сами. Как именно влияет реклама на нас, каким образом мы ее воспринимаем, в чем особенности воздействия и восприятия рекламы... На эти и другие вопросы пытаются ответить специалисты в области психологии, социологии, маркетинга, экономики, рекламы и пр.

В данной статье приведен анализ рекламных сообщений супермаркетов с учетом его восприятия на осознанном и неосознаваемом уровне. Исследование проходило в два этапа, на первом из которых изучалась уже существующая реклама, на втором – анализировалась реклама, разработанная по результатам первого этапа исследования.

Изучение осознанного восприятия рекламных сообщений проводилось с помощью анкеты, разработанной на основе метода семантического дифференциала Ч. Осгуда. Анализ неосознаваемого восприятия осуществлялся в виде фоносемантической экспертизы текста рекламы в программном обеспечении ВААЛ. Для математической обработки полученных данных применялись метод ранговых корреляций Спирмена.

Выборка исследования составила 357 человек. На первом этапе - 160 респондентов, по 40 человек каждой возрастной категории: подростки (12-16 лет), юноши (17-25 лет), представители ранней (26-40 лет) и средней взрослости (41-60 лет). В каждой возрастной категории по 20 представителей каждого пола. На втором этапе - 197 человек, из них: 61 подросток (33 мальчика и 28 девочек), 58 юношей (31 парень и 27 девушек), 28 представителей ранней взрослости (8 мужчин и 21 женщина) и 49 респондентов, относящихся к средней взрослости (23 мужчины и 26 женщин). Возрастной состав выборки (от 12 до 60 лет) обусловлен покупательской способностью респондентов.

Анализируя результаты анкетирования, было обнаружено, что показатели восприятия по всем факторам у женщин практически в 2 раза больше, чем у мужчин. При этом фактор оценки является доминирующим у всех респондентов (2,4 балла – у женщин и 1,8 баллов – у мужчин). На втором месте по значимости у женщин находится фактор силы (от 1,1 до 1,7 баллов в зависимости от возраста), у мужчин не обнаружено единых тенденций (у респондентов в возрасте до 25 лет преобладает фактор силы, у аудитории других возрастных групп – фактор активности). С учетом возрастного аспекта выявлены наиболее высокие психосемантические показатели у представителей ранней и средней зрелости.

Фоносемантическая экспертиза текста рекламного сообщения показала преобладание фактора силы (1,1 балл), при этом фактор активности составил 0,9 баллов, а фактор оценки -0,3 балла.

Сравнение психосемантических показателей осознанного и неосознаваемого восприятия проводилось путем качественного анализа и анализа семантического пространства. Из построенных профилей была обнаружена некая взаимосвязь между осознанным и неосознаваемым уровнями восприятия. В частности, существует взаимосвязь по фактору активности и силы у всех респондентов ранней и средней зрелости (независимо от пола); а у женщин-респондентов еще и по фактору оценки, что подтверждается коэффициентом метода ранговых корреляций Спирмена. На основании данной корреляции была сделана гипотеза, что при изменении показателей неосознаваемого восприятия, будут изменяться показатели осознанного субъективного восприятия респондентов.

Таким образом, определив основные закономерности восприятия рекламы в супермаркете, был разработан текст рекламного сообщения новой акции. Данный текст тщательно редактировался с помощью программы ВААЛ и в итоге представлял собой позитивно воспринимаемое сообщение с высокими психосемантическими показателями (1,4 - оценка, 1,1 - сила, 1,6 – активность).

При анализе данной рекламы методом семантического дифференциала в целом обнаружены более высокие показатели (по фактору оценки до 2,4 баллов – у женщин и 2,0 – у мужчин; по фактору активности до 1,9 – у женщин и 1,6 – у мужчин; по фактору силы до 1,9 – у женщин и 1,4 – у мужчин). С учетом гендерного различия, женщины по-прежнему более позитивно воспринимают рекламу. С учетом возрастного аспекта, обнаружено положительное восприятие рекламы со стороны представителей подросткового и юношеского возраста.

Анализируя семантические пространства показателей метода семантического дифференциала и фоносемантической экспертизы текста, обнаружена взаимосвязь между осознанным и неосознаваемым уровнями восприятия. В частности, все психосемантические показатели практически совпадают у респондентов в возрасте от 12 до 26 лет, независимо от гендерных особенностей; по факторам оценки и активности - у всех респондентов ранней и средней зрелости, особенно ярко данная тенденция выражена у женщин-респондентов.

Результаты сравнения семантических пространств подтверждают нашу гипотезу о взаимосвязи осознанного и неосознаваемого уровней восприятия. Кроме этого психосемантический анализ рекламного сообщения позволяет сформулировать основные особенности восприятия рекламы:

Женщины более позитивно воспринимают рекламу, чем мужчины.

Возрастные особенности восприятия рекламы зависят от характеристики рекламируемого товара.

У большинства респондентов при восприятии рекламы определяющим является фактор оценки.

Существует прямая взаимосвязь между показателями осознанного и неосознаваемого восприятия.

Перспектива дальнейшего исследования заключается в выявлении возрастных особенностей восприятия рекламы; в определении взаимосвязи (либо ее отсутствии) восприятия и воздействия рекламы; в обнаружении других социально-психологических особенностей восприятия и воздействия рекламы.

Литература:

1. Лебедев-Любимов А.Н. Психология рекламы – СПб., 2003.
2. Мокшанцев Р.И. Психология рекламы - М., 2001.
3. Петренко В.Ф. Психосемантика сознания. – М., 1988.
4. Сидоренко Е.В. Методы мат.обработки в психологии – СПб., 2002.
5. Тутушкина М.К. Современная реклама и бизнес. - М., 1996.

Психосемантическое исследование представлений о личности профессионального психолога и его клиента

Грудцина Мария Владимировна
студентка

Черноморский филиал Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова, Севастополь, Украина
E-mail: mariagrudcina@rambler.ru

Характер профессионального общения психолога с клиентом во многом определяется представлениями о социальных ролях партнеров по взаимодействию, сформированными еще до начала непосредственного контакта. Данное исследование посвящено изучению семантических представлений образов личности психолога и его клиента, основанных на типажах-стереотипах этих социальных ролей.

Для построения семантических пространств образов личности был использован метод частного семантического дифференциала. Оценка личностных особенностей проводилась по 25 биполярным шкалам, каждая из которых была задана парой прилагательных-антонимов. Использованные пары были получены А.Г. Шмелевым, В.И. Похилько, А.Ю. Козловской-Тельновой в ходе построения тезауруса личностных черт на основе обиходной лексики, являются наиболее частотными и составляют 6,1% общего словаря антонимов, описывающих личность.

В исследовании приняли участие две группы испытуемых, выделенные по критерию наличия психологического образования. Респонденты, получившие высшее или неоконченное высшее психологическое образование, для краткости изложения названы «психологами», а испытуемые без психологического образования – «не психологами».

Объектами оценки выступали образы идеального профессионального психолога; профессионального психолога в действительности; клиента профессионального психолога.

Результаты. Для всех полученных факторных пространств характерно присутствие тех или иных модификаций трех шкал общего семантического дифференциала, выделенных Ч. Осгудом («Оценка», «Сила» и «Активность»). Эту триаду мы использовали как пункты для сравнения факторных пространств.

Модификации фактора «Оценка». Первые факторы всех семантических пространств являются различными модификациями фактора «Оценка». В представлениях людей, не имеющих психологического образования, фигурирует в основном генерализованная оценка личности («приятный – неприятный», «хороший – плохой»), тогда как «оценочные» представления психологов более дифференцированы:

оценивается отношение человека к другим, к своему труду, потенциал человека при решении им жизненных задач.

Оценка с точки зрения социальной желательности определенных качеств содержится и в некоторых других факторах, причем психологами оцениваются скорее те качества, которым соответствуют принятые в обществе формы поведения (например, соответствие моральным нормам, чувство такта, ответственность), а «не психологами» выделены черты, которые характеризуют скорее личность, а не поведение (доброта, сила воли, серьезность и др.). При оценке клиента «не психологами» выделен фактор «Интеллигентность» как свойство, характеризующее личностные особенности человека. Психологи в схожий по составу фактор «Воспитанность» вкладывают представление о конкретных формах поведения.

Модификации фактора «Сила». Фактор «Сила» выделяется менее четко, чем «Оценка». Факторы, занимающие второе место по доле общей дисперсии, практически во всех пространствах являются модификациями данного фактора общего СД. В семантических представлениях психологов выделяются образы «силы личности», «силы духа», тогда как для «не психологов» более важной оказывается «надежность» специалиста, возможность ему довериться. При оценке клиента у психологов выделен фактор, отражающий готовность к искреннему общению, не имеющий аналогов в семантических представлениях «не психологов».

Модификации фактора «Активность». Соответствие выделенных конструкторов фактору «Активность» не столь однозначно, как для двух предыдущих факторов общего СД. Отчасти это обусловлено тем, что активность в выделенных пространствах не имеет однозначной оценки с точки зрения социальной желательности. В пространстве представлений психологов об идеальном психологе активность выступает как показатель открытости, прямоты, общительности, с одной стороны, и экспансивности, жесткости, напористости, с другой. Эту тенденцию можно проследить на примере шкал «эмоциональный – спокойный» и «спокойный – тревожный». В факторных пространствах, описывающих представления о профессиональном психологе в действительности, психологи ставят полюса «эмоциональный» и «тревожный» в один ряд с прилагательными «подлый», «злой», «бестактный»; «не психологи» относят эмоциональность к показателям открытости вместе с качествами «оптимист», «волевой», «честный» и др.

Специфические факторы. Образ психолога. Некоторые факторы, не имеющие прямых аналогов в других факторных пространствах, ярче всего отражают специфику восприятия социальных ролей психолога и клиента. Например, представления психологов об идеальном психологе включают понятие о том, что необходимо придерживаться определенной «золотой середины» в проявлении собственной активности при работе с клиентом.

«Не психологами» выражено представление об идеальном психологе как о человеке, способном скрывать свои чувства в интересах психологического комфорта окружающих. В факторной структуре, отражающей семантическое пространство представлений о профессиональном психологе в действительности, у лиц с психологическим образованием выделены представления о некоторой «тревожной» активности, достаточно высоком неравнодушии.

Образ клиента. Семантические представления образа клиента профессионального психолога «не психологами» включает представление о подвижности, присущей духовному миру человека, обратившегося за помощью к психологу, его интеллигентности, некоторой неуверенности в себе, мягкости характера, тревожной, тонкой натуре. Для психологов характерно представление о «потребительской» установке клиента, эгоизме в проявлении чувств, трудностях в самостоятельном решении проблем, невысоком уровне ответственности. Но в целом представления психологов о клиенте характеризуются минимальной оценочностью с точки зрения социальной желательности и подчинены «презумпции невиновности» клиента: он

оценивается как человек скорее готовый быть искренним, чем скрытный, скорее воспитанный, чем с низким уровнем личной культуры, а также несамолюбивый и способный проявить ум и трудолюбие в решении своих проблем.

Выводы. Исследование способствовало выявлению определенной специфики представлений о личности в зависимости от того, имеет ли субъект психологическое образование. Представления лиц без психологического образования характеризуются большей стереотипизированностью и оценочностью. «Не психологи» более склонны давать общую оценку личности на основании представлений о социальной роли субъекта, чем оценивать конкретные проявления поведения и отношений. Представления психологов о себе и других подчинены целям их трудовой деятельности. Сформированные у психологов образы-типажи оцениваемых объектов менее нагружены оценочным содержанием и касаются конкретных видов поведения, проявлений отношения к себе и окружающим, а не личности в целом.

Особенности образа профессии у студентов

Гуров Сергей Викторович

аспирант

Кубанский государственный университет, Краснодар, Россия

E-mail: gurovsv@nightmail.ru

Вопросы, связанные с выбором профессии, с профессиональным самоопределением и становлением, самореализацией личности приобрели в настоящее время особую значимость, так как сегодня общество выдвигает новые требования к человеку — способность к самостоятельной постановке жизненных целей, независимость, возможность осуществлять свободный выбор. Одним из необходимых условий выбора профессии и становление профессионала является осознанное выделение реальных связей характеристик профессиональной деятельности, формирования образа профессии как регулирующего компонента освоения профессии.

Л.М. Митина говоря о выборе профессии, отмечает, что «важным является и то, что образ профессии, как когнитивное и эмоциональное образование, в определенной мере меняет систему общих ориентиров в общественном и индивидуальном сознании людей.» [4]

Значение субъективного образа профессии и труда, как целесообразной регуляции и саморегуляции трудовой деятельности отмечал Е.А. Климов [2].

С.В. Зиброва [1] исследует образ профессии, которое имеет характер обобщенности и отражает становление профессионального сознания как субъектного, личностного процесса с одной стороны, и соответствует внешнему, специфическому содержанию конкретной профессиональной деятельности — с другой стороны.

Образ профессии содержит в себе мотивирующий, индивидуальный и субъективный компонент образа себя и фрагментов мира.

Одними из интегральных компонентов образа профессии, по нашему мнению, являются стили человека.

В.С. Мерлин отмечал, что стиль отражает «взаимоотношения объективных требований деятельности и свойств личности. Индивидуальный стиль деятельности следует понимать не как набор отдельных свойств, а как целесообразную систему взаимосвязанных действий, при помощи которой достигается определенный результат. Отдельные действия образуют целостную систему именно благодаря целесообразному характеру их связи» [3, С. 166-167].

Гипотеза нашего исследования состояла в том, что образ профессии строится на основании когнитивных стилей, стилей мышления, общения, деятельности, как интегральных показателей требований профессии и личностных особенностей.

Методика

Для проверки нашей гипотезы мы использовали методику репертуарных решеток Келли. Выбор профессии для оценки осуществлялся индивидуально. Респонденты выбирали несколько профессий, которые им нравятся и несколько профессий, которые им не нравятся. Выделение конструкторов производилось методом триад. В эксперименте участвовали 35 студентов юридической, психологической и морской специальностей. Студенты выбрали свои специальности и дополнительно профессии бухгалтера, экономиста, дизайнера, актера, военного, математика, программиста, химика. Использовалась оценочная решетка. Проводился факторный анализ общей матрицы оценок с последующим варимакс вращением факторов.

Результаты

Выделено семь факторов: «инновационность - рутинность», «доверчивость - скептицизм», «широта – узость», «вербальное мышление – образное мышление», «неопределенность – стабильность», «консерватизм - радикализм», «импульсивность – погруженность в себя».

Несложно заметить, что в образе профессии представлены характеристики, которые могут быть отнесены как к особенностям профессий, так и к личностным качествам. Однако, факторы «широта – узость», «импульсивность – погруженность в себя», «вербальное мышление – образное мышление» и «неопределенность – стабильность» являются когнитивными стилями; «консерватизм - радикализм» и «инновационность - рутинность» являются стилями постановки и решения проблем [5].

Таким образом, студенты, формируя образ профессии, пользуются конструкторами, фактически являющимися характеристиками когнитивных стилей.

Литература

1. Зиброва С.В. Профессиональное сознание: репрезентация и образ профессии. – Дисс. ... канд. психол. наук. – Красноярск, 1999. – 122с.
2. Климов Е.А. Введение в психологию труда. М.: Культура и спорт, ЮНИТИ, 1998. - 350 с.
3. Мерлин В.С. Очерк интегрального исследования индивидуальности. М.: Педагогика, 1986. - 256 с.
4. Психологическое сопровождение выбора профессии./ Л.М. Митиной. – М., 1998. – 184с.
5. Холодная М. А. Когнитивные стили. О природе индивидуального ума. СПб.: Питер, 2004. – 384 с.

Психологические и метафизические контексты восприятия некоторых живописных образов эпохи Ренессанса.

Гурьянов Илья Геннадьевич

студент

Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова, Москва, Россия

E-mail: ilgur@yandex.ru

Процессы рецепции стояли в центре проблемного поля психологической науки со времен ее зарождения. Особое место здесь принадлежит проблематике образа: в частности, образ является основной теоретической категорией такого авторитетного исследовательского направления, как гештальтпсихология. Однако в настоящее время процессы генезиса и рецепции образа рассматриваются преимущественно в категориях когнитивной психологии, зачастую демонстрирующей механицистскую интерпретацию этих процессов (R. L. Gregory, H. V. Barlow).

Цель настоящей работы – на примере нескольких произведений живописи Высокого Возрождения охарактеризовать специфику рецепции образа в означенную эпоху, что потребует от нас реконструкции целого ряда актуальных для данного историко-культурного периода рецептивных контекстов. Это, во-первых, метафизический контекст: аллегорическое содержание, присваиваемое изображениям художником и «считываемое» аудиторией, трактовалось в русле идей ренессансного неоплатонизма. Во-вторых, контекст прагматический: медико-биологические представления эпохи, имевшие аристотелианские истоки, позволяли приписывать изображению определенные терапевтические функции. При этом изображение воспринималось не только как средство симпатической магии, но и как своеобразное дидактическое руководство, и как источник непосредственного психосоматического воздействия. Наконец, контекст бытовой – ритуальный – и эстетический, сохраняющий свою актуальность до настоящего времени. Одна из важных задач настоящего исследования – представить все эти контексты как стороны единого пространства рецепции образа: разбор сложных и противоречивых взаимоотношений обозначенных модусов восприятия живописного изображения позволит нам выявить специфику ренессансной рецепции образа. Предметом нашего анализа будут «Спящая Венера» (или «Дрезденская Венера») Джорджоне, «Венера Урбино» Тициана и – в меньшей степени – «Венера и Купидон» Лоренцо Лото; ряд важных для нас положений, проясняющих идейный подтекст этих произведений, мы обнаруживаем в трактате Марсилио Фичино «О жизни».

В нашей работе мы опираемся на исследования в области исторической психологии, истории искусства, теории культуры, обладающие парадигматическим значением в комплексе наук о Ренессансе (Э.Пановский, Ф.Йейтс, А. Шастель), а также привлекаем ряд работ отечественных и зарубежных ученых, освещающих отдельные стороны возрожденческой рецептивной культуры (...Ю.В. Иванова). Наше исследование будет полезно для уточнения историко-психологической трактовки явлений культуры рассматриваемого периода. Кроме того, настоящая работа должна вновь продемонстрировать важность рассмотрения историко-культурной специфики рецептивного опыта для адекватного психологического анализа образного восприятия.

Литература

1. Иванова Ю.В. Возрождение философии. Марсилио Фичино // История литературы Италии. – Т. 2. – Ч. 1. – М.: ИМЛИ РАН. – 2007. – С. 367–406.
2. Falco M. Il Mito di Venere-Fondatrice // www.starttel.it/lafenice/rivista-2-03/pagina5.html.
3. Шастель А. Искусство и гуманизм во Флоренции времен Лоренцо Великолепного. Очерки об искусстве Ренессанса и неоплатоническом гуманизме. - М., СПб.: Университетская книга, 2001
4. Ficino M. Confabulatio senum sub Venere per virentia prata // <http://bivio.signum.sns.it/bvWorkPage.php?pbSuffix=94%2C164490&resetPageNav=1>

Исследование гендерных стереотипов с использованием фразеологического материала русского языка¹

Данилкина Наталья Валерьевна

аспирантка

Лаборатория социологических исследований РГУ им. И. Канта, Калининград, Россия

E-mail: natashadan@pochta.ru

¹ Данное исследование проводилось под научным руководством к.соц.н., доцента кафедры социологии и политологии А.В. Алимпиевой.

Термин «стереотип» был введен американским публицистом Вальтером Липпманом в 1922 г. в значении «картина, образ в голове человека» (Schaff, 1981) и впоследствии проник в различные области знания. Со времени появления термина стереотипы стали предметом многостороннего изучения разных наук: от социологии и психологии до лингвистики и философии языка. В самом общем смысле стереотип – это упрощенный, схематизированный, привычный канон мысли, образ восприятия и поведения (Волков, Мостовая, 1998).

Результаты исследований явления стереотипизации показывают, что стереотип, помимо набора содержательных характеристик (обобщенность, упрощенность, устойчивость и т.п.), включает в себя эмоционально-оценочный компонент. Эта же особенность, а именно направленность на характеристику человека как субъекта деятельности, отличает и фразеологизмы: они «оценивают человека с точки зрения физических, психических, морально-этических, интеллектуальных качеств, характеризуют его в отношении социальной принадлежности, рода занятий, возраста и жизненного опыта, родственных связей» (Жуков, 1986).

В проведенном нами пилотном исследовании изучались особенности гендерной стереотипизации среди студентов в возрасте 19-21 года. Методом номинативного шкалирования испытуемые устанавливали соответствие характеристики, выраженной фразеологическим оборотом тому или иному классу: мужское – женское – нейтральное. В качестве дескрипторов были использованы фразеологизмы русского языка, содержащие в своей семантике гендерно-маркированные качества (прямой, правдивый, понимающий других, способный к лидерству, имеющий собственную позицию, агрессивный и т.п.). При отборе фразеологического материала использовался фразеологический словарь, а также список гендерно-маркированных качеств из опросника С. Бем, предназначенного для изучения степени маскулинности, фемининности и андрогинности.

В результате было отмечено, что количество автостереотипов (стереотипов в отношении собственной гендерной группы) превышает количество стереотипов в отношении противоположного пола, т.е. эффекта гомогенности чужой группы, выражающегося в тенденции видеть больше сходства среди членов другой группы, в данном исследовании не наблюдалось.

При выборе типично «мужских» качеств была выявлена умеренная корреляция ответов юношей и девушек, при выборе «женских» – также статистически значимая корреляция ответов мужской и женской групп. Таким образом, проявил себя выявленный учеными эффект консенсуса, подразумевающий наличие в обществе некой системы убеждений, разделяемой всеми (Флоренс, 2001).

Проверка эмоционально-оценочного восприятия использованных в исследовании фразеологизмов не выявила пристрастного отношения к своей гендерной группе. При этом была отмечена статистически значимая корреляция в выборе мужчинами и женщинами «желательных, одобряемых» качеств (держат себя в руках, иметь голову на плечах, работать не покладая рук, держать язык за зубами и др.) и качеств «нежелательных, не вызывающих симпатию» (поднять руку на кого-либо, не видеть дальше своего носа и др.).

Возможности развития методологического инструментария с использованием фразеологизмов и близких к ним языковых явлений (паремий) в рамках проблематики межличностного и межгруппового восприятия, на наш взгляд, далеко не исчерпаны в науке. Высокая степень компрессии информации, связь с этнокультурными особенностями носителей языка, наличие эмоционально-оценочного компонента могут быть широко использованы в междисциплинарных и сравнительных исследованиях. Кроме того, в экспериментальной работе метафорический характер данного языкового материала позволяет уменьшить при шкалировании эффект социальной желательности,

неизбежно возникающий при оценивании социально значимых объектов (Петренко, 1997).

Литература

1. Волков Ю.Г., Мостовая И.В. (1998) Социология. М., с. 423.
2. Жуков В.П. (1986) Русская фразеология. М., с. 90.
3. Петренко В.Ф. (1997) Основы психосемантики. М., с. 312-313.
4. Флоренс Л. Джейс (2001) Самоисполняющиеся пророчества: гендер с социально-психологической точки зрения // Сексология / По ред. Д.Н. Исаева. СПб., 512 с.
5. Schaff A. (1981) Stereotypy a dzialanie ludzkie. Warszawa, s. 43.

Социальные стереотипы «мужского» и «женского» ума в современной России.

Дессау Виктория Анатольевна

сотрудник

*Ленинградский государственный университет им. А.С.Пушкина, Санкт-Петербург,
Россия*

E-mail: des1905@mail.ru

Введение

Актуальность изучения социальных стереотипов «мужского» и «женского» ума определяется произошедшими изменениями в культуре в связи с уравниванием прав мужчины и женщины во всех сферах жизни общества. Признание равноправия полов предполагает признание у мужчин и женщин одинаковых способностей, в особенности интеллектуальных, являющихся важнейшей характеристикой человека как субъекта деятельности. В то же время имеют место стереотипные представления о различиях «женского» и «мужского» ума, которые находят свое отражение в искусстве и литературе. Прежде всего следует отметить такие противопоставления как «логичность - интуитивность» и «абстрактность - конкретность» (Булгаков, Колесов, Логинов, Розанов, Флоренский, Хрипкова и др.). Мужественность принято соотносить с логичностью, а женственность - с интуитивностью, конкретностью мыслительной деятельности.

Не смотря на устойчивость стереотипных представлений, процесс изменения гендерных стереотипов обусловлен объективными условиями - социально-экономическими и политическими трансформациями, а также субъективными - индивидуально-психологическими особенностями и условиями социализации личности (Клецина И.С., 2004). Стремление к равноправию полов, как социальный фактор, влияет на изменение социальных представлений и стереотипов мужчин и женщин друг о друге и о самих себе. При этом традиционное представление о существенных различиях интеллектуальных особенностей мужчин и женщин, т.е. комплекс социальных стереотипных представлений о «мужском» и «женском» уме, входит в определенное противоречие с идеей равноправия.

На фоне существенно выраженного компонента, относящегося к оценке «ума», в многочисленных исследованиях гендерных стереотипов, представленных в литературе, обыденные современные представления о «мужском» и «женском» уме остаются недостаточно изученными. Данная работа направлена на изучение социальных стереотипов «мужского» и «женского» ума в контексте современной российской культуры.

Целью нашего исследования является анализ гендерных аспектов социальных стереотипов интеллекта.

Гипотезы исследования:

Наибольшие различия в представлениях о мужском и женском уме проявляются в отношении свойств, относящихся к сфере так называемого социального интеллекта.

«Умный мужчина» и «умная женщина» оцениваются как более близкие по интеллектуальным свойствам, чем «типичный мужчина» и «типичная женщина».

Оценки свойств ума типичных представителей своего пола выше, чем соответствующие оценки представителями противоположного пола.

Методы.

В обыденном сознании интеллект (ум) не абстрагирован от того, кому он реально принадлежит, поэтому предметом проводимого исследования стали представления об умном мужчине и умной женщине. Ниже представлена часть исследования, которая проводилась с помощью анкеты, разработанной И.А.Мироненко на основе модели обыденных представлений об интеллекте Р.Стернберга, опрошено 107 человек. Испытуемым предлагалось оценить по 7-балльной шкале выраженность у «умного мужчины», «умной женщины», «типичного мужчины» и «типичной женщины» 9 свойств интеллекта: 1) умение применять знания для решению практических задач; 2) ясность и беглость речи, 3) способность видеть различия и согласовывать различные точки зрения, 4) умение настойчиво искать и находить необходимую информацию, 5) знания о мире, умение использовать опыт, 6) сообразительность, умение мыслить абстрактно; 7) способность понимать других людей и предвидеть их поведение; 8) хитрость; 9) способность использовать других людей в своих целях.

Результаты.

Результаты исследования в целом подтвердили гипотезы.

Значимые различия между оценками интеллектуальных свойств «умного мужчины» и «умной женщины» выявлены лишь в отношении свойств №№ 7, 8, 9. Значимые различия в оценках типичных представителей полов обнаружены фактически по всем выделенным параметрам, кроме свойств №№ 1 и 5. Данные результаты подтверждают гипотезы 1 и 2.

Значимых различий в представлениях об «умном» мужчине и «умной» женщине между респондентами мужского и женского пола не выявлено. Значимые различия в оценках свойств типичной женщины респондентами мужского и женского пола выявлены по свойствам № 4, 8 и 9, а типичного мужчины – по всем свойствам, кроме №9. Данные результаты подтверждают гипотезу 2.

Оценки свойств типичного представителя своего пола мужчинами в отношении всех свойств, кроме первого, значимо выше, чем соответствующие оценки, даваемые женщинами. Однако тенденция более высокой оценки свойств ума типичной представительницы своего пола у женщин не проявилась. Более того, оценка свойств ума № 4, 8 и 9 мужчинами у типичной женщины выше, чем соответствующая оценка самими женщинами. Таким образом, гипотеза 3 подтвердилась частично, лишь в отношении мужчин.

Представляется интересным, что социальные стереотипы «мужского» и «женского» ума, в первую очередь, различаются в отношении той части интеллекта, которую называют социальным интеллектом. Возможно, это является объяснением того парадоксального факта, что, если в повседневных стереотипах отличие «мужского ума» от «ума женского» не вызывает сомнения, то научные исследования в области интеллекта, умственных способностей, до сих пор свидетельствуют об отсутствии качественных различий. При этом анализ многочисленных исследований половых различий в когнитивной сфере (Бендас Т.В., Виноградова Т.В. и Семенов В.В., Дружинин В.Н. и др.) показывает преобладание социокультурной детерминации различий над универсально-биологической (Клецина И.С., 1998).

Мы надеемся, что наше исследование позволит расширить имеющиеся в литературе представления о структуре имплицитных теорий интеллекта в части их гендерных особенностей и о тенденциях их актуальных изменений.

Литература.

1. Бендас Т.В. Гендерная психология: Учебное пособие. – СПб.: Питер, 2007. – 431с.: ил. – (Серия «Учебное пособие»).

2. Емельянова Т.П. Конструирование социальных представлений в условиях трансформации российского общества. - М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2006. 400с.
4. Клецина И.С. Психология гендерных отношений: Теория и практика. СПб.: Алатейя, 2004. – 408с. – (Серия «Гендерные исследования»).
5. Социальный интеллект: теория, измерение, исследования / Под ред. Д.В.Люсина, Д.В.Ушакова. - М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2006. 400с. – 176с.

Самость и становление эмоционально-когнитивных связей в раннем онтогенезе человека

Долготович Ильдар Владимирович

аспирант

Омский государственный педагогический университет, Омск, Россия

E-mail: I.Dolgotovich@mail.ru

Ещё в древней философии осознано, что многие беды человеческой психологии исходят из диалектики чувств и разума. Однако тогда всерьёз рассуждали, что одно начало лучше другого, и даже создавали соответствующие императивы. Целые исторические эпохи определяли свое содержание отношением к этому вопросу. Тем не менее, контролирующее и чувствующее начала могут существовать конфликтно, но при господстве одного мы всегда обнаружим присутственное влияние другого. Глубокое понимание этого, преодолевая дуалистическую традицию противопоставления, ставит вопрос о гармонии человеческого развития.

Впрочем, заметно ещё влияние предшествующей интеллектуальной традиции, хотя бы по тому, что большинство работ раскрывают болезненные последствия диссоциации. Построение же модели психологического здоровья наталкивается на методологические трудности. Даже определение его легче поддается средствам негативной терминологии, например, мы можем вывести, что условием психологического здоровья будет отсутствие внутриличностных барьеров к самоосуществлению. В противном случае в определениях обозначается некий онтологический идеал.

Сложность заключается в том, что сущностные свойства человека, возможность реализовать которые и считается психологическим здоровьем, в своих истоках принадлежат глубинам человеческой души, поэтому их осуществление сопряжено со многими препятствиями. Этим, собственно, и обусловлено существование континуума «подавленность—проявленность» индивидуального существа. Каждая личная психология — точка на этом континууме, а две полярности его — нарушенность / гармоничность эмоционально-когнитивных связей.

В области нормальной психологии всегда можно заметить более или менее успешное функционирование механизмов собирания и поддержания целостного образа себя. Согласно К. Юнгу, в случае диссонансных переживаний, переживания внутреннего кризиса или столкновения со сложной жизненной ситуацией, личность архетипически предрасположена к расширению своего сознания, что означает ассимиляцию как накопленного, но не осознанного, жизненного опыта, так и содержания коллективного бессознательного. Для осуществления подобной ассимиляции формируется особая функция ЭГО — трансцендентная. Она делает возможным погрузиться в личное и часть коллективного бессознательного, что приближает личность к самости. Всё это проходит в форме диалога с самим собой и приводит к серии инсайтов [1]. Однако часто оказывается так, что за актуализацией в подобных ситуациях интровертированной установки, не следует действительного самоанализа. В отдельных случаях это

оказывается вредным, и на обыденном уровне человеку рекомендуют отвлечься, не задумываться и т.п.

С одной стороны, нормальному функционированию данных механизмов может препятствовать содержание индивидуального бессознательного, а с другой — несформированность эмоционально-когнитивных связей, когда, фигурально выражаясь, человек просто не привык обращаться к своему чувственному опыту. Проблема формирования указанных связей и является предметом нашего внимания.

Прежде всего, мы исходим из представления К. Юнга о синтезирующей деятельности архетипа самости. Совершенно очевидно, с одной стороны, что она осуществляется в тесном взаимодействии эмоций и когниций, но в то же время, самость существует гораздо раньше личного эмоционального опыта и складывания индивидуальной ментальности. Отсюда легко предположить, что становление эмоционально-когнитивных связей с самого начала проходит в соответствии с функциональным назначением архетипа самости. Однако это означает не более чем операционализацию архетипически заданных механизмов личности, поиск средств для их работы, подобно тому, как подавленная энергия инстинкта находит каналы высвобождения, делая их привычными для человека. Формулировка «Самость и становление эмоционально-когнитивных связей» подразумевает именно такое отношение к проблеме.

Особый интерес представляет ранний онтогенез человека, когда происходит закладка многих механизмов личности. Одним из таких механизмов функционирования личности как раз и является связь аффекта и интеллекта — важнейшего новообразования при переходе от раннего детства к дошкольному. Оно заключается в возникновении образов и представлений, обладающих побудительной силой. До этого активность ребенка обуславливается исключительно его аффективностью. Однако, появление связи аффекта и интеллекта, конечно, не значит, что прежде две сферы психики находились в абсолютном параллелизме друг к другу: примесь когнитивного элемента можно усмотреть и в структуре аффективно окрашенного образа младенца.

Известна роль взрослого для формирования у младенца базового чувства доверия (Э. Эриксон), положительного эмоционального мироощущения (Кулагина И.Ю.). Наличие врожденной способности к контакту (априори: социальному взаимодействию) со взрослым (Рыбалко Е.Ф., Годовикова Д.Б., Крайг Г. и др.) делает возможным использовать его как адаптационный ресурс. Напомним, что К. Юнг рассматривал психический аппарат и его трехслойную структуру, как результирующую функции приспособления (см. «Приспособительная функция души», «Земная обусловленность души»). Первичная самость, данная в телесных ощущениях, очевидно, испытывает чрезмерное давление окружающей среды, поскольку малейший физический дискомфорт вызывает бурю эмоциональных реакций. В этот период, как представляется, психика ребенка испытывает дефицит средств приспособления, и в дальнейшем, по мере развития коры головного мозга, а соответственно и ресурсов адаптации, использует их как «восполняющую компенсацию». Примечательно, но человек на протяжении всей жизни, с позиции настоящего возраста, сетует на недостаток мудрости в прошлом, и как будто компенсаторно пытается их исправить.

Между тем, именно развитие когнитивной сферы, включаясь в эмоциональные переживания близости с матерью, расширяет адаптационные возможности ребенка. На наш взгляд, первичный контакт когнитивного и эмоционального происходит под компенсаторным влиянием функционального поля центрального архетипа.

Литература:

1. Анцыферова Л.И. Архетипическая теория развития личности К.Г.Юнга // Психологический журнал, 2000, том 21, № 3, с.10-19

2. Дух в человеке, искусстве и литературе / К.Г.Юнг. – Мн.: ООО «Харвест», 2003.- 384с.

Роль рефлексии в психических практиках Востока

Елисеенко Александр Сергеевич.²

студент

Государственный университет – Высшая школа экономики, Москва, Россия

E-mail: animagenesis@gmail.com

Одним из эффективных, но недостаточно изученных ресурсов человеческой психики является рефлексия, которая служит важным механизмом творчества и самосовершенствования. В западноевропейской культуре сложилась восходящая к Платону и Аристотелю рационалистическая традиция трактовки рефлексии как самопознания (Р.Декарт), самонаблюдения (Дж.Локк), которые направлены на осознание собственного мышления (Дж.Дьюи), оснований внешне направленного поведения и социальной деятельности (Н.Г.Алексеев, Г.П.Щедровицкий). согласно И.Н.Семенову (1972, 1973, 2000) эта интеллектуально-рационалистическая рефлексия функционирует во взаимодействии с личностно-экзистенциальной рефлексией, включающей подсознательные резервы психики.

На Востоке (Индия, Китай) рефлексия, в ее неявной форме, искони являлась частью культуры и во многом оказывала организующее влияние на мир внутренней жизни человека. В философии и психологии Востока традиционно изучается многообразие психической саморегуляции жизни человека, включая ее подсудные резервы, в т.ч. как рациональную, так и иррациональную рефлексия.

В связи с этим предметом нашего изучения рефлексии в трактовках Восточной культуры Древней Индии и Китая является выделение из духовной практики психологических процессов рефлексивно-экзистенциального анализа индивидуальности и личности субъекта, произвольно рефлексиирующего динамику своего сознания для развития собственного «Я».

В качестве теоретической базы были использованы работы ряда направлений рефлексивного человекознания (Н.Г.Алексеев, 1983; В.В.Давыдов, 1971; В.А.Лефевр, 1965; В.Е.Лепский, 1998; Г.П.Щедровицкий, 1984; Е.Б.Старовойтенко, 2006 и др.) и рефлексивно-гуманитарной психологии (И.Н.Семенов, 1990, 2000).

Рефлексивный анализ человеком собственного нравственно-психологического состояния есть начальная ступень всей практики морального и психического самосовершенствования. Речь идет о рефлексии, как об обязательной самоорганизующей практике, направленной на саморазвитие. Такая практика рефлексирования позволяет включить управляемое, произвольное осознание самых темных сторон собственной психики, с целью выявить подсудные, тайные влечения и переструктурировать свою психику в соответствии с тем, что удалось осознать благодаря рефлексии.

В индуизме идет речь о процессе осознания человеком собственного «Я» в контексте бытия, или в терминологии рефлексивной психологии (И.Н.Семенов, 1994, 2000) – о духовной и экзистенциальной рефлексии. В индуисткой традиции при трактовке человеческого существования часто акцентируется система взаимоотношений

² Автор выражает благодарность профессору, д. психол. н. Семенову И. Н. за помощь в подготовке тезисов.

между «Я» и «сверхдушой». При этом осознанность бытия выступает как способ самосовершенствования. Механизмом совершенствования является рефлексия.

В Китае были разработаны самые разнообразные и весьма эффективные методы осознанной, целенаправленной и систематической регуляции различных психических процессов управления нервно-психической деятельностью человека. Эти рефлексивные техники позволяли достаточно радикально изменять, переструктурировать исходные психические структуры (т.е. структуры, сложившиеся в процессе социализации человека до применения специальных методов, выработанных в русле данной традиции)[1].

Литература

1. Абаев Н.В. Чань-буддизм и культура психической деятельности в средневековом Китае // Бурятский институт общественных наук СО АН СССР Издательство "Наука". Новосибирск, 1983
2. Гримак Л.П. Резервы человеческой психики. Введение в психологию активности. М.Политиздат 1987 – 285 с.
3. Комаровский Я. Природа сознания и процесс восприятия в буддийском мировоззрении. М.Шечен. 2002. – 125 с.
4. Матяш Т. П. Сознание как целостность и рефлексия. М. 1988 - 181 с.
5. Притчи человечества /Сост. Лавский В. В./ –М: ИКЦ «МарТ», 2007. -576с.
6. Семенов И.Н. Душа. Индивидуальность. //Большая Советская Энциклопедия. 3-е изд. М.СЭ. 1972
7. Семенов И.Н. Тенденции развития психологии мышления, рефлексии и познавательной активности. М.-Воронеж. МПСИ. 2000 – 64 с.
8. Цветков Э. Мастер самопознания или погружение в «Я» (психономика). Спб. Лань. 1995 – 192 с.
9. Шадриков В. Д. Мир внутренней жизни человека. – М.: Университетская книга, Логос, 2006. – 392с.
10. Chang Chung-yuan. The Nature of Man as Tao. – In: Man and Nature. Calcutta, 1978.

Влияние означающего на означаемое

Ефимова Ольга Вячеславовна

студент

Казанский государственный университет им. В.И. Ульянова-Ленина, Казань, Россия

E-mail: belis.like@mail.ru

Отечественные психологические исследования, если они не посвящены изучению общения и речи, как правило, игнорируют тот факт, что слова, которыми человек что-либо называет, влияют на то, как потом, после называния, человек сам воспринимает себя и то, что назвал.

Влияние означающего на означаемое рассматривается в работах постфрейдистского направления; основой данного исследования стали труды Жака Лакана. По Ж. Лакану, суть означаемого – это явление, суть означающего – это обозначение явления через средства языка. «Другой» (с большой буквы) – это означающий, то есть другой человек, субъект, который называет то или иное явление через средства языка.

Мы исследовали явление «называние» или «означающее» на таком важном жизненном феномене, как отношения мужчины и женщины в ситуации любви.

В основе исследования лежат 2 фактора:

1. высказывание Ж. Лакана о том, как человек входит в сексуальный контакт: либо это наслаждение тела (человек как объект наслаждения), либо наслаждение телом (человек как субъект наслаждения);

2. опросник, составленный Хусаиновой Н. Ю. и Гиниятуллиной А. в 2003 г., позволяющий определить один из 46 видов любви в трёх позициях: вид любви, который испытуемый испытывает по отношению к другому человеку (R), вид любви, который испытывают по отношению к испытуемому (Z), вид желаемой любви (I).

Человек обозначает те или иные явления, сопровождающие его в жизни, подбирает им названия, вкладывая в них максимальный смысл переживаемого явления. Каждый раз, когда человек берет на себя функцию означающего (то есть называет что-либо), происходит следующее: в этот момент говорит не только человек, но и через человека говорит означающее (через структуру языка) и последствия этого заключаются в том, что природа человека «становится сотканной из последствий, в которых обнаруживается структура языка» (Ж. Лакан). И эти последствия влияют прямым образом на означаемое, так как оно кроется в этой самой природе человека. И. Польстер, изучая это взаимодействие (называния и восприятия) обнаружил, что называние чего-либо влияет на то, как человек воспринимает потом то, что сам же назвал. А так как речь идет о таком феномене, как любовь, то, следовательно, называние дает возможность человеку осознать себя как субъекта любви, объекта любви и как субъекта, мечтающего о какой-то конкретной любви.

Таким образом, выбор или не выбор себя как объекта и субъекта секса (как 1 из 46 видов любви в опроснике) должен определять вид идеальной любви для этого человека, должен влиять на образ любви, о которой он мечтает. Другими словами, любовь как явление здесь предстает в двух позициях – означаемого и означающего.

Целью данного исследования является эмпирическое подтверждение теоретического положения Ж. Лакана о влиянии означающего на означаемое (влиянии называния на восприятие).

Все испытуемые были разделены на 4 группы, 2 женские и 2 мужские, а также по признаку называния или не называния себя субъектами или объектами наслаждения (секса как вида любви).

Выявлено следующее:

При рассмотрении полученных результатов групп, в которых испытуемые назвали себя субъектами, объектами наслаждения, можно сделать вывод, что девушкам, в отличие от молодых людей, более характерна романтичность в отношениях, а также проявление эгоизма. А мужской выборке, в отличие от женской, более свойственно сведение любви к удовлетворению физических потребностей.

При анализе общего содержания видов любви, которые более выражены в качестве желаемых видов любви в группах, в которых испытуемые не называют себя субъектами или объектами наслаждения, следует отметить, что в женской группе преобладают виды любви, в которых, во-первых, присутствует романтическая составляющая и, во-вторых, по сравнению с мужской группой, в меньшей мере выражена дефицитарная составляющая. Кроме того, в женской выборке присутствует секс как желаемый вид любви, а в мужской – отсутствует.

Исходя из полученных результатов, можно предположить, что девушкам свойственно искать в любви удовлетворение для целого комплекса своих потребностей (например, потребность в романтических отношениях, в заботе, в надежности, в защите, а также потребность в физической составляющей отношений), тогда как юноши больше нуждаются в осознании собственной ценности и нужности любимому человеку.

Итак, влияние означающего на означаемое действительно проявляется через воздействие осознания себя как субъекта, объекта одного из видов любви на представление о желаемом виде любви.

По Лакану, осознание себя как субъекта или объекта секса является не чем иным, как проецированием на другого своих желаний и стремлений к удовлетворению своих потребностей. Эти потребности реализуются в любви, и такая любовь на самом деле не является любовью в узком смысле этого слова, это только компенсация собственной несостоятельности, так как в такого рода отношениях субъект предоставляет другому право удовлетворения потребностей данного субъекта, то есть себя. В таком союзе основой любви является запрос по поводу сексуального удовлетворения, и к такому виду любви стремятся в большинстве своем люди, называющие себя субъектами или объектами наслаждения – секса как вида любви.

Любовь, в узком смысле этого слова или любовь как искусство, по Ж. Лакану, будет существовать только при условии, что причиной любви станет человек, по отношению к которому будет реализовываться это чувство, то есть данный субъект должен занять место причины желания. Такое смещение причины желания (с потребности на объект любви) происходит у людей, которые не называют себя субъектами и объектами наслаждения – секса как вида любви.

Литература:

1. Лакан Ж. Инстанция буквы, или судьба разума после Фрейда. Пер. с фр./ Перевод А.К. Черноглазова. М.: «Русское феноменологическое общество», изд-во «Логос», 1997.-184 с.
2. Лакан Ж. К Якобсону, доклад. Перевод с французского А.К. Черноглазова; режим доступа: http://lacan.narod.ru/ind_lak/lac_r6.htm
3. Польстер И. Обитаемый человек. Терапевтическое исследование личности. М., 1999. - 240 с.
4. Хусаинова Н.Ю., Рахимова А.Ф. Я-концепция наркозависимого. Казань: ЗАО «Новое знание», 2006. – 108 с.
5. Фромм Э. Искусство любить; М: София, 1997.
6. Петрушин С.В. Любовь и другие человеческие отношения; С-П: Речь, 2005.

Реконструирование методами психосемантики представлений об Архетипе Великой Матери и ролевых позициях студенток-психологов

Игнатьева Анастасия Александровна

студентка

Черновицкий национальный университет им. Ю. Федьковича, Черновцы, Украина

E-mail: onedaler@rambler.ru

Введение

Современная психотехническая литература пестрит богатством тематики и включает в себя не только психологию, а и эзотерику, магию и даже «стервологию», что не может не отображаться на модели мира современной молодежи.

На архетипическом уровне образ ведьмы связан в коллективном бессознательном с архетипом Великой Матери, имеющим 4 основных проявления: хорошая мать – ужасная мать (старая ведьма), положительная анима (добрая фея) – отрицательная анима (роковая женщина, молодая ведьма). Архетипы доступны анализу методами психосемантики, которые позволяют изучать генезис, строение и функционирование индивидуальной системы значений, которая определяет восприятие субъектом мира, других, самого себя.

В современной психосемантике основным методом является реконструкция субъективных семантических пространств многомерных моделей семантической организации (Петренко, 1997, с. 37) с использованием многомерного шкалирования (МШ) и семантического дифференциала (СД). Психосемантические модели позволяют описывать внутреннюю картину мира как отдельно взятого субъекта, так и

«обобщенного» субъекта (общественного сознания). При этом Е.Ю.Артемьевой было показано, что исследование составляющих представления мира требует перехода к моделям особого типа – «содержательным» (Артемьева, 1991, с.72).

Методы

Целью исследования являлась проверка определенным образом структурированной в семантическом пространстве модели «Архетипа Великой Матери» (Neumann E., 1988), а также реконструирование представления о ролевых позициях современных женщин.

Для проверки гипотезы проводилось многомерное шкалирование и конфирматорный факторный анализ результатов, полученных методом семантического дифференциала.

Многомерное шкалирование позволяет на основании информации про близость (расхождение) объектов изучать структуры субъективного опыта (Петренко, 1997, Пасниченко, 2006). СД позволяет реконструировать семантическую структуру сознания (значения не как знание про объект, а значения, связанные с личностным смыслом, социальными установками, т.е. эмоционально-насыщенными, малоструктурированными и малоосознанными формами обобщений (Петренко, 1997)). Использование конфирматорного факторного анализа позволяет проверять гипотезы о распределении этих переменных по факторам (шкалам).

В исследовании приняло участие 24 человека, студентки 2-го курса Черновицкого национального университета, которые оценивали 26 понятий, описывающих: 1) Архетип Великой Матери – Белая ведьма, Серая ведьма, Черная ведьма, Молодая ведьма, Старая ведьма, Дева, Добрая фея, Мать, Хорошая мать, Ужасная мать, Роковая женщина (Орлова, Обухов, 2006); 2) Отношение к миру – Паразит, Потребитель, Романтик, Творец (Козлов, 2002); 3) Ролевые стереотипы женщины – Деловая женщина, Раб, Стерва, Счастливая женщина, Успешная студентка; 4) Образы «Я» во времени – Я 3 года назад, Я сейчас, Я в сентябре, Я идеальное, Я через 3 года, Я через 30 лет.

Понятия оценивались в два этапа: 1) методом многомерного шкалирования (степень схожести представленных понятий между собою) и 2) методом семантического дифференциала (по 23-м биполярным шкалам).

Матрицы многомерного шкалирования обрабатывались на основании модели индивидуальных различий, семантический дифференциал – по стандартной процедуре (Наследов, 2004) с использованием SPSS 11.5.

Результаты

Размерность пространства, полученного в результате многомерного шкалирования – 6, при “величине стресса” ($<0,2$) и $RSQ (0,71)$, что говорит о достаточно точном соответствии конечной конфигурации модели исходным (субъективным) данным (Наследов, 2004). Наличие такого количества шкал делает невозможным их сопоставление с двухфакторной моделью Neumann E., что затрудняет проверку нашей гипотезы.

В результате факторизации усредненных результатов индивидуальных матриц семантического дифференциала было выделено три наиболее значимых фактора. Первый фактор, который был назван – «активность», объясняет 46,5% общей дисперсии и включает в себя четырнадцать шкал с положительной нагрузкой и три шкалы с отрицательной. Второй фактор (17,6% общей дисперсии) образовали три шкалы с положительной нагрузкой и две шкалы с отрицательной. Он получил название – «сила». Третий фактор (9,3% общей дисперсии) образован одной шкалой «единственность».

Для проверки нашей гипотезы была проведена повторная факторизация результатов семантического дифференциала с уменьшением факторного пространства до двух факторов, что стало возможным благодаря наличию в 3-м факторе только одной шкалы. Полученные факторы описывают соответственно 38,5% и 21,5% дисперсии. Данное пространство сопоставлялось с моделью Neumann E.

Результаты сопоставления свидетельствуют о том, что основные шкалы Архетипа Великой Матери (добрая фея – роковая женщина, хорошая мать – ужасная мать) в

модели Neumann E. соответствуют шкалам семантического пространства студенток-психологов. Расположение понятия мать соответствует модели, и находится между полюсами шкалы хорошая мать – добрая фея. Однако, расположение таких понятий как дева, старая ведьма не соответствует модели, и находятся в пространстве между полюсами шкал добрая фея – ужасная мать, а молодая ведьма расположена между полюсами шкал роковая женщина – хорошая мать. Показательно, что собирательный образ Я-сейчас расположен на пересечении осей основных шкал.

Субъективное пространство, полученное с помощью многомерного шкалирования имеет большую размерность, что отображает субъективный опыт обследуемых в то время, как семантический дифференциал имеет меньшую размерность и отображает семантические структуры сознания.

Литература

1. Артемьева Е.Ю. Семантические измерения как модели // Вестн. Моск. ун-та. Сер.14, Психология. 1991. № 1. С.61-73.
2. Козлов Н.И. Формула успеха, или философия жизни эффективного человека. – АСТ-ПРЕСС КНИГА. 2002. – 304 с.
3. Наследов А.Д. Математические методы психологического исследования. Анализ и интерпретация данных. Учебное пособие. – СПб.: Речь, 2004. – 392 с.
4. Орлова М. И., Обухов Я. Л. Ведьма // Психотерапия: ежемесячный рецензируемый научно-практический журнал. – 2006. – N 7. – С. 8-14.
5. Пасніченко В.В. Багатомірне шкалювання в дослідженнях світоглядних категорій // Збірник наукових праць Інституту психології ім. Г.С.Костюка АПН України / За ред. С.Д.Максименка. Т.VIII, вип. 3. – К., 2006. – С.251-257.
6. Петренко В.Ф. Основы психосемантики: Учебное пособие. – М.: Изд-во Моск. Ун-та, 1997. – 400 с.

Представление о сексуальном поведении в молодежной среде

Карнова Елена Александровна

студентка

Алтайский государственный университет, Барнаул, Россия

E-mail: elenakarpova85@inbox.ru

Практические исследования феномена сексуальности, которые проводились до настоящего момента, носили в большинстве своем либо медицинский (физиологический), либо чисто статистический характер. В настоящее время психологией сексуальности занимаются немногие исследователи, но наиболее интересный подход предлагают А.Ш. Тхостов и Ю.П. Зинченко. Сексуальность они рассматривают с точки зрения культурно-исторической теории как «высшую психическую функцию», а также как семиотическую систему, знаково-символически опосредованную. Научные разработки А.Ш. Тхостова и Ю.П. Зинченко – методологическая основа данной работы. Представляется особо важным рассмотреть содержательную сторону психологии сексуальности, и психосемантическое моделирование – наиболее эффективный в данном ключе метод, потому как в силу своей частичной табуированности, запретности, феномен сексуальности оказывается семантически нагружен. Итак, объектом данной работы являются представления о сексуальном поведении в молодежной среде. Гипотеза звучит следующим образом: пространство представлений о ситуациях сексуального поведения составляют тип эмоционального отношения к различным формам сексуального поведения и социальная позиция по отношению к ним.

На данном этапе исследования путем применения многомерного шкалирования получено пространство восприятия различных форм сексуального поведения в молодежной среде. Его составляют 36 ситуаций сексуального поведения (секс без

презерватива, секс до свадьбы, оргазм и т.д.) и 26 дескрипторов, описывающих эти ситуации. 15 дескрипторов отражают тип эмоционального отношения к различным формам сексуального поведения, и 11 характеризуют социальную позицию по отношению к ним (искренность - наигранность; раскрепощенность - зажатость; насколько Вы хотели бы участвовать в этой ситуации?; насколько Вами осуждается данная ситуация? и т.д.). В полученном пространстве восприятия различных форм сексуального поведения определены оси, основа которым - тип эмоционального отношения к различным формам сексуального поведения:

1 ось: «Приятная привычка» (раскрепощенность, возбуждение, «личное», покой, привычка, комфортно в 1-й раз) / «Нежелательный опыт» (острые ощущения, экспериментирование, неприятно 1-ый раз, зажатость, «чуждое», отсутствие возбуждения);

2 ось: «Тихая гавань» (расслабленность, искренность, интимность, скука, покой, отсутствие возбуждения) / «Накал страстей» (возбуждение, интерес, острые ощущения, напряжение, демонстративность, наигранность).

В этом пространстве располагаются те дескрипторы, которые характеризуют социальную позицию к выделенным формам сексуального поведения. Анализируя вклады социальных дескрипторов в оси, можно видеть, что социальная позиция по отношению к ситуациям сексуального поведения логично совпадает с характеристиками 1 оси (приятное/неприятное, принимаемое/осуждаемое и т.д.). По отношению к полюсам 2 оси появляются новые характеристики. Полюс «Тихая гавань» понимается как определенное сексуальное поведение, которое принимается в обществе - человек участвует, но осуждает это. Полюс «Накал страстей» 2 оси отрывает другое содержание: это игра или информация, которые осуждаются обществом, однако личная позиция к таким формам сексуального поведения не определена.

Кроме того, анализируя размещение в данном пространстве двух социальных позиций «желание участвовать» и «реальное участие в ситуациях сексуального поведения», можно видеть, что обе эти характеристики дают вклад в полюс «Приятная привычка» 1 оси, то есть эмоционально положительно окрашены. Однако реальное участие тяготеет к полюсу «Тихая гавань» 2 оси, а желание участвовать в ситуациях сексуального поведения к полюсу «Накал страстей» той же оси. Возможно, это объясняется тем, что привычные, исполняемые повседневно действия сексуального характера наскучивают и теряют былую эмоциональную напряженность. А те формы сексуального поведения, в которых человек заинтересован и непосредственно хочет в них участвовать, приобретают смысл некоторого экспериментирования, разнообразия и ассоциируются с острыми ощущениями. Здесь так же прослеживается возможность возникновения мотивационного конфликта, а также следующие из этого расстройство сексуальной функции.

Кроме того, на усредненных данных проведен кластерный анализ. Дескрипторы, описывающие эмоциональное отношение и социальную позицию по отношению к различным формам сексуального поведения, поделены на несколько кластеров и перенесены в пространство восприятия ситуаций сексуального поведения. Так, например, в плоскости между полюсами «Приятная привычка» и «Тихая гавань» находятся такие ситуации сексуального поведения, как «секс до свадьбы», «секс без презерватива», «оральный секс»; между полюсами «Приятная привычка» и «Накал страстей» - «секс с использованием секс-игрушки», «совместный просмотр порнофильма», «посещение стриптиз-бара»; между полюсами «Нежелательный опыт» и «Тихая гавань» - «боль во время сексуального контакта», «отсутствие прелюдии», «анальный секс»; а между полюсами «Нежелательный опыт» и «Накал страстей» - «групповой секс», «секс в общественном месте», «измена».

Однако принадлежность ситуации сексуального поведения к тому или иному кластеру отличается в зависимости от типа дескрипторов, лежащих в основе кластерного анализа. Рассмотрим это на примере ситуации «измены». С точки зрения социальной

позиции, данная ситуация представляется как поведение, заслуживающее общественного осуждения, а также всячески избегается. Но с точки зрения эмоционального отношения, это сексуального поведения рассматривается как поведение, дающее острые ощущения, а также вызывающее к себе некоторый интерес. Нам представляется это связанным с разбиением дескрипторов на две группы: социально и эмоционально обусловленных, а отсюда содержание представления о данной форме сексуального поведения.

Итак, доказано, что пространство представлений о ситуациях сексуального поведения составляют тип эмоционального отношения к различным формам сексуального поведения и социальная позиция по отношению к ним.

Новизна данного исследования состоит в том, что была разработана авторская методика исследования восприятия различных форм сексуального поведения с применением многомерного шкалирования. Кроме того, была сделана попытка взглянуть на проблему с содержательной, психологической точки зрения, а не с медицинской или статистической.

Практическое применение данной методики возможно в случаях психологического консультирования, диагностики психологических конфликтов в сфере сексуальности клиента (для определения мотивационных конфликтов в области желаемых и реально совершаемых сексуальных действий, эмоционально-когнитивного конфликта между лично осуждаемым/принимаемым и осуждаемым/принимаемым обществом сексуального поведения). Методика может оказаться полезной в сексологии, клинической психологии, а также практической и прикладной психологии, занимающейся проблемами сексуальности человека.

Взаимосвязь Образа мира и психического состояния

Кириша Алла Викторовна

студентка

Казанский государственный университет им. Ульянова-Ленина, Казань, Россия

E-mail: kirsha_alla@mail.ru

На современном этапе развития идей общей психологии перед исследователями области психологии психического состояния с одной стороны и психологии сознания, субъективной семантики с другой, встали следующие проблемы:

Моделирование субъективного мира человека в его актуальном развитии и функционировании.

Установление существующих связей между сознанием и состоянием, в частности влияние субъективного опыта на пространственно – временную организацию психического состояния.

Принимая во внимание поставленные проблемы, логичным является исследование взаимосвязи Образа мира и Психического состояния. Изучив все имеющиеся на данный момент концепции и разработки понятия Образа мира, мы дали следующее рабочее определение этой категории.

Образ мира – это интегральная система значений человека, которая является индивидуализированной культурно - исторической основой восприятия. Образ мира не приписывается миру субъективно, это наполнение образа реальности значениями, и, тем самым, построение его.

Образ мира детерминируется образом жизни (системой деятельностей) представляя собой в актуальный момент времени план внутренней деятельности, а также субъективную прогностическую модель будущего. В отрезке текущего времени Образ мира представляет собой картину мира, «наше состояние» (по А.Н. Леонтьеву), благодаря которому и происходит актуализация определенных участков Образа мира, их

изменение вследствие регуляции состояния и вписывание изменений в картину мира, тем самым трансформация её.

В последних исследованиях Прохорова А.О. рассмотрен аспект влияния смысловых структур сознания на Психическое состояние. В свою очередь открытым и почти неразрешенным остается вопрос о влиянии состояния на смысловую организацию сознания, что является дальнейшим шагом системного изучения данных категорий.

Данная работа посвящена теоритическому обоснованию предложенного ниже механизма взаимовлияния Образа мира и психического состояния, постановке конкретных гипотез для экспериментального подтверждения. Рассмотрим одну из теоритически возможных моделей.

Начнем сначала. Итак, что является основополагающим фактором поведения человека? Конечно же, его потребности: потребность в безопасности, как физической так и психической, потребность в уважении, принятии, самоактуализации и т.д. по Маслоу. Как мы понимаем то, что чего-то не хватает? Нам становится некомфортно, т.е. мы испытываем определенное состояние, обычно негативно окрашенное, и возникает непреодолимое желание его изменить - регулировать. Как? Используя существующие возможности окружающей среды – то есть мы выделяем необходимые для удовлетворения потребности аспекты реальности. Состояние сработало как фильтр воспринимаемых объектов, индикатор и пусковой механизм удовлетворения потребности на уровне перцептивного мира (первый слой образа мира по Артемьевой).

Возникает Ситуация. Ситуация – это не весь объективный мир, а лишь та его часть, которая отражается субъектом на фоне его актуальной потребности. (Прохоров А.О.) Имеющаяся ситуация действительности преломляясь через ТХЛ свойства, смысловые структуры сознания, получает смысл, формирует определенное отношение к ней. Происходит добавление информации о возникшей потребности в существующее текущее состояние, представляющее собой значимую картину мира (второй слой образа мира по Артемьевой). В картине мира, выступающей также как внутренний план действий, происходит построение образа цели, которая достигается в деятельности благодаря возникшему в результате некоторой регуляции функциональному состоянию.

Испытывая функциональное состояние, если мы касаемся Образа мира профессионала, можно говорить о формировании ПВК вследствие частого и длительного переживания состояний, в которых осуществляемая деятельность протекает максимально эффективно. Состояние формирует это свойство, а свойство в свою очередь «ищет» те места реальности, в которых может проявиться, а это уже Образ жизни.

На этом этапе у Психического состояния возникает следующая роль – изменение актуализировавшихся структур. В новейших исследованиях установлено, что психические состояния оказывают регуляторное воздействие на смысловые структуры. Здесь мы касаемся вопроса о построении психологического строя личности.

Все уровни модели пронизывают глубинные структуры Образа мира – мотивационно-потребностная и ценностная сферы. Исходя из проведенных ранее исследований, Психические состояния влияют на изменения смысловой системы, формирование новых ведущих ценностей. В свою очередь процесс саморегуляции является безрезультатным в случае отсутствия ядерных структур Образа мира (соответствующей мотивации и личностного смысла).

Вторая гипотеза, требующая доказательства звучит следующим образом: Благодаря состояниям Образ мира сознания человека проявляется в его Образе жизни. По словам Серкина В.П.: «Субъективные системы значений детерминированы иерархиями мотивов, которые, в свою очередь, выявляются через описание образов жизни. Образ жизни человека определяется его эмоциональным состоянием.» В этом контексте эмоциональное переживание является полным интегратором целостности

субъекта, не только выявляя отношения мотива к цели отдельной деятельности, но выявляя отношения между образом жизни и образом мира, между всей иерархией мотивов и ситуацией их достижения (образом жизни).

Выдвинутые выше предположения открывают пути дальнейшего исследования данных категорий и требуют экспериментальной проверки и обоснования следующих гипотез:

- Актуализация структур Образа мира, их изменение и усложнение происходит благодаря психическим состояниям.
- Связующим звеном между Образом мира и Образом жизни является психическое состояние.

Методологической основой исследования являются принцип единства сознания и деятельности, субъектности, системный подход, психологическая теория деятельности, концепция психических состояний (Прохоров А.О.). Разработка методических средств исследования основывается на понятийном аппарате психологической теории деятельности, системных описаний в психологии и психосемантических исследований.

Литература

1. Петренко В.Ф. Основы психосемантики: Учеб. пособие. -М: Изд-во Моск. ун-та, 1997.- 400с.
2. Прохоров А.О. Семантические пространства психических состояний. – Дубна: Феникс+, 2002
3. Серкин В.П. «Образ мира и Образ жизни»: Монография. –Магадан: Изд-во СМУ, 2005.- 331с.

Изменение самоотношения в течение получения высшего психологического образования.

Климьчева Марина Валерьевна

студентка

Нижегородский государственный университет им. Н. И. Лобачевского, Нижний Новгород, Россия

E-mail: marishka88@mail.ru

Введение

Профессиональная Я-концепция является частью общей Я-концепции личности и имеет подобную структуру, представляя собой взаимодополняющее соединение трех подструктур: когнитивной, аффективной и поведенческой. Профессиональное самосознание является динамическим образованием и начинает формироваться уже во время получения специального образования, играя активную регулирующую роль в деятельности.

Профессиональное самосознание, определяющее процесс становления профидентичности, характеризуется постепенным расширением представлений студентов о профессиональных ролях, включением в его состав факторов, связанных с развитием профессиональных навыков и факторов, связанных с наличием или отсутствием определенных личностных качеств. А степень его у выпускника вуза может служить одним из показателей успешности и завершенности его профессионального самоопределения.

В процессе обучения происходит соотнесение образа «Я» с образом профессионала, способствующее становлению профессиональной идентичности. На самосознание как форму отражения непосредственно влияет и переживания человеком своего профессионального статуса. Так, идентификация с профессиональной ролью нарастает в течение 1 и 2 года обучения и к 3 курсу достигает наибольшей силы. На 5

курсе темпы этих процессов значительно сокращаются, а идентификация с профессией носит максимальный характер, в сравнении со всеми предыдущими годами обучения.

От того, насколько адекватно сформирована у человека профессиональная Я-концепция, зависит успешность его профессиональной адаптации. Предполагается, что личность, самоопределившаяся в профессиональном плане, осознающая свои жизненные цели, планы, связанные с самореализацией в профессиональной сфере, профессиональные намерения, свои возможности, способности, более адекватно оценивает себя. В данной работе мы попытались подтвердить это положение.

Методы

Основываясь на теории самосознания Столина В. В. о трех-компонентной структуре самосознания, был использован тест опросник самоотношения В. В. Столин, С. Р. Пантелеев. Для проведения работы было набрано три группы по 10 человек, обучающихся на 1-м, 3-м и 5-м курсах ННГУ, ФСН.

Результаты.

Проведенный анализ показал, что в целом на 5-м курсе формируется более позитивное самоотношение. Также можно говорить о большей уверенности в своих силах, способностях, более позитивной оценке своих возможностей контролировать собственную жизнь и быть самопоследовательным. Были выявлены значительные различия между 1-м, 3-м и 5-м курсом по показателю аутосимпатии. Значения одобрения себя в целом, доверия к себе и позитивной самооценки с каждым курсом вырастают. Также есть различия по показателю самоинтереса между 1-м и 5-м курсами. К концу обучения усиливается интерес к собственным мыслям и чувствам, появляется уверенность в своей интересности для других, человек становится себе интересен как собеседник. Мы можем предполагать, что к окончанию обучения в институте более позитивное самоотношение студентов можно объяснить не только более высоким статусом, но и более детально сформированным профессиональным самосознанием.

Также можно говорить о значимых различиях, полученных по показателям самопринятие, саморуководство и самопоследовательность.

Различий не было выявлено по показателям самообвинение и ожидаемое отношение других людей.

Литература

1. Бодалев А.А. Столин В.В. Аванесов В.С. «Общая психодиагностика», СПб.: Изд-во «Речь», 2000.
2. Донцов А.И., Белокрылова Г.М. «Профессиональные представления студентов-психологов», Психологический журнал, 1999, №2.
3. Исаев Е.И., Косарецкий С.Г., Слободчиков В.И. «Становление и развитие профессионального самосознания будущего психолога», Психологический журнал, 2000, №3.
4. Маркова А.К. Психология профессионализма. – М.: Знание, 1996.
5. Матвеева Л. Г. «Становление профессионального самосознания», диссертация, Челябинск, 2004
6. Столин В.В. «Самосознание личности» М.: Издательство Московского Университета, 1983
7. Фонарев А.Р. «Формы становления личностив процессе ее профессионализации», Психологический журнал, 1997, №2

Интенциональная и лингвистическая специфика дискурса группы (на примере субкультуры туристов)

Косолапова Елена Михайловна

аспирантка

Институт психологии РАН, Москва, Россия

E-mail: Ledymix@gmail.com

Введение

В рамках коммуникативной парадигмы устная речь рассматривается как компонент коммуникативного поведения и исследуется в соотношении с контекстом вербального поведения, обеспеченного сложной системой знаний. Предполагается, что в дискурсе, т.е. речи, погруженной в непосредственную ситуацию общения, отражаются складывающиеся отношения и особенности взаимодействия, проявляющиеся в специфике интенций разговора. В последнее время внимание исследователей обращено к особенностям дискурса различных групп (научный, семейный, субкультурный). Показано, что существует определенное соответствие между интенциями субъектов и приемами речевого взаимодействия, что понимание говорящего во многом определяется восприятием интенционального аспекта речи. В связи с этим представляется особенно интересным обращение к изучению дискурса специфических групп, характеризующихся развитой субкультурой, сложившейся системой норм и паттернов коммуникации. В данной работе мы предполагаем, что дискурс группы туристов обладает специфическими особенностями, выраженными в своеобразии лингвистического, интенционального компонентов речи туристов, и что понимание этих особенностей способствует более легкому вхождению в данную группу.

Методы

Теоретическую основу исследования составило представление об интенциональном пространстве дискурса как совокупности иерархически организованных интенций, присущих данной сфере коммуникации и определяющих ее особенности.

В исследовании приняло участие 31 человек, имеющий различный опыт взаимодействия в группе туристов. В общей сложности было проанализировано 67 аутентичных диалогов в различных ситуациях общения: в походе, на тренировке, в непринужденной обывденной обстановке. Аудиозаписи представлялись по специальной схеме, учитывающей различные особенности устной речи (паузы, интонационные выделения и др.). В качестве основного метода применялся метод интен-анализ – теоретико-экспериментальный подход к изучению интенций, позволяющих реконструировать проявляющиеся в речи интенции коммуникантов.

Результаты

Полученные данные свидетельствуют о том, что особенности взаимодействия в группе туристов отражается как минимум на двух уровнях дискурса туристов: лингвистическом, интенциональном. Лингвистические, вербальные характеристики речи туристов проявляется в использовании сленга – слов, обозначающих уже существующие понятия, типичных топиков – наиболее часто повторяющихся тем диалогов. Своеобразие интенционального уровня выражается в преобладании интенций личностного характера, речевых приемов эмоционального воздействия, например: пожаловаться, обвинить - обратить в шутку, информировать – задать уточняющий вопрос, поделиться впечатлениями - поддержать разговор. Описаны типовые интенции, проявляющиеся в типичном способе реагирования на ту или иную коммуникативную ситуацию, проведен сравнительный анализ намерений новичков и опытных туристов. На

основании данного анализа была выдвинута гипотеза о специфике включения новичков в группу (как осваивают дискурс).

В будущем планируется провести более подробный анализ условий и факторов понимания дискурса группы, личностных и когнитивных предикторов восприятия интенционального своеобразия дискурса.

Литература

1. Зачесова И.А. (2002) Интенциональные особенности речи в непринужденном общении // Психологические исследования дискурса. Сборник научных трудов // Отв. ред. Н.Д. Павлова. М.
2. Ломов Б.Ф. (1984) Методологические и теоретические проблемы психологии. М.
3. Павлова Н.Д. (2003) Интент-анализ дискурса // Коммуникативные исследования 2003 / Под ред. И.А. Стернина. Воронеж-Ярославль: Изд-во «Истоки».
4. Павлова Н.Д. (2003) Психология дискурса // Психология в 21 веке / Под ред. В.Н. Дружинина. М.
5. Поттер Дж. (1998) Дискурс-анализ как метод исследования естественно протекающей речи // Иностранная психология. Выпуск 10.
6. Теория речевых актов (1986) // Новое в зарубежной лингвистике. М., 1986. Выпуск 17.
7. Kashima L. Person, Symbol, Sociality (2001) // Journal of Social Psychology. Vol. 6, p. 120-134.
8. Henrich J., Henrich N. (2005) Culture, evolution and the puzzle of human cooperation // Journal of Social Psychology. Vol. 7, p. 16-21.

Проблема сознания в психологии: натиск синергетического редукционизма

Литвинов Валентин Леонидович

аспирант

Томский государственный университет, Томск, Россия

E-mail: valyalitvinov@mail.ru

До некоторых пор на проблему синергетического редукционизма в психологии можно было не обращать внимания, но когда психологи заговорили о «синергетическом сознании» (А.Д. Титарь и др.), о «самоорганизации сознания», а синергетики стали рассматривать мозг и мышление человека с синергетических позиций (Г. Хакен), то стало понятно, что наступило время для выделения проблемы синергетического редукционизма в качестве отдельной методологической проблемы психологии. Научная психология всегда отличалась повышенной сензитивностью к редукционизму в любых его видах и формах, что, видимо, характерно для тех наук, которые еще не вышли за пределы той стадии своего развития, которая характеризуется опорой на эмпирическое определение своего предмета. Нечеткость, «размытость» предметного поля науки обуславливает готовность «сползания» науки на предметные поля других наук, наталкиваясь на встречное движение, в котором «аннексия психологических областей производится так же безапелляционно и мужественно» (Л.С. Выготский, 1982).

В связи с этим для психологии перманентно существует реальная опасность симплификации, т.е. не оправданного сведения психологических закономерностей к тем, что открывают науки, изучающие системы гораздо менее сложные, которые едва ли возможно подвести под понятие «человекоразмерная система» (термин В.С. Степина). При этом существует реальная угроза некритического заимствования «чужих» понятий, приводящая к такой трансформации категориального строя науки, которая грозит непредсказуемыми последствиями в виде дальнейшего размывания предметного поля науки и утраты ею части своих специфических проблем: история психологии "...богата такими примерами, когда такая опасность превращалась в реальность" (А.Н. Ждан, 1997).

Анализируя, как прогрессирует синергетический редукционизм, постепенно захватывая центральную проблематику науки – проблему сознания, становится понятным, что происходящее в науке вовсе не является случайностью, как не случайными были всплески других видов редукционизма – гносеологического, физиологического, кибернетического. Возникает предположение о том, что если на разных стадиях развития науки доминирующими оказываются различные виды редукционизма, то сама эта доминация может служить показателем объективного хода развития науки, фактором, объективирующим внутренние тенденции развития психологического познания. По отношению к гносеологическому редукционизму Л.С. Выготский еще в 1927 году заметил, что «все споры, все разногласия, вся путаница происходят только из-за отсутствия ясной и верной постановки гносеологической проблемы». В 1975 году А.Н. Леонтьев писал о том, что "если в свое время Н.Н. Ланге говорил о психофизиологическом параллелизме как о мысли "страшной", то сейчас поистине страшным для психологии стал редукционизм". В борьбе с «кибернетической метафорой» в психологии, которая не закончилась и сегодня, вызревала смысловая теория мышления О.К. Тихомирова, теории мыслительного процесса В.А. Брушлинского и В.Н. Пушкина.

С нашей точки зрения, синергетический редукционизм еще только приходит в психологию. Причем он приходит на другом «эпистемологическом фоне», нежели приходили в нашу науку другие виды редукционизма. В современной эпистемологии складывается представление о науке как открытой системе, развитие которой обусловлено ее взаимодействием с исторически обусловленной культурной средой. Весомую часть ее составляет общенаучное пространство, в котором осуществляют свое со-бытие науки, имеющие как естественно-научную, так и гуманитарную ориентацию. Поскольку во взаимодействии наук между собой происходит обмен идеями, принципами, формами и стилями научного мышления, более того, если в таком обмене усматривается один из источников их развития, то необходимо выяснить в каких случаях указанный перенос или заимствование может быть признано редукционизмом. Возможно, наоборот, в нем проглядывают признаки элевационистской (А.П. Назаретян) стратегии? С точки зрения В.С. Степина (2000), элевационный метод, дополнив классические методы редукции, составляет один из аспектов антропоцентризма постнеклассической науки, которая в качестве своего преимущественного предмета ориентирована как раз на изучение человекообразных открытых саморазвивающихся (самоорганизующихся) систем.

Если учесть обилие современных концептуальных моделей, ориентированных на изучение механизмов самоорганизации, то какие из этих моделей можно непосредственно или опосредованно переносить в психологию? Пока мы видим, как в психологию проникают элементы синергетики (Г. Хакен), теории диссипативных структур (И. Пригожин), теории аутопоэза (У.Р. Матурана), и даже теории динамического хаоса (М. Фейгенбаум). При этом зачастую не учитывается, что все эти модели были разработаны в ориентации на физические и простейшие биологические системы. Можно ли их прямо переносить на человека? Редукционизм при этом кажется неизбежным, но каков же выход?

Может быть, стоит согласиться с наблюдением В.И. Моисеева, заключающегося в том, что «слабая синергетика», преимущественно рассматривающая «слабые системы» (физические и химические), не поддается попыткам прямого переноса на процессы в человеческом сознании и культуре, т.е. в область «сильных систем». А так же с убеждением В.Е. Ключко (2007) в том, что сильную синергетику психологи должны создать сами, учитывая при этом, что многие элементы ее уже представлены, в частности, в культурно-исторической психологии, в глубинной сущности своей отвечающей основным идеалам постнеклассической науки. Развивая эту идею дальше, заметим, что не случайно Л.С. Выготский, этот «классик постнеклассической науки» (В.П. Зинченко, 2006), вышел к пониманию того, что сознание человека, эта «высшая

форма отбора», имеет системное и смысловое строение. Сегодня, выдерживая нарастающий натиск синергетического редукционизма, ему можно противопоставить только то знание о роли и месте сознания в самоорганизации человека как открытой системы, которым психология уже владеет, но которое ей еще предстоит отрефлексировать. Впрочем, как и освоить азы того мышления, которым пользовались классики постнеклассической психологии и которое развивается дальше их учениками и последователями. Это и будет собственным вкладом психологии в развитие синергетики, которая, без участия психологов вряд ли скоро поймет, что ее знание, полученное при анализе слабых систем, это только прелюдия того, с чем сталкиваются психологи, изучая процессы самоорганизации на уровне «высшей формы развития материи», каковой на самом деле является человек с присущим ему сознанием. Возможно, что именно об этом догадывался в свое время А. Эйнштейн, говоря о том, что «психология гораздо сложнее физики».

Сознание ни есть исходный признак живого: оно возникает на определенной стадии развития живой материи в филогенезе и на определенной стадии развития человека в онтогенезе. Его возникновение является одновременно и проявлением самоорганизации, и ее необходимым условием, обозначая такое усложнение системной организации жизни, когда уже требуется орган, способный обеспечить перевод системы из режима адаптивного функционирования в режим саморазвития, в котором переход возможности в действительность становится ведущей формой жизнеосуществления, опирающейся на нормотворчество.

Индивидуальная стратегия эмпатирования как способ понимания объекта эмпатии

Лось Екатерина Владимировна

студентка

Киевский национальный университет им. Тараса Шевченка, Киев, Украина

E-mail: lada_7@ukr.net

В наше время все большей актуальности приобретает проблема успешной коммуникации как фактора эффективности межличностного, делового, политического, межнационального взаимодействия. В связи с этим растет социальный запрос к психологической науке в выявлении не просто свойств личности, обеспечивающих успешную коммуникацию, но собственно механизмов их протекания, поскольку именно знание механизмов позволяет осуществлять воздействия на развитие, изменение и оптимизацию проявления этих свойств. Одним из таких свойств является эмпатия.

В современных исследованиях эмпатия изучалась как свойство личности [3], а также рассматривались структура и некоторые механизмы эмпатического процесса [1, 3, 4]. Результатом этих исследований стало понимание эмпатии как интегрального психического явления, которое на уровне психического процесса состоит из трех последовательных этапов – сопереживание, сочувствие, содействие, каждый из которых характеризуется определенной конфигурацией активности эмоциональной, когнитивной и регулятивной сфер психического. На личностном уровне эмпатия - это способность к эмпатированию, т.е. латентная склонность к активации эмпатического процесса. Однако такое понимание эмпатии не позволяет говорить о ее успешности и, соответственно, не дает возможность выявить факторы успешности эмпатического процесса, как глубины понимания состояния объекта эмпатии. Естественно, следствием являются трудности в ее диагностике и развитии.

Целью нашего исследования было выявление индивидуальной стратегии эмпатирования, как индивидуально-специфического способа достижения понимания состояния объекта эмпатии в результате эмпатического процесса. Объектом исследования выступал эмпатический процесс, а предметом – индивидуальные стратегии эмпатирования. Индивидуальная стратегия эмпатирования понималась нами как определенный индивидуально специфический способ протекания эмпатического процесса, который связан с количественными

(последовательностью, длительностью, мерой) особенностями включения эмоциональных и когнитивных механизмов эмпатирования и характеризуется большей или меньшей эффективностью. Была выдвинута гипотеза о том, что существует несколько типов взаимодействия эмоционального и когнитивного компонентов эмпатии, которые будут различаться в зависимости от уровня синергетичности-антагонистичности и меры включенности в процесс соответственно когнитивных и эмоциональных механизмов.

Исследование проводилось в течение февраля-апреля 2006г. на выборке из 65 студентов 1-3 курсов механико-математического факультета и факультета социологии и психологии (специальность социология) КНУ им. Т.Шевченка. Данная выборка была выбрана на основе предположения (теоретическое и эмпирическое обоснование [2]) о том, что представители гуманитарных и технических профессий будут иметь разные стратегии взаимодействия эмоционального и когнитивного компонентов эмпатии.

В исследовании была использована нами разработанная и прошедшая психометрическую проверку методика «Исследования эмпатической реакции в актуализации», которая направлена на диагностику следующих параметров эмпатического процесса: 1)склонность к актуализации эмпатической реакции; 2)длительность фазы сопереживания; 3)уровень эмоциональной включенности 4)глубина понимания психического состояния объекта эмпатии. Дополнительно анализируются актуализация, проявление и относительное доминирование эмоционального и когнитивного компонентов эмпатии на разных этапах разворачивания эмпатического процесса. С целью выявления когнитивных механизмов, которые актуализируются в эмпатическом процессе, мы также исследовали склонность исследуемых к творческому мышлению (стандартные методики „Необычное использование” „Дополнение фигуры” „Общие проблемы”).

При обработке результатов анализу подлежали следующие параметры эмпатического процесса: уровни эмоциональной включенности и актуализированности когнитивного компонента, а также их соотношения на всех этапах исследования, уровень децентрации и склонности к творческому мышлению, качество сочувствия – понимание состояния объекта эмпатии – как результативная характеристика успешности процесса. Выбор параметров был осуществлен таким образом, чтобы максимально точно исследовать взаимодействие эмоционального и когнитивного компонентов эмпатии и выделить индивидуальные стратегии эмпатирования, а также обнаружить меру успешности каждой стратегии. На основе анализа результатов было выделено шесть индивидуальных стратегий эмпатирования: 1. Смешанная стратегия, синергетичность взаимодействия компонентов, низкий уровень децентрации и творческого мышления, высокий уровень эмоциональной включенности, высокое качество сочувствия. 2. Смешанная стратегия, синергетичность взаимодействия компонентов, высокий уровень децентрации и творческого мышления, высокий уровень эмоциональной включенности, наивысшее качество сочувствия. 3. Эмоциональная стратегия, антагонистичность взаимодействия компонентов, низкий уровень децентрации и творческого мышления, высокий уровень эмоциональной включенности, высокое качество сочувствия. 4. Когнитивная стратегия, антагонистичность взаимодействия компонентов, низкий уровень децентрации и творческого мышления, низкий уровень эмоциональной включенности, низкое качество сочувствия. 5. Когнитивная стратегия, отсутствие взаимодействия с эмоциональной включенностью, высокий уровень децентрации и творческого мышления, высокое качество сочувствия. 6. Эмоциональная стратегия, отсутствие связи с уровнем творческого мышления, высокий уровень эмоциональной включенности, высокое качество сочувствия.

При этом первая, пятая, шестая стратегии представлены преимущественно у математиков, а вторая, третья и четвертая, соответственно, у социологов. Отличия между мужчинами и женщинами не были существенными по этим параметрам.

Таким образом, данное исследование позволяет сделать следующие выводы: 1.На основе анализа четырех характеристик эмпатического процесса: уровня эмоциональной включенности, доминирующего механизма, типа стратегии, уровня децентрации, – которые выражают тип взаимодействия и особенности когнитивного и эмоционального компонентов эмпатии, можно выделить шесть индивидуальных стратегий эмпатирования. 2.Наиболее успешными в процессе

эмпатии являются смешанные стратегии, выше среднего уровнем эффективности характеризуются эмоциональные стратегии и когнитивная стратегия, которая включает механизмы творческого (продуктивного) мышления, малоэффективной можно назвать когнитивную стратегию с механизмами непродуктивного мышления.

Литература

1. Выговская Л.П. Эмпатийные отношения младших школьников, воспитывающихся вне семьи. // Психологический журнал. – 1996. – Т. 17. - №4. – С.55-63.
2. Лось К.В. Проблема взаємодії емоційної та когнітивної сфер психічного в системі інтегральної індивідуальності // Актуальні проблеми психології. Збірник наукових праць Інституту психології ім. Г.С. Костюка АПН України / За ред. Максименка С.Д. – К.: „Логос”, 2007, т. 7, вип.11 – С. 171-177.
3. Психология затрудненного общения: Теория. Методы. Диагностика. Коррекция: Учеб. пособие для студ. высш. учеб. заведений / В.А.Лабунская, Ю.А.Менджерицкая, Е.Д.Бреус. – М.:Издательский центр «Академия», 2001. – 288с.
4. Стрелкова Л.П. Психологические особенности развития эмпатии у дошкольников: Автореф. канд. дис. – М. 1987.

Психосемантическая диагностика профессиональной идентичности студентов-психологов с различными формами обучения

Матвеевская Вера Сергеевна

студентка

Татарский государственный гуманитарно–педагогический университет, Казань, Россия

E-mail: Verchik85@list.ru

На современном этапе развития психологии проблемы личностного роста, самореализации, становления идентичности человека приобретают все большую актуальность. Одной из составляющих личностной идентичности является профессиональная идентичность.

Профессиональная идентичность, в данном случае, выступает как часть Эго-идентичности и играет значительную роль в становлении личности человека. Именно профессиональная деятельность дает человеку возможности для реализации и роста. По мнению Д. Сьюпера, профессиональное развитие состоит в развитии и реализации Я-концепции, а взаимодействие Я-концепции и реальности происходит при проигрывании и исполнении профессиональных ролей. В современном обществе ожидается, что профессиональная идентификация должна пройти, по меньшей мере, частично, на этапе получения профессионального образования. Содержание учебного процесса в высших профессиональных учебных заведениях во многом опирается на отождествление студентов с будущей профессиональной позицией. Однако далеко не всегда в реальности можно наблюдать такого рода идентификацию, и тому есть много самых разных причин. Очевидно, что разные формы обучения и разные траектории профессионального становления будут по-разному влиять на полноту и направленность процесса профессиональной идентификации. Можно, в частности, предположить, что показатели сформированности профессиональной идентичности у студентов, получающих высшее образование в области психологии, при очной и заочной формах обучения, будут различными.

С целью проверки выдвинутой гипотезы проводился сравнительный анализ характера профессиональной идентичности студентов очного и заочного отделения психологического факультета ТГПУ.

Для выявления характера профессиональной идентичности была разработана анкета, включающая вопросы о мотивах поступления в вуз, а также психосемантический метод множественных идентификаций (В.Ф.Петренко). При разработке методики мы исходили из предположения, что профессиональная идентификация будет являться не основной и не обязательной, по – разному соотносясь с другими вариантами идентификаций. Объектами оценивания выступали 10 образов (среди них: «Я сейчас», «Я в будущей профессии», «мои родители», «интеллигентный человек», «хороший психолог», «богатый человек», «мой учитель», «востребованный переводчик», «преуспевающий бизнесмен», «счастливая женщина», «состоявшийся мужчина»), параметрами оценки являлись 18 положительных качеств личности, которые предполагались как профессионально важные (общительность, эмоциональность, ораторские способности, креативность и т.д.). В исследовании принимало участие 92 студентки 5 курса очного отделения факультета психологии и 96 студенток 5 курса заочного отделения факультета психологии ТГГПУ.

При обработке данных было установлено, следующее. Студентки очного отделения связывают образ «Я сейчас» с образами «счастливая женщина» ($r=0,75$). Также выявлена более слабая связь с образами «интеллигентный человек» ($r=0,5$), «мой любимый учитель» ($r=0,46$). Образ «Я сейчас» противопоставляется образу «богатый человек» ($r=-0,7$), «состоявшийся мужчина» ($r=-0,6$) и «хороший психолог» ($r=-0,3$). Связь с образом «мои родители» отсутствует ($r=0,1$). То есть студентки очного отделения отождествляют себя с образами «счастливая женщина» «интеллигентный человек», но не с образами профессионалов. Это, возможно, связано с проявлением кризиса профессиональной идентичности, который, по Э.Ф. Зееру, является закономерным этапом развития профессиональной идентичности людей, оканчивающих вуз, и еще не начавших профессиональную деятельность.

Образ «Я в будущей профессии» отождествляется с образами «мой любимый учитель» ($r=0,8$), «хороший психолог» ($r=0,8$), «состоявшийся мужчина» ($r=0,77$), «интеллигентный человек» ($r=0,78$), и более низкие показатели при отождествлении с образами «богатый человек» ($r=0,36$), «счастливая женщина» ($r=0,43$). Таким образом, в семантическом поле профессии (в частности, профессии психолога, наблюдается слабая дифференциация образов, т.е. когнитивная простота), что указывает на достаточно смутные представления студентов очного отделения о своей будущей профессии. Однако следует отметить отсутствие связи образа "Я в будущей профессии" с образами материального благополучия, существенного и желаемого в условиях современной жизни, но трудно достижимым в сфере данной профессии. Это свидетельствует об отсутствии иллюзорных представлений об этом аспекте своей будущей профессии.

В представлениях студенток заочного отделения наблюдается иная картина. Образ «Я сейчас» отождествляется с образами «богатый человек» ($r=0,86$), «состоявшийся мужчина» ($r=0,78$), и несколько слабее с образом «хороший психолог» ($r=0,42$), «мой любимый учитель» ($r=0,3$). Обратная связь наблюдается при отождествлении с образами «мои родители» ($r=-0,3$) и «счастливая женщина» ($r=-0,4$). То есть заочницы имеют более четкие представления о своем образе, как образе состоявшегося профессионала. Этот факт можно объяснить тем, что практически все они - взрослые люди, имеющие определенный опыт работы в различных сферах, не только в сфере психологии, поэтому кризисный период, так остро проявляющийся у студентов очного отделения, «сглаживается», а профессиональное обучение в вузе укрепляет их профессиональную идентичность, в том числе, как психолога.

Студентки заочного отделения связывают образ «Я в будущей профессии» с образами «мой любимый учитель» ($r=0,78$), "хороший психолог" ($r=0,7$), «интеллигентный человек» ($r=0,72$), «состоявшийся мужчина» ($r=0,7$). Связь образами «мои родители» ($r=0,34$) и «счастливая женщина» ($r=0,07$) отсутствует.

Проведенное исследование показало, что характер профессиональной идентификации у студенток очного и заочного отделений различен. Студентки очного отделения при окончании профессионального обучения переживают кризисный этап в становлении своей профессиональной идентичности наиболее остро. Более сформированная профессиональная идентичность прослеживается у студенток - заочниц, возможно, это связано с возрастом, более определенной социальной позицией, и тем, что студентки-заочницы уже имеют опыт профессиональной деятельности, поэтому находятся на ином уровне становления профессиональной идентичности. Также семантика образов себя как профессионала у студенток-заочниц довольно маскулинна, связана с переходом в мужскую ролевую позицию.

Студентки как очного, так и заочного отделений не имеют иллюзорных представлений по поводу высокооплачиваемости своей будущей профессии. Еще одной общей тенденцией является то, что студенты не связывают образы «Я сейчас» и «Я в будущей профессии» с образом «мои родители», то есть профессиональная идентификация не опирается на реальную модель, какой мог бы выступать образ жизни родителей.

Физическая привлекательность как многомерное явление.

Мелешников Алексей Алевтинович

аспирант

Ярославский государственный университет им. П.Г. Демидова, Ярославль, Россия

E-mail: attractia@yandex.ru

Физическая привлекательность – актуальная междисциплинарная проблема. Выступая регулятором всех видов межличностных отношений, она неизбежно влияет на жизнь каждого человека [1,2,3,4]. Несмотря на обилие эмпирических исследований за рубежом, вопрос о внутренней структуре и измерениях физической привлекательности (далее – ФП) чаще всего не рассматривается по причине его «очевидности». В то же время более глубокий анализ показывает, что данная проблема требует всестороннего теоретического осмысления.

Общепринятым мнением считается, что ФП имеет одно измерение. Действительно, оценка ФП при помощи различных методов даёт практически идентичные результаты [3]. Однако исследования атрибутивных признаков ФП позволили предположить о наличии общего и специфических компонентов этого явления [4].

Образ восприятия, отражающий особенности внешности другого человека, вызывает определённую эмоциональную реакцию, которая выражается в оценке ФП и суждении о личности. В то же время сами по себе особенности внешности могут непосредственно влиять как на оценку ФП, так и личности в целом. Далее формируется некоторое межличностное решение, которое, как правило, связано со спецификой ситуации взаимодействия, а его альтернативы определяются ролью воспринимаемого. Таким образом, измерения ФП можно рассматривать в связи с четырьмя аспектами данного феномена:

Функциональные признаки, т.е. особенности внешности, кодирующие то или иное измерение ФП.

Эмоциональная реакция, или какие из эмоций актуализируются при восприятии данного человека.

Личностные атрибуции, или те черты личности, которые приписываются в соответствии с этим критерием.

Ключевое решение, – как правило, план поведения по отношению к человеку

Итак, частные измерения ФП, или субъективные качества красоты, – это особые критерии оценки внешности, которые влияют на принятие решений относительно воспринимаемого и поведение по отношению к нему, но не совпадают с общей оценкой привлекательности.

Важным шагом на пути реализации многомерного подхода к анализу ФП стало изучение представлений о личности, формирующихся на основе восприятия внешности. По ряду причин

нами было введено новое понятие – атрибутивная модель физического облика (далее – АМФО). Под АМФО понимается система приписываемых субъектом индивидуально-психологических особенностей другого человека, формирующаяся на основе непосредственного восприятия физического облика последнего.

Для изучения строения АМФО было проведено специальное исследование. В локальном исследовании принимали участие 167 человек, а в сетевом – 570. Целью данного этапа анализа было *выявление универсальной структуры АМФО*, действующей как для мужчин, так и для женщин. Использовались данные по всем стимулам, полученные от каждого испытуемого. Первым шагом исследования было получение *объективной АМФО* для каждого из стимулов посредством усреднения индивидуальных субъективных АМФО.

Полученная структура АМФО отражает основные компоненты, на основе которых строится образ личности другого человека при восприятии его внешности. Первый компонент АМФО – «привлекательность» – объединяет треть всех представленных переменных. Второй компонент АМФО – «стабильность» – содержит качества, указывающие на верность, спокойствие, ум и доброту. Высокие значения данного компонента позволяют «наивному наблюдателю» назвать кого-либо «хорошим человеком», основываясь на представлениях о его моральных и интеллектуальных качествах. Третий компонент обобщённой атрибутивной модели – «оптимизм» – схож по значению с глубинной чертой личности «экстраверсия – интроверсия» и включает такие качества как чувство юмора, дружелюбие, общительность. Наконец, последний компонент АМФО – «женственность», отражает чуть более 10% общего содержания представлений о другом человеке и связан с переменными «сексуальность», «нежность», «слабость», «красота».

Интересно, что в результате факторизации обобщённой атрибутивной модели мы получили возможность увидеть, что параметры красоты и сексуальности, считающиеся фактически одномерными [3, 4], на самом деле имеют не менее двух измерений. Роль этих измерений, безусловно, неодинакова, но сам факт обнаружения такого явления весьма значим в теоретическом плане, так как *является одним из подтверждений выдвинутой нами гипотезы о качествах красоты*. В данном случае речь идёт о качествах, проявляющихся на уровне интерпретации личности.

Первое измерение привлекательности – общее, оно отражает красоту в биологическом смысле как проявление здоровья, силы и активности. Вторым показателем привлекательности – специфический, «женский», и он в противоположность первому связан со слабостью.

Обратимся к структурным особенностям АМФО в зависимости от пола *объекта восприятия*, который гипотетически выступает наиболее значимым фактором, определяющим содержание и взаимосвязи компонентов атрибутивных моделей. Мы выяснили, что «привлекательность» в структуре мужской АМФО имеет два основных измерения – успешность (интересный, успешный, активный, здоровый) и сила (сильный, мужественный, доминантный). Оба измерения значимо связаны как с параметром красоты, так и сексуальности, причём первое – в одинаковой степени, а второе – более тесно коррелирует с оценкой сексуальности. Нетрудно понять, что первое измерение есть универсальное качество интерпретации красоты, одинаковое для мужчин и женщин, а второе – специфически мужское, которое в женской АМФО проявляется как отдельный фактор силы. Данный вывод уже формулировался нами ранее, однако теперь мы можем уточнить его: в самом деле, универсальное качество красоты мужчины имеет большее значение (факторный вес привлекательности и сексуальности), чем специфическое. По-видимому, влияние данного качества на общую оценку ФП различается в зависимости от тех ситуаций, в которых происходит смена стандарта выбора полового партнёра у женщины [1,3].

Рассмотрение ФП как многомерного показателя – один из главных принципов развиваемого нами комплексного подхода к исследованию привлекательности. Дело в том, что оценка ФП вовлечена в сложную систему психологических явлений, и полное понимание данного феномена возможно лишь при учёте всех тех оттенков переживания красоты, которые возникают в процессе взаимодействия внутри этой системы.

Литература

1. Палмер Д., Палмер Л. Эволюционная психология. – СПб., 2003
2. Снайдер М. Когда вера создаёт реальность: самоподтверждающееся влияние первых впечатлений на социальное взаимодействие // Пайнс Э., Маслач К. Практикум по социальной психологии. – СПб., Питер, 2000
3. Maxims or Myths of Beauty? A meta-analytic and theoretical review. // Psychological Bulletin. – 2000. – № 126
4. Penton-Voak I. Consistency and individual differences in facial attractiveness Judgments. // Social Research. – 2000, Spring.
5. Shahani- Denning C. Cross- Cultural Implications of Physical Attractiveness Stereotypes in Personnel Selection. // Draft copy of paper presented at 27 th Annual Conference on Personnel Assessment.

Психосемантический анализ становления метафоры профессии в процессе обучения в высшем учебном заведении на примере студентов психологов.

Моров Михаил Дмитриевич

студент

Курский государственный медицинский университет, Курск, Россия

E-mail: ivanov@yandex.ru

Возможности исследования индивидуального сознания как многоуровневой системы представленности объектной и социальной действительности в психической реальности субъекта нам предоставляет психосемантический подход в методологии психологии.

Методы экспериментальной психосемантики, находясь на стыке качественных и количественных инструментов познания, позволяют нам всесторонне рассмотреть индивидуальные системы значений, а также сопоставить их между собой. Только в сопоставлении мы можем объективно описывать и рассматривать содержание индивидуального сознания.

В концептуально - теоретической основе своего исследования мы опирались на научные взгляды Л.С.Выготского, А.А.Леонтьева, Д.А.Леонтьева, Дж.Келли, В.Ф.Петренко, А.Г.Шмелева и П.В.Яньшина. Наше исследование посвящено проблеме развития индивидуальной системы значений, затрагивающей области знания психосемантики. В определении значения мы используем подходы Д.А.Леонтьева и В.Ф.Петренко: «значение как системное качество, приобретаемое смыслом слова или высказывание (компонент этого смысла) в условиях единства смыслообразующего контекста» [Д.А.Леонтьев]; и «значение как система дифференцированных признаков предмета или образа, являющаяся выражением личностного смысла в знаковой форме» [В.Ф.Петренко].

Целью нашего исследования выступило многостороннее изучение особенностей семантических пространств студентов факультета клинической психологии на примере метафоры профессии, установление характера и закономерностей изменений метафоры профессии студентов психологов, в процессе обучения в высшем учебном заведении на начальном, среднем и завершающем этапе обучения.

Под метафорой профессии мы понимаем антропоморфный образ профессии или персонифицированное представление субъекта о профессии. В определении представления мы пользуемся схемой Огдена – Ричардса, согласно которой представление – это субъективное значение, выраженное в определенной знаково-символьной форме и имеющее предметную отнесенность.

Представление о профессии представляет собой комплексное образование, в котором в качестве основных структурных компонентов выступают: представления о профессии и личности профессионала; представления о себе как субъекте профессиональной деятельности и будущем профессионале; представления о своем профессиональном будущем и о своей профессиональной карьере. В нашем исследовании мы изучаем метафору профессии, как определенный социальный эталон

профессионала, обобщенный образ той или иной специальности, отображенный субъектом и дополненный его собственными впечатлениями о данной профессии.

Мы считаем, что в процессе обучения в высшем учебном заведении происходит становление метафоры профессии. Мы намерены выявить различия в образе профессии на различных этапах обучения: начальном (первый курс), среднем (третий курс) и завершающем (пятый курс). Также мы предполагаем наличие зависимости характера метафоры профессии субъекта от уровня его профессионально важных качеств, поскольку метафора профессии и представление о себе как о профессионале тесно связаны между собой в рамках общего представления о профессии. Представление о себе как субъекте профессиональной деятельности формируется в зависимости от уровня развитости профессионально важных качеств. В частности мы используем такие профессионально важные качества как эмпатия, рефлексия и коммуникативные способности.

В исследовании приняли участие студенты пятого, третьего и первого курсов КГМУ факультета клинической психологии.

При проведении исследования использовались следующие методики: метод семантического дифференциала, реп - тест и цветовой тест отношений, а также ряд методик направленных на исследование профессионально важных качеств.

Для обработки экспериментальных данных мы пользовались пакетом программ STATISTICA 6.0.

В методе семантического дифференциала были предложены 39 шкал, направленных на исследования представления о психологе с последующей статистической обработкой и факторизацией результатов.

Метод реп – теста [Дж.Келли] применяется нами с целью качественного рассмотрения метафоры профессии в рамках индивидуальной системы ролевых конструктов субъекта. В тесте использовались 15 сравнений ролей с включением роли психолога. При обработке результатов полученные описания психолога были разделены на категории, что позволило произвести статистическую обработку результатов.

Цветовой тест отношений [О.С.Сермягина; А.М.Эткинд; П.В.Яньшин] – используется для оценки характера метафоры профессии. В использовании данного метода мы полагаемся на концепцию цветового значения П.В.Яньшина. Согласно его высказываниям цвет входит в структуру значений различного типа, и цветовое значение выражается, прежде всего, в отношении субъекта к предмету представления. Поэтому мы, основываясь на выводах П.В.Яньшина, применяем данный метод для исследования субъективного отношения к профессии психолога, как составляющего метафоры профессии. При интерпретации мы основывались на социально – психологическом феномене поляризации цвета. В исследованиях П.В.Яньшина показано, серый, черный и коричневый цвета соотносятся с негативными эмоциями, низким моральным статусом и выступают как «негативные» цвета. Мы будем наблюдать расположение этих «негативных» цветов в позициях выбора испытуемого для осуществления статистической обработки. Мы увидели преобладание выбора «негативных» цветов у студентов пятого курса. Этот факт позволяет нам судить о характере представления о душевной болезни.

Таким образом, нами были изучены особенности системной организации метафоры профессии в процессе ее становления, и выявлены статистические и качественные различия в восприятии студентов своей будущей профессии в зависимости от этапа обучения.

Литература

1. Леонтьев Д.А. (2003) Психология смысла: природа, строение и динамика смысловой реальности, 2-е изд. – М.: Смысл
2. Петренко В.Ф. (2005) Методология экспериментальной психосемантики // Вопросы психологии, №2.
3. Петренко В.Ф. (2005) Основы психосемантики . – СПб.: Питер.

4. Петренко В.Ф., Митина О.В. (1997) Психосемантический анализ динамики общественного сознания: На материале политического менталитета. – 2-е изд. – М.: Изд-во МГУ
5. Шмелев Г.А. (1982) Традиционная психометрика и экспериментальная психосемантика: объектная и субъектная парадигма анализа данных // Вопросы психологии, №5.
6. Яньшин П.В. Введение в психосемантику цвета. – www.colormind.narod.ru
7. Яньшин П.В. Психология и психосемантика цвета. – www.colormind.narod.ru

Психологические особенности интернет-зависимой личности

Нечаева Евгения Сергеевна

студентка

Волгоградская академия государственной службы, Волгоград, Россия

E-mail: ardni@list.ru

По данным мониторинга аудитории интернета в России в 2000 году аудитория интернета от 18 лет и старше составляла 6,6 млн. человек, в 2006 году, взрослая аудитория интернета возросла до 22%, то есть составила примерно 25 миллионов человек. Можно предположить, что рост пользователей интернета будет продолжаться. В связи с этим стала актуальной проблема патологического использования Интернета, за рубежом возникшая еще в конце 1980-х гг. Речь идет о так называемой интернет-зависимости или интернет-аддикции (Internet Addiction Disorder). По данным различных авторов, процент Интернет-зависимых пользователей составляет от 5% до 38% от общего количества пользователей.

Во всех исследованиях отмечается, что Интернет-зависимость имеет, прежде всего, личностную природу: Интернет сам по себе не имеет аддиктивной природы, но может приобретать сверхзначимость для некоторых людей в силу их личностных особенностей. Большинство исследователей признается, что идентичность Интернет-зависимых обладает значительными отличиями от идентичности тех, для кого не характерна Интернет-зависимость.

Целью данной работы является исследование особенностей Интернет-зависимой личности и ее отличие от Интернет-независимой. Были использованы следующие **методы**: Шкала Интернет-зависимости А. Жичкиной; Методика личностного дифференциала, адаптированная в НИИ Им. В.М.Бехтерева; Тест-опросник самооотношения В.В.Столина. **Объектом** исследования выступило 114 человек, использующих Интернет для неакадемических и не профессиональных целей не менее 15 часов в неделю, возрастом от 16 до 35 лет. Из 114 человек 63 мужчины и 51 женщина.

В результате исследования 61% выборки (70 человек) был отнесен к Интернет-независимым, 39% (44 человека) - к Интернет-зависимым.

Были обнаружены значительные различия в самооотношении зависимых и независимых пользователей. Показатели по интегральной шкале самооотношения у Интернет-зависимых – 51, тогда как у Интернет-независимых 89 баллов (различия значимы на уровне значимости $p = 0,001$). Это говорит о том, что общая самооценка неаддиктов значительно выше, чем у аддиктов, они склонны оценивать себя позитивно, принимать себя, в то время как самооотношение Интернет-зависимых значительно ниже. Были также обнаружены значимые ($p = 0,005$) различия по шкале **самообвинения**: у Интернет-зависимых – 71 (признак выражен), у Интернет-независимых – 38 (признак не выражен). Это говорит о том, что Интернет-зависимые склонны видеть в своей личности по преимуществу негативные моменты, недостатки, склонны к самообвинению. В отличие от них, у Интернет-независимых респондентов показатель самообвинения не выражен, что означает доверие к себе и позитивную самооценку. По шкале **самоуважения** были также обнаружены значимые различия ($p = 0$). Средний балл по шкале самоуважения у Интернет-зависимых – 39 (признак не выражен), у Интернет-независимых – 79 (признак ярко выражен).

Было выявлено, что у Интернет-независимые пользователи склонны оценивать свое «Реальное Я» как носителя более позитивных, социально желательных характеристик, чем «Виртуальное Я» (фактор «Оценка» в Личностном дифференциале, средние 12,7 и 8,3 балла соответственно, уровень значимости $p = 0,001$). У группы Интернет-зависимых испытуемых различия между реальной и виртуальной оценкой практически отсутствуют (средние баллы 12,4 и 12,0 соответственно). Это может говорить о том, что у Интернет-независимых пользователей выделяется новый компонент Я-концепции – «Я-виртуальное», который отличается как от реального, так и от идеального, в то время как у Интернет-зависимых пользователей он не дифференцируется. Если это предположение верно, то это может существенно помочь не только в теоретическом изучении феномена Интернет-зависимости, но и наметить способы профилактики и лечения Интернет-зависимости.

При сравнении **Интернет-независимых** мужчин и женщин по U-критерию Манна-Уитни были обнаружены значимые ($p = 0,042$) различия только в показателях оценки реального Я (9,5 у мужчин и 13,6 у женщин). При этом при сравнении **Интернет-зависимых** мужчин и женщин с помощью T-Критерия Стьюдента (вероятность того, что распределение отличается от нормального, 0,001) был обнаружен ряд значимых различий в средних показателях, представленных в таблице 1.

Таблица 1. Различия между Интернет-зависимыми мужчинами и женщинами.

	Мужчины	Женщины	Уровень значимости, p
Сила реальная	1,45	7,93	0,007
Сила виртуальная	6,09	11,43	0,04
Активность реальная	-3,18	11,36	0
Активность виртуальная	1,82	10,93	0
Ожидание положительного отношения от других	24	61	0,02

Таким образом, Интернет-зависимые женщины гораздо более экстравертированы как в реальной, так и в виртуальной среде, проявляют большую активность, общительность, более импульсивны и спонтанны. Активность же Интернет-зависимых мужчин и в реальной, и в виртуальной среде значительно ниже, они склонны к пассивности, менее эмоциональны.

Показатели реальной силы у Интернет-зависимых мужчин свидетельствуют о недостаточном самоконтроле, неспособности держаться принятой линии поведения, зависимости от внешних обстоятельств и оценок, возможно, повышенной тревожности. В виртуальной среде они чувствуют себя более уверенными, независимыми. При этом Интернет-зависимые женщины как в реальном, так и в виртуальном общении чувствуют себя уверенно, склонны рассчитывать на собственные силы в трудных ситуациях.

Интернет-зависимые женщины в гораздо большей степени, чем мужчины, склонны ожидать положительного отношения к себе от окружающих. Они полагают, что их личность заслуживает уважения и интереса от окружающих людей. Интернет-зависимые мужчины в основном ожидают от окружающих неприятия собственной личности и критики в свой адрес.

Все это позволяет предположить, что причины, особенности протекания и последствия Интернет-зависимости у мужчин и у женщин значительно отличаются. Возможно, критерии для определения Интернет-зависимости для мужчин и женщин должны быть различными. Все это намечает пути дальнейших как теоретических, так и эмпирических исследований.

Литература:

1. Suler, J. Computer and Cyberspace Addiction. /International Journal of Psychoanalytic Studies, 1., p359-362, 2004. <http://www.rider.edu/~suler/psyber/cybaddict.html>
2. Young, Kimberly S. What makes the Internet Addictive: potential explanations for pathological Internet use./Paper presented at the 105th annual conference of the American Psychological Association, August, 1997, Chicago, IL <http://netaddiction.com/articles/habitforming.html>

3. Young, Kimberly S. Internet Addiction: Symptoms, Evaluation, and Treatment. / Innovations in Clinical Practice, Volume 17: Professional Resource Press, 1999. <http://www.netaddiction.com/articles/symptoms.pdf>
4. Белинская, Е.П. Интернет и идентификационные структуры личности. <http://psynet.carfax.ru/texts/bel4.htm>, 2001.

Проблемное поле современной молодежи

Пахмутова Марина Анатольевна

студентка

Марийский государственный технический университет, Йошкар-Ола, Россия

E-mail: marbry@mail.ru

Введение

Государственная политика сегодня большое внимание уделяет проблемам молодежи, сосредотачиваясь главным образом на ценностях успеха, социальной адаптации и самопрезентации. Социальные и психологические службы охватывают все новые группы населения. Однако единый комплекс методов и технологий для работы с молодежью до настоящего времени не сформирован. Продолжающееся на протяжении десятилетий нравственный кризис общественного сознания привел к тому, что современная молодежь не имеет духовной точки опоры для адаптации к жизненным трудностям. Молодой человек, входящий во взрослую жизнь, ведет себя как герой телеэкрана, потому что не имеет иных наставников и учителей, которым мог бы доверять. Вследствие неразрешенных кризисов, совершенных ошибок он ломает не только свою жизнь, но жизнь окружающих, близких людей, детей.

Жизненную позицию индивида определяет этический слой личности, который включает в себя мотивы, ценности, установки человека. Для психологической, педагогической и социальной работы с данной сферой личности необходимы подготовленные профессионалы и специально разработанные методологии. Государственная молодежная политика также как и психологические службы, ориентированные на молодых людей, охватывают проблемы лишь по отдельности, фрагментарно. Срочность принятия необходимых мер в этом вопросе, а также отсутствие разработок в этом направлении обуславливает актуальность данной темы.

Методы

Для выявления актуальных проблем современной молодежи было проведено исследование среди студентов – будущих специалистов гуманитарных и технических специальностей, факультета социальных технологий (ФСТ) и факультета информатики и вычислительной техники (ФИБТ) в МарГТУ. Авторская методика включала открытый вопрос: «Какие проблемы наиболее остро волнуют современную молодежь?». С целью раскрытия более глубоких слоев сознания и отсеивания поверхностных проблем данный вопрос задавался два раза с интервалом 5-7 минут. Всего было опрошено 43 человека в возрасте 19-21 года.

Результаты исследования

В количественном выражении спектр проблем включал 85 ответов. К ним были отнесены не только материальные темы, но и психологические, а также экологические и духовные. Кроме того, прослеживалось ситуационное состояние студентов, так как опрос проводился перед сессией

Студенты-программисты, также как и социальные работники на первом этапе выделили больше психологических проблем, чем материальных. (Табл.1) Психологические проблемы оказались разнообразней материальных проблем. Зоны, требующие своего разрешения, студентами-программистами при первичном ответе были представлены: безработицей, отсутствием жилья, маленькой стипендией или зарплатой, а также вредными привычками, девиациями, нравственной и культурной

деградацией населения. Студенты ФСТ назвали такие проблемы как: девиация, межличностные взаимоотношения, а также трудоустройство и недостаток денег.

Таблица 1.

Факультет	Количество опрошенных	Этап опроса	Число материальных проблем	Число психологических проблем
ФИВТ	30	I	29	53
		II	15	63
ФСТ	14	I	14	24
		II	8	34

При вторичном опросе спектр проблем изменился. Студенты обоих факультетов выделили в 4 раза меньше проблем материального характера и определили социальной тематике ведущее место. Можно отметить, что для студентов-программистов оказались важными неразрешенные темы культуры, проблемы безнравственности, отсутствия веры и воспитания, а также межличностных взаимоотношений, здоровья и здорового образа жизни, экологии, денег. Студенты социальной работы выделили проблемы здорового образа жизни и вредных привычек, а также самореализации и личностного роста, проблемы молодой семьи, суицида среди молодежи.

Таким образом, видно, что независимо от количества опрошенных и специальности студентов, число названных ответов материальной направленности сокращается почти в два раза на втором этапе, а число ответов психологической тематики увеличивается на десять единиц. Можно сделать вывод, что для выявления переживаемых личностных проблем молодежи необходимо многоэтапное проведение проективного исследования сознания молодых людей.

Социальная работа с молодежью должна строиться по принципу ориентации на активность самого человека, испытывающего кризис становления и личностного роста. Изучение и развитие активной жизненной стратегии возможно только при одновременном анализе и коррекции мотивационно-ценностной сферы личности. Необходимым условием развития личности является совокупность таких качеств как: мотивация достижения успеха, неудовлетворенность достигнутыми результатами, высокий уровень притязаний, а также сформированный этический слой сознания. Для работы со студентами в этом направлении могут использоваться практически любые технологии и методики, но все они должны строиться на доверии и иметь духовно-нравственную основу.

Таким образом, работа с молодежью должна строиться как на решении социальных, психологических вопросов, так и на формировании жизненной позиции и нравственных ориентиров личности. Известны такие формы работы как психологическая служба, клубы («Молодая семья», «Молодежная инициатива», военно-патриотические) и кружки (любителей истории, литературно-творческие, экологические, краеведческие), ориентированные на объединение инициативной и интересующейся молодежи, способной лидировать и создавать новое поле молодежной среды.

Литература

1. Екимов Е.Ю. (2008) Феномен социально-психологической дезадаптации в контексте современной молодежной политики // В сб.: Медико-биологические и психолого-педагогические аспекты адаптации и социализации Т. 2 / Науч. ред. А.Б. Мулик. – Волгоград: Волгоградское научное изд-во.
2. Авдеев Д.А., Невярович В.К. (2005) Наука о душевном здоровье. Основы православной психотерапии. М.: «Русский Хронографъ» 2005. – 512 с.
3. Кряжев А.Н., Кряжева Л.А. (2006) Самоидентичность как фактор самоутверждения личности // В Сб.: Потенциалы России в глобальном мире: проблемы адаптации и развития Ч. 1 / Пол. общ. ред. проф. Шалаева. – Йошкар-Ола: Марийский государственный технический университет.

Сравнительный анализ структуры лексикона при билингвизме

Петрова Анна Андреевна

студентка

Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова, Москва, Россия

E-mail: petrova@front.ru

С развитием речи у человека интериоризируется опеределенная знаковая система. При смене языковой среды возникает и необходимость освоения новой системы. В данной работе проводится сравнительный анализ структуры лексикона родного языка и иностранного, но не на билингвах в строгом смысле этого слова, а на преподавателях языков и переводчиках. Т.е. у нас есть возможность разграничить родной язык и иностранный, исследовать различия уровня владения словарем, которые сохраняются даже при очень хорошем владении языком. Возраст испытуемых на момент проведения исследования - от 20 до 30 лет. Выборка – 10 человек: 2 мужчин и 8 женщин.

Методикой исследования был выбран ассоциативный эксперимент (метод свободных ассоциаций). Эксперимент условно подразделяется на 3 типа экфорирования ассоциаций: грамматическое (название слов, принадлежащих к определенной грамматической категории, например, глаголов), семантическое (ассоциативный ряд из названий различных растений) и без дифференциации (название любых слов подряд). Испытуемым предлагалось 6 тестов, по одной минуте каждый. Из них три - на родном языке (русском) и три на иностранном. Исследование проводилось по схеме, разработанной Ж.М. Глозман (Глозман, 1996). Также испытуемым давалась краткая анкета, позволяющая получить сведения об образовании, особенностях изучения, объемах работы с языком, а также определить простоту/сложность понимания или речепорождения на иностранном языке (преимущество импрессивной или экспрессивной речи). Кроме этого, испытуемые заполняли опросник Аннет, позволяющий определить степень доминирования того или иного полушария мозга, а в модификации Е. Д. Хомской - и выявить ПЛО - профиль латеральной организации (Хомская и др., 1997). В качестве результатов непосредственно ассоциативного эксперимента были взяты количественные показатели - отношение продуктивности ассоциаций на родном языке и на иностранном: $I = Pp - Pи$ (Pp - количество экфорированных за минуту единиц на родном языке; $Pи$ - то же самое количество для иностранного языка). Индекс был подсчитан для каждой серии в отдельности, затем высчитан суммарный индекс по всем трем сериям вместе - $Isum$.

Присоединяя к этим данным информацию анкет, мы можем увидеть следующее:

Исп	Isum	ПЛО (рука-ухо- глаз)	Уст/письм речь	Преимущество импр/экспр речи	Был ли в стране языка не менее года
Сергей	-9	Dsd	Уст	одинаково	Да
Юлия	-1	Ddd	Письм	Импр	Да
Екатерина	1	Dda	Письм	одинаково	нет
Алексей	7	Ddd	Письм	Импр	нет
Настя	16	Dsd	Письм	Экспр	нет
Мария	23	Ddd	Письм	импр	нет
Елена	23	Dad	Письм	Экспр	нет
Катя	25	Dsd	Письм	Экспр	нет
Наталья	27	Ddd	Письм	Экспр	нет
Ася	30	Dsa	Уст	Экспр	нет

1. Лучшие индексы показывают люди, проводившие не менее года в стране языка. Это говорит об очевидном: нахождение в языковой среде обогащает и развивает лексикон, дает свободу обращения с языком. Только они имеют отрицательный суммарный индекс (кол-во ассоциаций на иностранном языке превышает кол-во ассоциаций на родном).

2. Превосходство импрессивной речи мы наблюдаем только у «Безусловных правшей», т.е. при доминировании левого полушария (которое и отвечает за понимание речи).

Сравнительное равенство сложности импрессивной и экспрессивной речи встречается только у двух испытуемых, находящихся на первом и третьем «местах» нашей иерархии, т.е. показавших одни из лучших результатов в ассоциативном эксперименте. Таким образом, можно считать одинаковое владение экспрессивной и импрессивной речью также показателем хорошего владения иностранным языком.

Если разделить всех испытуемых на две подгруппы: 1. близкие показатели продуктивности ассоциаций в родном и иностранном языках (первые 4 испытуемых) и 2. объем лексикона в иностранном языке существенно отличается от родного (испытуемые 5-10), то выявляется следующее.

1. В первой подгруппе было 50% испытуемых с полной доминантностью левого полушария, а во второй – 33%.

2. В первой подгруппе 50% равно владеют и экспрессивной и импрессивной речью, а для остальных 50% легче было понимать речь на иностранном языке, чем говорить самому. Во второй подгруппе 83% испытуемых легче было говорить самому на иностранном языке, чем понимать другого (причем у 80% из них профиль латерализации говорил о неполной доминантности левого полушария).

3. В первой подгруппе 75%, а во второй 83% лучше понимают письменную речь, чем устную.

Проведенный анализ позволяет выявить некоторые факторы, определяющие сужение лексикона в иностранном языке по сравнению с родным:

1. Способ изучения языка (прямой, в стране второго языка) или логический (в школе или в вузе по учебникам). Прямой способ обеспечивает равный объем лексикона в обоих языках и равное владение экспрессивной и импрессивной речью.

2. Особенности латеральной организации психических функций. Неполная доминантность левого полушария создает особые трудности понимания речи.

Эти данные можно учитывать при анализе трудностей обучения у билингвов.

Литература

1. Bassnett S. «La traduzione: teorie e pratica» Strumenti Bompiani, Italia, 1993
2. Глозман Ж. М. «Общение и здоровье личности» М., Академия, 2002
3. Глозман Ж. М. «Исследование структуры лексикона больных с корковыми и подкорковыми поражениями мозга», Вестник МГУ, серия Психология, 1996
4. Леонтьев А. А. «Основы психолингвистики» М., Академия, 2005
5. Мониц Ю. В. «К истокам человеческой коммуникации: ритуализованное поведение и язык» М., Академия гуманитарных исследований, 2005
6. Нейропсихология индивидуальных различий// Е. Д. Хомская, И. В. Ефимова, Е. В. Будыка, Е. В. Ениколопова. М., Российское Педагогическое Агентство, 1997
7. Самойлова В. М. – автореферат докт. дисс. ... психол.н. «Патология общения и личность».
8. Слобин Д., Грин Дж. «Психолингвистика» М., Прогресс, 1976
9. «Directions in psycholinguistics», edited by Sheldon Rosenberg, The Macmillan company, New York, 1965
10. Хомская Е. Д. «Нейропсихология» М., Питер, 2005

Образ женской красоты в фольклоре

Погонцева Дарья Викторовна

аспирант

Южный федеральный университет, Ростов-на-Дону, Россия.

E-mail: dashapgn@rambler.ru

Фольклор, посредством сказок, былин, песен и легенд, сохраняет характерные черты того или иного народа, динамику представления о различных сторонах жизни.

В фольклоре всех стран существует множество описаний женщины, в соответствии с которыми можно восстановить образ женщины земной и небесной. Во-первых, это тексты домашних обрядов, в особенности, касающиеся свадебной церемонии. Во-вторых, это мифы, легенды и эпос, которые уделяют большое внимания женской красоте. В русской культуре (о чем свидетельствуют культурологические, исторические, этнографические исследования) семья всегда рассматривалась как ценностный идеал, неперемное условие жизни любого человека. Однако, даже не смотря на это, довольно сложно воссоздать целостный образ «русской красавицы» по средствам устного народного творчества, в отличие от изобразительного искусства, которое является призмой для отображения красавиц определенной эпохи. В русском фольклоре красивая девушка обладала белым и румяным лицом, черными, соболиными бровями и ясными глазами, лебединой осанкой и походкой павы, коса на севере – должна была быть «русая, до пояса», на юге, где отмечалось смешение с турецкими и кавказскими народами красавицы были чернобровые и черноокие. При этом красота зачастую имела утилитарное значение (Чистота – лучшая красота). В народных сказках дается очень зыбкий образ, который не дает представления о том, как выглядит красавица. Под описание в сказках можно отнести практически любую девушку. Понятие красоты – индивидуально и автор дает право закончить образ некими характеристиками, как цвет волос и глаз, рост, фигура и форма носа по вкусу читателя. Возможно, это частично объясняется тем, что в сказочном фольклоре красота, объединяет красоту поступков, чувств, желаний и мыслей, и является синонимом понятий доброта, смелость, трудолюбие, сила, в итоге, красота внешняя сближается с внутренней красотой.

Однако, сравнивая фольклорные мотивы народов живущих на территории России можно отметить различия. В северном фольклоре сохранилось довольно много описаний свадьбы. В свадебных обрядах красота делилась на девичью и «бабью». Можно отметить что «Дивья» и «бабья» красота присутствовали на всей территории России. В девичестве девушка носила косу, которая демонстрировала и ее статус незамужней, и ее здоровье. Накануне свадьбы подруги топили для невесты баню, где она «смывала дивью красоту – намывала бабью красоту».

Они сомыют с меня дивью красоту, / С ретива сердца тоску-кручинушку, / Со бела лица да горючи слезы. / Мне не смыть, да молодешеньке, / С ретива сердца тоску-кручинушку, / Со бела лица горючи слезы, – / Только я сомыю да дивью красоту.

В свадебном обряде «дивья» красота – это лента, чаще алая, которую носили девушки на гуляниях и в хороводах, и которая демонстрировала ее статус - незамужней. Невеста клала ленту на тарелочку, ходила с ней по дому, по двору, стараясь выбрать ей место вечное и спокойное: «Ты прощай, прощай, красна девица! / Ты прощай, моя дивья красота!». Это отношение к косе подчеркивается и в пословицах и поговорках: Девушка красна до замужества; Красуйся, краса, пока вдоль спины коса: под повойник (головной убор замужней женщины) попадет,- краса пропадет.

В донском фольклоре, который дошел до наших дней, одно из почетных мест принадлежит образу женщины, описание которых во всех своих проявлениях (невеста, жена, мать) занимает огромный пласт. Что объясняется исторически сложившимся укладом семьи и быта. Пока мужчина, казак был в военных походах – он скучал по своей невесте или жене и слагал о них песни, в это время женщины пели обрядовые песни, в которых также основным персонажем зачастую являлась женщина. При этом нужно учитывать, что народное творчество описывает жизнь простого люда, зачастую неграмотного, что так же накладывает отпечаток на идеалы красоты.

Образ женской красоты в песнях включает описание отдельных характеристик, подчеркивание достоинств: «Уж ты миленький мой / Похваляешься ты мной – моей русою косой; / Моя русая коса всему городу – краса / Ребятюшкам сухота / А девицам честь-хвала»; «Чернявая моя, / Чернобровая моя, / Черноброва, черноглаза, / Раскудрява

голова!», «Сладкие медовые губочки твои / Розовые полные щечечки твои / Мягкие пуховые кудерцы твои».

Самое богатое описание женской красоты дается в сказках и былинах, не ограниченных как песни ритмикой или рифмой. Однако и описание в сказках больше сводится к описанию характера. Красавица – падчерица работящая, а дочка мачехи – ленивая, и каждый может закончить образ каждой из девушек, теми чертами, которые ему лично кажутся красивыми. Так, например сказка «Финист – ясный сокол» в пересказе Г.Джаладяна начинается с такого описания: «Было у крестьянина три дочери. Старшая и средние завистливые и злые, а младшая Машенька, добрая, ласковая, работящая, неписанной красоты».

Пословицы оцениваются как проявление народного ума, народной жизни, народного характера, составляя важную и чрезвычайно интересную часть национальной культуры. Большинство пословиц и поговорок о женской красоте можно разделить на две группы, первая – описывает и оценивает женскую красоту. А вторая группа – подчеркивает важность ума, доброты и трудолюбия, как более важных характеристик в сравнении с красотой.

Так к первой группе относятся: Красива как наливное яблочко; Коса – девичья краса; На красавице всякая тряпица – шелк; Кто мил, тот и красив; Если ты не молодец, то и свинья не красавица; Девичья коса - на всю Москву краса; Девичья краса до возрасту, молодичья до веку.

Ко второй группе относятся такие пословицы и поговорки, как: Красота – до венца, а ум до конца; Не ищи красоты, а ищи доброты; Красота до вечера, а доброта навек; Красота лучше, а правда – нужнее; Красота приглядится, а щи не прихлебаются; Красота разума не придаст; Жену выбирай не в хороводе, а в огороде; Красота приглядится, а ум пригодится; Красота – завянет, а ум не обманет; Красавица без ума - что кошелек без денег; Красота без разума пуста; Красотой сыт не будешь; Не мил телом, да угодлив делом; Просватанная невеста всем нравится; На Дону красавица, с любым мужиком управится; Нехваленая невеста дороже хваленой; Умный любит за характер, а дурак – за красоту; Красота завянет, а ум не обманет; На красивую глядеть хорошо, а с умной жить легко; Раньше казачка брала личиком белым, а теперь – земляным наделом; Невесту выбирай не глазами, а ушами. Однако интересным примером может служить Азербайджанская пословица, которая гласит: Если красота десять, то девять из десяти – одежда.

Таким образом, возвращаясь к отсутствию однозначного определения красоты, можно предположить, что это связано с тем, что в культурно-историческом контексте красота всегда представлялась как некий визуальный образ (скульптура, портрет, описание отдельных черт в сказках и песнях) и реже как словесный образ описывающий женскую красоту.

Роль эмпатии в понимании людьми друг друга

Пономарева Анастасия Владимировна

студентка

Сибайский институт Башкирского государственного университета, Сибай, Республика Башкортостан, Россия

E-mail: kaplina-nastya@mail.ru

Проблема понимания находится в центре внимания психологической науки в связи с ее значимостью во всех сферах жизни человека. Без понимания невозможен процесс эффективного общения. Особенно актуализируется данная проблема в современном информационно-насыщенном мире, в котором увеличилось количество вынужденных

контактов между людьми. Многочисленность и поверхностность интеракции снижает их качество и глубину. Особенно это заметно в больших городах, где сам образ жизни определяет неизбежность взаимодействия совершенно незнакомых людей. Все это обуславливает важность изучения проблемы понимания как фактора полноценного общения.

Проблеме взаимопонимания посвящено значительное число монографий отечественных исследователей (А.А. Леонтьева, А.А. Бодалева, В.А. Кан-Калика, А.А. Брудного, Л.А. Чистович, М.А. Джерелиевской, Л.В. Щербы, П.К. Анохина, С.И. Бернштейна). Исследователи дают различные по формулировке, но общие по смыслу определения понятия **понимания**, как способности постичь значение чего-либо и достигнутый благодаря этому результат; как специфико-ментальное состояние сознания, когда субъект осознал, что его представления являются эквивалентными форме и содержанию того или иного объекта, предмета. Более узкое определение понятия дает психолингвистическая наука – понимание - это расшифровка общего смысла, который стоит за непосредственно воспринимаемым речевым потоком. С точки зрения и психологии, и психолингвистики **понимание** - это постижение смысла путем осознания значения, замысла происходящего. В нашем исследовании мы опираемся на понятие **понимания** как способности субъекта вникнуть, уяснить смысл, значение, замысел чего-нибудь, акты поведения другого субъекта в корреляции с самим результатом.

Эмпирическое исследование проведено на выборке, включающей 200 человек ($N_1=100, N_2=100$). Для диагностики способности к эмпатии использовался опросник А. Мехрабиена, Н. Эпштейна; для выявления уровней понимания автором был разработан эксперимент, суть которого заключалась в оценке способности испытуемых вникнуть, уяснить смысл, глубину воспринятого текста. Студенты, прочитав текст, должны были изложить на бумаге в течение одной минуты именно то, что они поняли. Понимание предлагаемого текста разделено на три уровня: низкий, средний, высший; для статистического анализа связи уровней осмысления с развитостью эмпатийных тенденций мы применили метод ранговой корреляции Спирмена; для сопоставления двух выборок по частоте встречаемости высокого и высшего уровней эмпатии и понимания мы использовали метод углового преобразования Фишера.

Установлена сильная связь двух психологических феноменов: понимания, как процесса усвоения и воспроизведения суммы сведений о явлениях, и эмпатии (при коэффициенте $r=0,7$). Положительный характер корреляции свидетельствует о том, что увеличение одной переменной ведет к увеличению второй. Это значит, чем выше уровень понимания, тем выше развита эмпатия. Таким образом, у людей с высокими эмпатийными тенденциями преобладает более глубокое осмысление, а неспособность человека сопереживать предполагает поверхностное понимание.

Результаты исследования позволили выявить три группы студентов, с различными уровнями понимания и соответственно с разной степенью развития эмпатии. Наиболее представительной оказалась подгруппа испытуемых со средним уровнем эмпатийных тенденций и соответственно, основная часть студентов, интерпретировали смысл текста простым изложением всего хода сюжета. Испытуемые четко представили и поняли развитие действия, но не вникли в содержание говоримого. Второй по численности, оказалась та часть студентов, у которых сравнительно высокий уровень эмпатийных способностей. Этим испытуемым удалось глубоко проникнуть в содержание, понять не только то, о чём и что было сказано, но самое главное - зачем это говорилось. Какой смысл заложил исследователь в предлагаемый текст. Самой малочисленной оказалась группа студентов с достаточно низким уровнем эмпатии. Эти испытуемые смогли понять лишь основной предмет высказывания, т.е. о чём идет речь. Это подтверждает наличие низкого уровня оценки поведения других людей в соответствии с их эмоциональным состоянием.

Нами было выявлено, что доля студентов, у которых проявляется высокий уровень понимания и эмпатии в выборке N₁ значительно больше, чем в выборке N₂ при $\phi^*=2,52$. Причиной этому может быть профессиональная направленность студентов технологов, что и объясняет специфическое восприятие, познание и отношение к окружающему миру.

Литература:

1. Белянин В.П. Психолингвистика: Учебник / В.П. Белянин. – 2-е изд. – М.: 1. Флинта: Московский психолого-социальный институт, 2004. – 232 с.
2. Климов Е.А. Общая психология. Общеобразовательный курс: Учеб. пособие для вузов. – М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2001. – 511 с.
3. Леонтьев А.А. Психология общения: Учеб. пособие для студ. высш. учеб. заведений. – 3-е изд. – М.: Смысл; Издательский центр «Академия», 2005. – 368 с.
4. Рогов Е.И. Психология общения. – М.: Гуманит. изд. центр ВЛАДОС, 2001. – 336 с.: ил. – (Азбука психологии)
5. Социальная психология: Учеб. пособие для студ. высш. учеб. заведений / А.Н. Сухов, А.А. Бодалев, В.Н. Казанцев и др.; Под ред. А.Н. Сухова, А.А. Дергача. – 2-е изд., испр. – М.: Издательский центр «Академия», 2003. – 600 с.
6. Холл М. Как оказывать влияние на людей. Как управлять сознанием./
7. Майкл Халл, Бобби Боденхеймер; пер. с англ. А. Анвайера. – М.: АСТ: Астрель, 2006. – 509, [3] с.
8. Юрчук В.В. Современный словарь по психологии / Авт. сост. В.В.
9. Юрчук. — Мн.: Элайда, 2000. — 704 с. 3. Словарь практического психолога / Сост. С. Ю. Головин. - Минск: Сарвест, 1997. - 800 с.
10. Юсупов И.М. Психология взаимопонимания. – Казань: Татарское кн. изд-во, 1991. – 192 с.

Психологические механизмы собирания я

Рекунчак Максим Петрович

аспирант

Омский государственный педагогический университет, Омск, Россия

E-mail: M.Rekunchak@gmail.com

В попытках исследователей увидеть человека в его отношениях с миром, рельефнее и глубже показать устройство и механизмы внутреннего мира (Кон И.С., Шадриков В.Д.) всё актуальнее становится проблема организации я человека, как того центра, который создаёт единство и непрерывность целостного человека. Эта проблема поставлена во главу угла в современном зарубежном направлении – Dialogical Self, где, с опорой на В. Джеймса, Дж. Келли, М. Бахтина и др., обретает своё решение в процессах смыслообразования, смыслоразворачивания, протекающих при образовании целостных систем валуаций³ – я-позиций, а также в их диалогических взаимодействиях. Поставленная более широко, как проблема нахождения человеком своих границ в мире, она разрешается психологами и философами, задействуя для этого объяснительную силу понятий «организация», «самоорганизация», «оформление», «конструирование», «собирание», «простраивание», «связывание», и др. В своей работе мы используем понятие «собирание» (от лат. legere – собирать), наследуемое, в частности, от М. Хайдеггера, который использовал его, наряду с термином «связывание», в отношении человеческого я по отношению к процессу достижения

3 Понятие валуации (от англ. value) наиболее точно можно определить как процесс и результат порождения смысла, субъективной организации опыта человеком. Подробнее см., напр., Херманс Г., 2007.

целостности *я* (Хайдеггер М., 1993а), указывал на идею собирания человека в круге бытия (Хайдеггер М., 1993б).⁴

Что такое собирание себя и как оно происходит – вот основные вопросы настоящей публикации.

Человек находится и живёт в мире, познаёт его, при этом сам являясь частью этого мира (Рубинштейн С.Л., Леонтьев А.Н., Василюк Ф.Е., Знаков В.В., Клочко В.Е.). Человек, проявляет себя в мире, причём делает это на разных уровнях соотнесённости собственной интенциональной активности и обусловленности миром. Мир и *я* связываются человеком посредством его встраивания в «машины» культуры (Щедровицкий Г.П., Мамардашвили М.К.). Таким образом, *я* человека связано с миром посредством и через культуру и эта связь с миром есть смысловая связь. Наделение смыслом, реализация смысла возможны только при существовании и активной реализации *я* человека, для которого только эти смыслы и существуют. Человек связан с миром процессом и результатом его осмысления, и в зависимости от того, как *я* осмысливаю собственную жизнь и мир, таковы и возможности моего существования в мире. Д.А. Леонтьев так пишет про это: «Смысл позволяет нам существовать в поле свободно выбираемых нами возможностей, а не действующих на нас механических сил.» (Леонтьев, 2007, с. 493). Без *я* мир и сам человек не могут быть осмыслены. Отсюда, возникает вопрос – что такое *я*, и какое оно в процессах осмысления, иначе говоря – как *я* себя собирает в процессах осмысления.

Сама идея собирания себя предполагает что создаётся некая форма, структура, система, организация чего-то, и следовательно есть некие объекты и то что их связывает. В тоже время, если ты собираешь себя, то ты становишься больше самого себя. Следовательно, необходимо различать то, что собирается, организуется, и то что собирает. Собираемое принято изучать как образы *Я*, самосознание, личность, человек (Мамардашвили М.К.) и др., а то что собирает, связывают с субъектностью, активностью человека. Собирая разбросанный по времени опыт как части самого себя, а по сути – собирая свои границы, человек обретает собранное *я*. Это собирание может быть в различной степени опосредованно, в том числе и речью и языком – так рождается, например, семиотическое *я* (Wiley, 1994). Часто исследуются модели уже собранных *я*, однако больший интерес представляют исследования самих процессов собирания себя, ведь в процессе собирания себя граница (между *я* и миром) смещается в сторону начала интенциональной активности субъекта, переоформляя в чём-то саму эту активность и познавая её.

Мы под собиранием себя понимаем процессы рефлексивного оформления границ своей интенциональной активности в мире, необходимые для целостного и не противоречивого проявления себя в мире. Связать себя смыслами – значит и собрать самого себя, оформить границы собственной активности. Следовательно, собранное *я* можно рассматривать как центр активности человека, или ценностный центр (Бахтин М.М., Плеснер Х.), рефлексивный ценностно-смысловой центр человека (Шаров А.С.).

Однако, так как на разных уровнях осмысления мира и себя в нём *я* собирается по-разному, то можно говорить что существует не единое, целое *я*, а поле *я*-позиций (децентрированное *я*). *Я*-позиции в своём поле вовлечены в диалогические отношения между собой и с *я*-позициями других людей (Hermans&Kempen, 1993). *Я*-позиции возникают и функционируют не только в связи с различными уровнями осмысления мира и себя в нём. *Я*-позиция может быть собрана в связи с разнообразными перспективами – временной (из прошлого, настоящего или будущего),

4 Необходимо отметить, что у термина «собирание» большая история. Его задействовал А.А. Богданов в своих работах, и в частности в ст. «Собирание человека», где высказываются интересные, и можно сказать философские идеи о «дроблении человека» и необходимости его «собирания» (Богданов, 1990). Как отмечают исследователи Богданова, истоки идеи собирания человека у него отходят к работам Ф. Ницше, и в частности к представлениям о сверхчеловеке. Кроме Богданова проблематику собирания себя, мы находим у М.К. Мамардашвили и его соратника в психологии – В.П. Зинченко. Мамардашвили результат собирания себя обозначает как «собранный субъект», а само собирание себя связывает с обретением полноты бытия: «...как же собрать то, что есть *я* и одновременно всё, что ускользает от меня, распадается в тысяче осколков зеркал? – Пребывать целиком» (Мамардашвили, 1996).

реализованности (идеальная и реальная), и т.д. Но основной вопрос здесь как происходит собирание я-позиции, а главное – я-позиций в целостную организацию я человека (диалогическое, полифоническое я). Интересный подход, создающий объяснительную схему процессам собирания себя мы находим в теории валюации, разрабатываемую нидерландским психологом и психотерапевтом Х. Хермансом. Здесь формирование я-позиции рассматривается как активный процесс организации целостной системы валюаций, осуществляемый человеком. Посредством актуальных и воображаемых диалогов, активной рефлексии опыта, рассказывания историй, а по сути - процесса валюации, происходит формирование отдельных валюаций, а их диалогическое взаимодействие определяет целостную систему я человека – диалогическое я.

Литература

1. Богданов А.А. Новый мир / Богданов А.А. Вопросы социализма: работы разных лет. – М.: Политиздат, 1990. – 479 с.
2. Знаков В.В. Психология понимания: Проблемы и перспективы. – М.: Изд-во «Институт Психологии РАН», 2005. – 448 с.
3. Келли А. Дж. Психология личности. – СПб.: Речь, 2000. – 249 с.
4. Леонтьев Д.А. Психология смысла: природа, строение и динамика смысловой реальности. (3-е изд. доп.). – М.: Смысл, 2007. – 511 с.
5. Мамардашвили М.К. Введение в философию / Мамардашвили М.К. Необходимость себя. М.: "Лабиринт", 1996, с.7-154.
6. Хайдеггер М. Бытие и время. – М.: Республика, 1993а.
7. Хайдеггер М. Гегель и греки / Время и бытие: Статьи и выступления. Пер. с нем. М.: Республика, 1993б.
8. Херманс Г. Личность как мотивированный рассказчик: теория валюации и метод самоконфронтации // Постнеклассическая психология, №1 (3), 2006-2007. с. 7-53.
9. Шаров А.С. Онтология смысла: человек и мир.
10. Hermans, H.J.M., & Kempen, H.J.G. (1993). The dialogical self: Meaning as movement. San Diego: Academic Press
11. Wiley N. (1994). The Semiotic Self. Chicago, IL: University of Chicago.

Возрастные и гендерные особенности представлений о смерти в подростковом возрасте

Рожкова Екатерина Ивановна

студентка

Пермский государственный педагогический университет, Пермь, Россия

E-mail: rozhkova-katya@list.ru

Введение

Смерть - явление универсальное, затрагивающее каждого человека, каждое живое существо. Это один из самых загадочных и таинственных феноменов, постоянно привлекавших и гипнотизировавших человеческую мысль.

Наиболее остро вопрос отношения к смерти встает в подростковом возрасте, когда ребенок начинает осознавать конечность своего существования. Одна из проблем, с которой сталкивается подросток - идея необратимости времени и конечности жизни. Именно отказ от веры в личное бессмертие и принятие неизбежности смерти побуждает подростка всерьез задумываться о смысле жизни, о том, как лучше прожить ее. Таким образом, перед подростком встает задача формирования своего отношения к явлению смерти.

Проблема смерти рассматривается в русле экзистенциального, трансперсонального, психоаналитического направлений.

Исследования представлений подростков о смерти представлены в работах Гавриловой Т. А., Исаева Д. Н. и Новиковой Т. О., Завражина С.А. и Жуковой Н.В..

Однако их работы содержат лишь обрывочные, иногда противоречащие друг другу сведения относительно онтогенеза представлений о смерти.

Проблемой исследования является гендерные и возрастные особенности представлений о смерти в подростковом возрасте.

В качестве гипотез выступали следующие положения:

Существуют возрастные особенности представлений о смерти у лиц младшего, среднего и старшего подростковых возрастов. Уровень абстрактности в представлениях о смерти возрастает на протяжении подросткового возраста.

В переживаниях, связанных со смертью, достаточно определенно проявляется не только возрастная, но и половая дифференциация. Для девочек и мальчиков характерны свои особенности представлений о смерти.

Методы

В экспериментальной части исследования принимали участие 159 учеников 5-8 классов школ г. Перми.

Для сбора материала был использован метод формализованного самоотчета.

Школьникам было предложено написать сочинение на тему «мое представление о смерти», которое позволило выявить эмоционально-ценностное отношение подростков к категории «смерть».

Обработка результатов происходила с помощью контент-анализа, в ходе которого были выделены девять смысловых единиц - категорий.

В каждой работе проводился анализ предложений и ассоциаций, а затем их идентификация с выделенными категориями. Далее подсчитывалась частота содержательных характеристик всех выделенных категорий, выявлялось их процентное соотношение.

Результаты

Проведенный анализ показал, что смерть в представлениях подростков рассматривается как вечное явление, над которым не властен никто и которое приходит к каждому (84 % респондентов).

В то же время, велико религиозное понимание смерти (60,8 % учеников), поскольку подростки пишут, что смерть — не полное окончание жизни, а переход бессмертной души в другое состояние, в другой мир. Аналогичные результаты были получены в исследовании Исаева Д. Н. и Новиковой Т. О., по данным которых 57 % подростков определяли смерть как некое загробное существование.

Явление смерти описывается как нечто отделенное от себя, не принадлежащее их жизни. Рассуждая о смерти, 86, 7 % респондентов представляют смерть других людей (сверстников, близких, посторонних людей и т.д.), а свою смерть (43,8%) описывают, так, как будто они являются сторонними наблюдателями.

Реже смерть рассматривается подростками как «смерть близких» и «смерть я» (по 51,5 и 43,8 % соответственно).

Также в ответах респондентов появлялись и другие категории, такие как: «смерть животных» (10,6%), «смерть сверстников» (7,8%), «персонификация» (17%), «смерть посторонних» (16,8%).

Выявлено, что уровень абстрактности в представлении о смерти остается примерно одинаковым на протяжении подросткового возраста (5кл- 33,3, 6 кл. -36,5, 7 кл. -30,3% респондентов) и резко возрастает к восьмому классу (64,7%).

Для начала подросткового возраста (5-6 классы) (в сравнении с 7-8 классами) характерна большая выраженность таких категорий как: «смерть других» (18,5 и 2,9% соответственно), «персонификация смерти» (12,4 и 4%) и «религиозный аспект» (41,6 и 24%). Категории «смерть животных» и «смерть сверстников» встречаются только в 5 и 6 классах. В выраженности категорий «смерть Я» и «смерть близких» значимых возрастных различий не обнаружено.

Также нами были выявлены гендерные особенности восприятия смерти подростками. Исследование показало, что в представлениях о смерти у девочек и

мальчиков имеется сходство. Так в той и другой группе наиболее выражено отношение к смерти как к вечному явлению - у девочек - 45% , у мальчиков - 38,6%. На втором месте – религиозное понимание смерти, хотя у девочек оно более выражено - 33,3% и 27,5 соответственно. На 3-ем месте наблюдается специфика представлений. Так в группе девочек – это категории «смерть близких» и «смерть я», которые имеют примерно равное процентное соотношение (29,5 и 29,4). А у мальчиков «смерть близких» - 22,2.

В группе девочек чаще появляются категории, связанные с негативным восприятием смерти, чем у мальчиков. При сравнении групп мальчиков и девочек по наиболее выраженным категориям, то мы увидим, что девочки более абстрактны в понимании смерти, чем мальчики (категория «смерть как вечное, как конец физического существования» имеет больший процент появления в работах девочек (45 и 38,6 % соответственно)). В группе девочек (33,3 % по сравнению с 27,5 в группе мальчиков) более выражена категория «религиозный аспект», что может свидетельствовать о том, что девочки более склонны понимать под смертью отделение души от тела, при котором душа остается живой.

Также можно говорить о том, что в группе мальчиков вообще не представлена категория «смерть животных». А у 10,6% девочек эта категория проявлялась.

Литература

1. Гаврилова Т. А. (2004) Страх смерти в подростковом и юношеском возрасте // Вопросы психологии, №6 – с. 63-71
2. Завражин С.А. Жукова Н.В.(2006) Исследование отношения к жизни и смерти у подростков с нарушением интеллекта // Вопросы психологии, №2
3. Исаев Д. Н., Новикова Т. О. (2003) Нужна ли помощь подросткам в восприятии смерти // Вопросы психологии, № 3- с.110-117
4. Новикова Т.О. (2002) Запретная тема (представление детей о смерти)// Человек, №5
5. Шевнина О. (2003) Откровенный разговор// Школьный психолог, №35- с.8 и 17

«Сторонний наблюдатель» как область и ресурс развития сознания⁵

Салихова Анастасия Жэмильевна

аспирантка

Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова, Москва, Россия

E-mail: salixova@gmail.com

В свете существующих представлений о диалогичном, полифоническом характере строения сознания (Hermans Н.Ј.М.) и существовании некоторой условно «чистой» позиции внутри нашего «Я», называемой разными авторами центром осознания (Р.Ассаджиоли), экзистенциальным центром личности (Дж. Бьюдженталь), психологически пустым пространством (И.Н. Калинаускас) и пр., мы попробовали разработать методику, позволяющую эмпирически фиксировать состояния разотождествленности сознания. Мы предположили, что возможно с помощью словесной инструкции задать условия для разделения сознания на позицию наблюдателя и привычное для человека наблюдаемое «Я». Наша гипотеза состояла в том, что действие такого разделения позволит преодолеть привычный образ себя и увидеть себя в некотором новом контексте. В то же самое время возможность выхода за пределы «автоматического» образа своего «Я» и формирование отстраненной позиции наблюдения покажет двойственный характер самого сознания, которое имеет возможность выходить за свои собственные пределы, дабы увидеть себя в более

⁵ Работа выполнена при поддержке РГНФ, проект 06-06-00449а «Структура и диагностика личностного потенциала»

широком контексте происходящей ситуации. Для создания этих условий мы просили респондентов написать небольшое эссе на тему «Я смотрю на себя со стороны», делая акцент на том, что респондент должен был отнестись к себе с точки зрения стороннего наблюдателя.

В ходе пилотажных исследований нами была выделена система категорий для оценки эссе. Так, например, для сочинений с действительным разделением сознания на внешнего наблюдателя с одной стороны и субъекта, включенного в ситуацию, - с другой, были выделены следующие категории (сокращенно). *Изменение дислокации* – перемещение точки наблюдения в пространстве. *«Неизвестная известность»* – известные факты представляются как неизвестные. *Пустота точки наблюдения* – разница в состоянии Я-наблюдателя и Я-описываемого. *Готовность к другому поведению* – человек рассматривает свое поведение, поступки, манеры так, как если бы он сам привык вести себя совсем иначе. *Перебирание субъективностей* – попытки поместить себя внутрь субъективного мира знакомых или определенных типов людей и увидеть себя с их точки зрения. *«От внешнего к внутреннему»* – по внешнему наблюдению за поведением, субъект делает заключение и о внутреннем мире. *Константность дистанции* – при изменении формы изложения, например, типа местоимения, сохраняется позиция отстранения. *Дрейф стабильного* – появление сомнений и колебаний по отношению к устойчивым личностным диспозициям и причинам, их вызывающим.

Мы обнаружили, что респонденты отвечают на инструкцию четырьмя разными способами, среди которых есть характеризующие сознание как двойственное, или, наоборот, единое. В первом случае, когда сознание не разделялось на наблюдаемого субъекта и наблюдателя, респондент по привычке давал описание себя так, как будто смотрел на себя изнутри - интроспективно, тем самым подменяя тему эссе на «Я как я есть». В случае же, когда разделение происходило, респондент либо описывал свои внешние черты и способы поведения, как бы отвечая на вопрос «Как я выгляжу», либо пытался понять себя изнутри, но внешним способом, строя гипотезы о себе со стороны вынесенного вонне наблюдателя, знакомого или совсем незнакомого. Именно последний способ мы и принимаем за истинное самодистанцирование. В этом случае сознание занимает позицию нейтрального или наделенного чертами другого человека полюса активности, нового по отношению к субъекту, и дающего ресурс для переосмысления собственной жизни и своих внутренних качеств. Четвертый же способ характеризовался тем, что респондент, выходя за пределы инструкции, пытался переосмыслить саму тему сочинения, что служит показателем либо неготовности принять поставленную задачу, либо формирования тавтологической «метапозиции» - «Как я вижу со стороны возможность описать себя со стороны».

В основном исследовании приняли участие следующие группы респондентов: (1) студенты старших курсов факультета психологии МГУ и молодые специалисты-психологи ЦЭПП МЧС России (n=19, 20-25 лет); (2) подростки, приходящие на занятия в Школу Юного Психолога при факультете психологии МГУ (n=9, 15-17 лет); (3) психологи, участники мастерской по открытию экзистенциального опыта (n=14, 28-35 лет); (4) студенты МИЭМП по специальности «менеджмент» (n=49, 17-22 года); (5) студенты ИСИ по специальности «певчее дело» и студенты ИЖЛТ по специальностям «журналистика» и «литературное творчество» (n=23, 18-24 года); общим числом N=113. Эссе были даны на оценку трем независимым экспертам, оценка осуществлялась на основе разработанной инструкции. Оказалось, что экспертные оценки хорошо согласованы (в меньшей степени — по наиболее сложной категории самодистанцирования) и их можно суммировать для последующего попарного сравнения выборок по критерию Манна-Уитни.

Мы обратили внимание на то, что между психологами-студентами и психологами-экзистенциалистами, а также между подростками и менеджерами (которые наиболее близки друг к другу по возрасту), много общего как в характере ответов, так и при

сопоставлении их при помощи критерия Манна-Уитни. Поэтому мы объединили эти группы, получив в результате три основные: психологи, менеджеры с подростками – самая «молодая» группа, и «творческая» выборка. При сопоставлении результатов этих трех групп, мы обнаружили, что у психологов по сравнению с другими группами значимо более высок уровень ответов по типу самодистанцирования и внешнего наблюдения себя, а по типу интроспективного описания значимо ниже. У «творческой» выборки чаще других встречаются метаописания. Это наталкивает нас на предположение о том, что профессиональная специализация психологов формирует установку сознания на более тонкую дифференциацию своих состояний и возможность отнестись к ним отстраненно, с точки зрения внешнего наблюдателя. Такое состояние сознания, с нашей точки зрения, продуктивно, поскольку позволяет выйти из привычного круга мыслей и эмоций. Обычные описания себя, характерные для самой молодой группы, видимо, представляют собой наиболее «естественную» установку сознания. «Творческая» же группа стремится к оригинальности, что и обуславливает нестандартный подход к ответу на тему эссе.

Проведенное исследование показывает, что сознание при развитии особого навыка самодистанцирования приобретает характер двойственности и «саморазделения» на включенного в ситуацию деятеля и вынесенного за пределы текущей ситуации наблюдателя, который может по-разному относиться к происходящему благодаря ресурсу внешних точек зрения. Этот ресурс позволяет находиться в относительной независимости от существующего положения дел и ощущать свою субъектность, т.е. способность произвольно менять не только поведение, но и способ мышления и эмоционального реагирования.

Литература

Леонтьев Д.А., Салихова А.Ж.. Взгляд со стороны как предпосылка системной рефлексии. Психология – будущему России: Материалы IV Всероссийского съезда РПО (18-21 сентября 2007 г.), том II, - Москва – Ростов-на-Дону: «КРЕДО», 2007, с. 237-238.

Одиночество: экзистенциально-феноменологический взгляд

Свиридов Виталий Сергеевич

студент

Томский государственный университет, Томск, Россия

E-mail: sviridov@sibmail.com

В настоящее время вопрос об актуальности в изучении одиночества не стоит. Уже стало очевидным, что эта тема «злободневна». С нашей точки зрения, общество сейчас адресует науке (именно науке, а не искусству или религии) запрос, а наука, в свою очередь, уже достаточно созрела, чтобы дать на него достойный ответ.

Мы, однако, очень критически относимся к этому нарастающему интересу, ибо он представляется слишком стихийным – за множеством исследований, построений, классификаций, факторов и т.п. очень часто теряется сам феномен. Следовательно, цель данной работы – предложить понимание сущности переживания одиночества, основывающееся на феноменологии и на базовых условиях человеческого бытия.

Сделаем это сразу же, ибо тогда дальнейшие тезисы будут яснее: переживание одиночества – это переживание потребности (и потребность в переживании) в со-бытии, в разделении опыта бытия, «колеблющейся» между полюсами «полной неподтвержденности» и «абсолютной подтвержденности» собственного («истинного») существования человека. В первом случае существования необходимо «добавлять», «приобретать» («скажи мне, что Я есть»), во втором – «убавлять», растрчивать, дарить («скажи мне, что Ты здесь»).

К сожалению, мы не сможем здесь прояснить все используемые нами понятия, но кратко скажем: «опыт» понимается в традиционном смысле; «потребность» – как у Д.А. Леонтьева; «существование» – как Dasein; «истинное» – как подлинное, глубокое, аутентичное; «со-бытие» – как со-присутствие М. Хайдеггера; «подтверждение» – как утверждение, мыслимое как *неразрывное* с со-бытием. Сейчас мы сосредоточимся на «полюсе» неподтверждённости, ибо он является, с нашей точки зрения, гораздо более распространённым и наиболее часто «ассоциируется» с одиночеством. Однако сразу оговоримся, что на обоих «полюсах» есть необходимость разделения опыта жизни.

Теоретическое обоснование. Одно из центральных положений таково: другие люди являются необходимым (но не достаточным) условием существования человека как человека, человеческое «Я» *не существует* без человеческого «Ты», и только в интерперсональном пространстве и зарождается (М. Бубер, Н. Бердяев, Р. Кочюнас, М.И. Лисина, А. Лэнгле, Р. Мэй, П. Наторп, С.Л. Рубинштейн, Э. Фромм, М. Хайдеггер и многие другие). На самом деле, достаточно вспомнить «Детей Маугли», чтобы понять, что мы имеем в виду: они не отделяют себя от мира, у них нет сознания и самосознания (для этого “отделения”, собственно, и предназначенных), у них нет собственного «Я», они слиты со «средой». Человеческому ребёнку именно *Другие* сначала и первично «говорят» своим вниманием к нему, своим «замечанием» его, заботой о нём – «Ты есть, Ты существуешь, *это Ты*». Они утверждают его существование в этом мире, поскольку сам он пока на это неспособен. «Полюс неподтверждённости», как *одна из форм переживания одиночества*, в том и заключается, что «теряется» именно *это* базовое знание, имена *эта* «изначальная» уверенность – существование начинает блёкнуть, оно ускользает, становится едва ощутимым, бледным, бесплотным и начинает казаться, что то, что осталось – всего лишь бестелесный призрак. При этом *парадоксальным образом*, в одиночестве оказывается слишком много самого себя, “только” себя человек и переживает (реального или иллюзорного) («Одиночество – это когда человек переживает себя больше, чем окружающее» (И. Хакамада)).

Об одиночестве как потребности в со-бытии, в разделении опыта бытия говорил Ю.Л. Красин [1]. А.У. Хараш [4] писал, что человек, жалующийся на одиночество, жалуется как раз на ощущение неподтверждённости своего бытия (но сам Хараш, при этом, одиночество «неподтверждённости» не называл). Также идеи А. Лэнгле [2] о Person, нарциссизме, само-оценивании, бытии самим собой и т.д., хоть и «предполагают» другие понятия, по смыслу чрезвычайно схожи. О «подтверждённости» и «существовании» в контексте одиночества “вскользь” говорят также Б. Миускович, С. Мураяма, У.А. Садлер и Т.Б. Джонсон, И. Ялом и другие.

Таким образом, наша «методология» соотносится как с зарубежными, так и с отечественными авторами. Эмпирическое же обоснование защищаемых тезисов заключается в опоре на *феноменологический метод* и *метод самонаблюдения*, данные которых согласуются между собой. Исследуя феномены уединения и одиночества мы формулировали их смыслы, но здесь хотим лишь процитировать яркий момент из рефлексивного текста одной из наших респонденток: «...отлично помню ощущение какой-то чуть ли не мистической отдалённости, отстраненности от окружающего мира. Вокруг что-то движется... люди ходят взад-вперед – и все это мимо меня, даже, пожалуй, как-то *вне* [курсив не наш] меня... в другом пространстве, что ли... довольно явственное и мучительное ощущение. Я все вижу, но при этом ничто и никто из этого не может стать моим, близким мне, ничего нельзя ощутить в полной мере... Будто я здесь только отчасти. Будто все покрыто тонкой непроницаемой пленкой... или я сама». Респондентка совсем даже не в Мире, и даже не соприкасается с ним – она *вне* его, отдалёна, отстранёна, ничего не может проникнуть *внутрь* и разделить и обновить пространство её жизненного мира; мир ускользает, *скользит по поверхности* её существа, на захватывая его не то что целиком, но даже достаточно сильно, чтобы можно было почувствовать своё *присутствие* в нём (Мире). Такая *полная*

«исключённость» собственного присутствия из «окружающего» мира есть *невозможность со-бытийствовать*.

Теперь скажем несколько слов о втором «полюсе», ибо «данных» о нём у нас пока совсем немного. Как минимум, такая *форма переживания* одиночества встречается *реже*, т.к. для неё необходимо умение подтверждать собственное существование без других людей, т.е. в достаточной степени разделять опыт своего бытия с чем-то (кем-то) другим. Наиболее ярко она проявляется, на наш взгляд, в моменты сильных, прекрасных, возвышающих, радостных переживаний (к примеру, эстетических), но переживаемых «в одиночку». Тогда «подтверждать» своё бытие совершенно не нужно – оно и так подтверждено в избытке, в великом изобилии, жизнь струится и бьёт ключом, но... всё это оказывается не с кем разделить. И человек мечтал бы растратить, подарить всё это кому-либо, но не может. Дж. Рэлф Оди, к примеру, описывал это так: «...я отчётливо помню, как несколько раз, натолкнувшись на захватывающую дух сцену, или поразительное существо, или растение, или даже на идею, я вдруг ощущал сильную потребность, чтобы кто-то оказался рядом, и испытал те же чувства...» [3. С. 132]. В наших терминах – со-бытийствовал; чтобы было пространство «Между» (в терминах М. Бубера), ведь «быть вместе» – значит быть *в том же самом мире* (Р. Мэй).

В заключении скажем, что защищаемое понимание сути переживания одиночества не только не противоречит существующим теориям и концепциям одиночества, но имеет все «предпосылки» стать для них системообразующим основанием для построения целостной и внутренне взаимодополнительной «картины» одиночества.

Литература:

1. Красин Ю.Л. Феноменология одиночества: к проблеме определения явления // Психологический универсум образования человека ноэтического: сборник статей – Томск: Водолей, 1999. – 384 с., С. 271-280.
2. Лэнгле А. Person: Экзистенциально-аналитическая теория личности: Сборник статей: пер. с нем., вступ. стат. С.В. Кривцовой. – М. : Генезис, 2006. – 159 с.
3. Оди Дж. Р. Человек – существо одинокое: биологические корни одиночества / Лабиринты одиночества: пер., сост., ред. Н. Е. Покровского. – М., 1989. – С. 129-151.
4. Хараш А.У. Психология одиночества // Институт осознанности [Электронный ресурс] / Режим доступа: <http://v104.pochta.ru/raznoe.htm>, свободный.

Психологические аспекты философских концепций времени Античности

Сотников Владислав Андреевич

студент

Курский государственный медицинский университет, Курск, Россия

E-mail: lifastraton@yandex.ru

Селин Александр Владимирович

аспирант

Курский государственный медицинский университет, Курск, Россия

E-mail: selin_psy_alex@mail.ru

Проблема жизненного пути личности в истории развития научного знания изначально выступает как сложная и не имеющая своего однозначного решения. Выступая во взаимосвязи с такими, в первую очередь психологическими, вопросами как смысл жизни, переживание и восприятие времени, и философскими вопросами изучения времени, бытия человека, данная проблематика находила и продолжает находить отклики в работах философов и психологов, выражаясь в различных, порой противоречивых концепциях.

Тип рациональности присущий современному человеку, изначально возникающий в период античности имел под собой донаучные, в большей степени мистические основания в первобытном мышлении. Как указывает Л.В.Сохань, «...переживание жизни имело место во все исторические эпохи. Это не значит, что древние чувствовали так же, как мы, что для них аналогичные события жизненного пути значат то же самое, что и для нас. Но сам момент переживаемости жизни, её субъективной личностной краски был присущ индивидууму уже в первобытном обществе». Но именно в древней Греции возникает западный тип мышления, та основа как обыденного, так и научного знания, которая лежит в основе современных типов рациональности.

Ценной метафорой для понимания того, что представляет собой жизненный путь как изменяющаяся реальность является мысль Гераклита «Нельзя войти в одну и ту же реку дважды и нельзя тронуть дважды нечто смертное в том же состоянии, но, по причине неудержимости и быстроты изменения, все рассеивается и собирается, приходит и уходит» или «Мы входим и не входим в одну и ту же реку, мы те же самые и не те же самые». Изменчивость мира и человека в мире, вот основная идея актуальная и до настоящего времени применительно к проблеме жизненного пути личности, ибо жизненный путь не есть биография, что-то застывшее, стабильное, на что указывали такие психологи как С.Л.Рубинштейн и А.Н.Леонтьев.

Аристотель рассматривает время в сопоставлении его с другими сторонами бытия, и «бытие во времени, по Аристотелю, означает одно из трех: 1. быть измеряемым временем; 2. быть частью времени; 3. быть временным. Также уже у Аристотеля мы отмечаем проблему связи времени и бытия человека, а также конечности бытия. Применительно к человеку, проблеме его бытия, а следовательно и жизненного пути, идею Аристотеля можно трактовать как понимание того, что жизнь человека как движение, имеющее начало и конец измеряется временем и изменяется во времени, но к счету времени не сводится. В контексте понимания времени жизненного пути, как условно делимого на прошлое, настоящее и будущее интересным является понимание Аристотелем парадокса времени, где вскрывается понимание жизни человека, которую конечно можно попытаться представить как череду сменяющихся «теперь», а можно представить как смену этапов, одним из которых будет являться настоящее, включающее в себя как личное прошлое, так и настоящее. В психологии до настоящего времени остается открытым вопрос о реальности времен: прошлого, настоящего и будущего. Проблема о реальности настоящего момента, в соотношении с прошлым и будущим достаточно подробно рассмотрена в работах Августина Аврелия, но встречается уже в концепции вечности и времени Плотина.

Если Аристотель считал, что время не может существовать без «измеряющей его души», то Плотин говорит об объективном существовании времени: «...оно существует как измеримая величина независимо от того, измеряет ли его кто-нибудь или нет. Но если кто-либо, несмотря на это, будет считать душу субъектом, пользующимся величиной как средством измерения, то какое значение может иметь это для понятия времени?».

Свою концепцию времени Плотин устанавливает на фундаментальную идею Платона о том, что время это движущееся подобие вечности. Ключевым понятием является идея о мировой душе - связующем звене между сверхчувственным умопостигаемым миром, существующим в вечности, и чувственным миром природы, являющимся подобием умопостигаемого мира и находящемся в непрерывном изменении. Плотин считает, что наиболее правильным будет дать определение времени как «...жизнь души, которая в процессе движения переходит от одного проявления жизни к другому». Такое определение времени позволяет решить многие назревшие в других концепциях античности противоречия, например не «время есть мера движения», а «движение измеряется временем». В таком случае мерой времени будет промежуток,

отмеренный определенным чувственным движением; и эта мера, своей сущности будет отлична от самого этого движения, поскольку время является жизнью (движением) мировой души, а не движением чувственного мира. Время как жизнь мировой души обладает самостоятельной природой, оно является элементом, в котором другой элемент равномерно движется или пребывает в ненарушимом покое. И этот последний элемент может служить только сферой проявления времени, но не его источником. Идеи Плотина наиболее полно воплотились в экзистенциально-психологических концепциях, отражающих определенную надвременность и сверхчувственность человеческого бытия, активной реализации жизни в социальном пространстве и времени.

Концепция времени у Августина Аврелия глубоко психологична, на что указывают многие исследователи (Трубников Н.Н., Рассел Б., и др.). Время не существует само по себе, оно относительно, Августин считает, что время существует лишь в бытии вещей, являясь мерой их продолжительности, а прошлое, настоящее и будущее рассматривается в контексте понимания вечности. В своей душе человек находит основания для различения прошлого, настоящего и будущего в формах, которые соответствуют формы восприятия действительности и предполагаются формы деятельности: «только в мышлении («в нашей душе») мы находим основание для различения прошлого, настоящего и будущего. Концепция Августина дает нам богатый материал для психологического анализа в первую очередь в силу своей психологичности и относительного понимания времени. Восприятие мира и осуществления себя в нем, через понимание времени, мыслится Августином как единство прошлого и будущего в настоящем, и что самое важное признается первичность души, сейчас мы можем сказать личности, в организации такого восприятия и реализации, что своего рода субъектность, начало психологии активного индивида, строящего свою жизнь и деятельность.

Обращение психологии к философскому наследию Античности не случайно и вызвано не данью моде на историко-философский анализ, а направлено на постижение начал рациональности формирования современных идей. Философские идеи души и времени дают богатый теоретико-методологический материал для построения адекватной современному пониманию психической реальности концепции жизненного пути личности.

Профильные различия в предубеждениях по отношению к представителям стигматизированных групп

Смирнова Юлия Сергеевна

молодой ученый

Белорусский государственный университет, Минск, Беларусь

E-mail: smiry@bsu.by

Проблема предубеждений является объектом многочисленных социально-психологических исследований. Целью нашего исследования стало изучение предубеждений в отношении представителей стигматизированных групп. Под «стигматизированной группой» мы понимаем объединение людей на основе общего признака – стигмы. Стигма представляет собой атрибут (или знак такового), дискредитирующий человека перед окружающими, выдающий какое-то «отрицательное» свойство, как, например, психическое заболевание, инвалидность, телесное уродство, злоупотребление алкоголем, тюремное заключение и прочее [3]. Стигма наделяет индивида статусом неполноценного, ее обладателю приписывается целый ряд недостатков [2], обуславливающих его восприятие в качестве ненормального, специфического, нетрадиционного, особенного, «не такого», человека «другой природы». Негативными последствиями предубеждений и стигматизации могут стать конфликты и непонимание, дискриминация и социальная изоляция, подозрительность и

недоверие стигматизируемых к окружающим, трудности в установлении социальных контактов, низкая самооценка, негативная социальная идентичность, наученная беспомощность, чувство стыда, депрессия, пессимистический атрибутивный стиль, низкий уровень достижений, вторичная девиация. Сказанное позволяет сделать вывод об актуальности исследований в данной проблемной области.

Нами изучались предубеждения по отношению к следующим стигматизированным группам: «алкоголики», «больные СПИДом», «бомжи», «гомосексуалисты», «инвалиды», «наркоманы», «нищие, просящие милостыню», «преступники», «проститутки», «психически больные». Метод исследования – опрос в форме шкалирования. В опросе принимали участие студенты (на заключительном этапе исследования – 171 человек, среди которых 47,4% женщин и 52,6% мужчин), обучающиеся естественным и техническим (57,1%), а также гуманитарным (42,9%) наукам (далее по тексту «естественники» и «гуманитарии» соответственно).

Для статистической обработки полученных данных использовался факторный анализ. Было выделено восемь факторов, собственное значение которых выше единицы: 1) «конвенциональная оценка» характеризует валентность отношения к объекту и его оценку с позиции соответствия общепринятым стандартам поведения, нормам морали и права, а также возможности причинения ущерба обществу; 2) «неблагополучие» характеризует социальное положение объекта и отражает его психическое состояние; 3) «отклонение» представляет собой измерение, характеризующее наличие или отсутствие психических нарушений; 4) «невозможность улучшений» представляет собой измерение, отражающее бесперспективность и обреченность, отсутствие надежды на лучшее и возможности положительной динамики; 5) «пассивность» определяет степень выраженности таких характеристик как бездействие, лень, безответственность; 6) «локализация контроля» представляет собой измерение, определяющее вину и ответственность за обладание стигмой, за возникновение и сохранение неблагоприятного положения; 7) «оценка потребности в помощи» – измерение, определяющее, насколько стигматизированные субъекты нуждаются в помощи и вызывают желание им ее оказать; 8) «иждивенчество» как стремление к легкой жизни за счет других.

Для установления профильных различий в предубеждениях были сопоставлены факторные значения, полученные в группах «естественников» и «гуманитариев». Статистическая процедура состояла в создании таблиц сопряженности и выявлении различий в распределении признака с применением теста χ^2 (критерий К. Пирсона).

Были получены следующие результаты. «Естественники» и «гуманитарии» сходны в своих «конвенциональных оценках» представителей стигматизированных групп. Различия являются статистически достоверными только для категории «проститутки», оценки которой несколько более категоричны у «гуманитариев» ($p=0,011$). По фактору «неблагополучие» оценки расходятся для категорий «алкоголики» ($p=0,013$), «наркоманы» ($p=0,038$), «нищие, просящие милостыню» ($p=0,046$) и «психически больные» ($p<0,001$). «Гуманитарии» по сравнению с «естественниками» оценивают положение данных категорий как более «неблагополучное». Оценки «невозможности улучшений» для категории «наркоманов» у «естественников» разошлись, «гуманитарии» более склонны давать средние оценки по данному фактору ($p=0,012$). По фактору «локализация контроля» статистически достоверны различия для категории «алкоголики» ($p=0,004$): «естественники» более склонны к интернальной атрибуции, т.е. вина и ответственность за обладание стигмой возлагается на самих стигматизируемых. По остальным факторам статистически достоверных различий не обнаружено.

Нам представляется, что основное различие между «гуманитариями» и «естественниками» состоит в том, что первые оценивают положение стигматизированных групп как более неблагоприятное. Однако этот факт не влияет на «конвенциональную оценку» данных категорий и не улучшает отношение к ним, т.е. и «гуманитарии» и «естественники» относятся к представителям стигматизированных

групп одинаково негативно или позитивно (за исключением отношения к представителям категории «проститутки»). Выявленное различие, вероятно, обусловлено содержанием и направленностью профессионального обучения. На гуманитарных факультетах больше внимания уделяется изучению предметов, ориентированных на решение социальных проблем, соответственно последние для «гуманитариев» более очевидны. Полученные нами результаты позволяют сделать предположение о различиях в предубеждениях в зависимости от типа профессии субъекта. Мы допускаем, что представители различных типов профессий будут одинаково предубеждены в отношении к представителям стигматизированных групп, хотя неблагополучие последних будет более очевидным для тех, кто в силу своей профессиональной деятельности знаком с их проблемами. Наше допущение не базируется на эмпирических данных и, безусловно, требует дополнительной проверки. Тем не менее, некоторые факты, описанные в научной литературе, на наш взгляд, свидетельствуют в поддержку его справедливости. Так, отмечается, что «психически больные» становятся жертвами предубеждений и стигматизации не только со стороны общества, но также и со стороны лиц, призванных оказывать им различные виды профессиональной помощи (врачей общей практики, психиатров, социальных работников и др.) [1, 2]. Последние, несмотря на свои профессиональные знания, могут оказаться не менее предубежденными, нежели те, кто такими знаниями не обладает.

Таким образом, существуют профильные различия в предубеждениях по отношению к представителям стигматизированных меньшинств, наиболее общим из которых является следующее: «гуманитарии» более высоко оценивают «неблагополучие» данных категорий по сравнению с «естественниками», что, вероятно, связано с содержанием и направленностью их профессионального обучения.

Литература

1. Гурович И.Я., Кирьянова Е.М. О программе борьбы со стигмой, связанной с шизофренией// Социальная и клиническая психиатрия. – М., 1999. – № 3. – С. 5 – 8.
2. Финзен А. Психоз и стигма. М.: Алетейа, 2001.
3. Goffman E. Stigma: Notes on the management of spoiled identity. Harmondsworth, 1986.

Особенности пространственно-временной организации психических состояний в различных временных форматах (минутном, часовом, суточном).

Степанова Светлана Маратовна

студентка

*Филиал Казанского государственного университета им. В.И.Ульянова-Ленина,
Набережные Челны, Татарстан, Россия*

E-mail: Sheilla2@yandex.ru

Психические состояния, наряду с процессами и свойствами относятся к основным категориям психических явлений. В общепсихологическом аспекте психические состояния, как категория, недостаточно изучены: не определены взаимоотношения психического состояния с психическими процессами и свойствами. Не изучены место, роль и функции состояний в целостном психическом; динамические особенности; влияние личностных характеристик, а также пространственно-временная организация.

Пространство – есть форма координации сосуществующих объектов, состояний материи. Явления характеризуются длительностью существования, последовательностью этапов развития. Процессы совершаются либо одновременно, либо один раньше или позже другого. Все это означает, что тела существуют и движутся во времени. Время – это форма координации сменяющихся объектов и их состояний. Оно заключается в том, что каждое состояние представляет собой последовательное звено процесса и находится в определенных количественных отношениях с другими состояниями.

Цель исследования: выявить особенности пространственно-временной организации психических состояний в различных временных форматах (минутном, часовом, суточном).

Исследование проводилось среди студентов IV - V курсов филиала Казанского государственного университета города Набережные Челны. В эксперименте принимало участие 86 человек. Были использованы следующие методы исследования:

анализ научно-популярной и методической литературы;

психодиагностический метод;

анкетирование;

математико-статистический метод обработки данных.

Вся работа проведена в шесть этапов.

На первом этапе проводился анализ научно-методической литературы и осуществлялся выбор диагностического материала. В результате этого выбрана методика «Рельеф психического состояния» (Прохоров А.О.) и разработана специальная анкета на определение психического состояния в разные временные форматы.

На втором этапе проводилось исследование среди студентов IV - V курсов в возрасте 21-22 лет. Им предоставлялся бланк с 40 показателями, где они оценивали свое состояние по специальной шкале: отдельно для минутного, часового, суточного ритмов.

На третьем этапе определялся выбор наиболее типичных психических состояний в различные временные форматы.

На четвертом этапе проводился корреляционный анализ 40 основных характеристик психических состояний методики «Рельеф психических состояний» по коэффициенту корреляции Пирсона в минутный, часовой, суточный ритмы.

На пятом этапе изучалась взаимосвязь психических состояний между собой по коэффициенту корреляции Пирсона в различные временные форматы.

На шестом этапе выявлялись особенности пространственно-временной организации психических состояний.

Таким образом, мы можем сказать, что:

При сравнении психических состояний в различные временные форматы мы установили, что состояние сонливости больше всего осознается в данный момент времени, а затем постепенно в течение дня ослабевает. При этом увеличивается процент учащихся, которые к концу дня испытывают состояние усталости, но в данный момент времени они ее не ощущают. Состояние радости осознается испытуемыми в течение какого-то определенного времени, также как и состояние печали. Состояние спокойствия испытуемые осознают как в данный момент, так и в течение всего дня.

Большую взаимосвязь имеют следующие показатели:

минутный диапазон времени: психические процессы (представление, речь, воля); физиологические реакции (мышечный тонус), шкала переживаний (пассивность-активность, тяжесть - легкость), шкала поведения.

часовой диапазон времени: психические процессы (почти все процессы взаимосвязаны), физиологические реакции (мышечный тонус, координация движений, органы дыхания), шкала переживаний (легкость и раскованность), поведение (целеустремленность и контроль).

суточный диапазон времени: психические процессы (представление и воля), физиологические реакции (мышечный тонус, сердечно-сосудистая система, органы дыхания), поведение (пассивность – активность).

Малую взаимосвязь показали:

минутный ритм: психические процессы (ощущение), физиологические реакции (желудочно-кишечный тракт, состояние слизистой оболочки полости рта), шкала переживаний (тоскливость - веселость).

часовой диапазон времени: физиологические реакции (желудочно-кишечный тракт и окраска кожных покровов).

суточный диапазон времени: физиологические реакции (желудочно-кишечный тракт), шкала переживаний (веселость, оптимистичность).

4. При анализе временных ритмов по коэффициенту корреляции Пирсона, взаимосвязь наблюдается между часовым и суточным ритмом ($P \leq 0,01$). Минутный ритм не коррелирует ни с часовым, ни с суточными ритмами. Можно сделать вывод о том, что те состояния, которые мы испытываем в данный промежуток времени, не проявятся в течение часа или дня. Но те психические состояния, которые мы испытали, осознали и восприняли в течение часа, влияют на поведение человека в течение всего дня и могут иметь как положительное, так и отрицательное воздействие.

В результате проведенного исследования мы выявили ряд особенностей пространственно-временной организации психических состояний.

Первая особенность заключается в том, что состояния, переживаемые нами на данный момент не сказываются на дальнейшем их развитии в течение дня. Состояния же, испытываемые нами в течение часа, явно сказываются на нашем состоянии в течение всего дня.

Вторая особенность заключается в том, что наши психические состояния изменяются в течение всего дня, усиливаясь и ослабевая.

Третья особенность заключается в том, что психические процессы оказывают влияние на поведение, действия, поступки и способствуют получению какого – либо результата.

Четвертая особенность выражена тем, что ощущения со стороны желудочно – кишечного тракта связаны с процессами представления, восприятия и речи, а также с поведением. Ощущая запах пищи, представляя ее и говоря о пище, у нас проявляется соответствующая физиологическая реакция и поведение соответственно.

Пятая особенность заключается в том, что психические состояния и переживания влияют на поведение человека.

В дальнейшем мы планируем изучать влияние личностных характеристик на особенности пространственно-временной организации психических состояний.

Восприятие Другого в условиях личного субъект-субъектного общения

Ходор Геннадий Николаевич

студент

Брестский государственный университета имени А. С. Пушкина

E-mail: kevolech2008@rambler.ru

Вопрос об изучении сферы не просто дружеских отношений, товарищества, а той самой редкой "настоящей" дружбы еще и начале 21 века остается открытым. То же общее определение дружбы большинством словарей (2): "устойчивые, долговременные отношения, основанные на взаимной привязанности, духовной близости, общности интересов" называет самые распространенные близкие позитивные отношения личного характера, тем самым, обходя молчанием возможно высокую (или одну из высших) форму человеческого взаимодействия и общежития - феномен межличностного общения (МО). Трудность в определении этого феномена еще сравнительно маленьким опытом научного изучения (речь идет не о философском познании МО в письменной истории). Психология дружбы возникла в конце 19 века и до середины 20 века представляла собой частные эмпирические работы (вопросы общего характера) не имеющих серьезной теоретической базы интерпретации и исследования внутренних связей и механизмов МО. Аналитический период психологии дружбы (с конца 50-х гг.20в) был связан с появлением новых школ и направлений в психологии (когнитивная, эго-психология, бихевиоризм и др.) и использованием их теоретических положений. Но учет делался на факторы межличностной аттракции, привлекательности, преобладание того или иного

мотива(3). Еще бытовало убеждение, что дружба (как и любовь) - предмет художественной литературы, искусства, нежели каких-либо гуманитарных наук. Вначале 80-х гг. стало ясно, что исследование отдельных установок, потребностей мешают разглядеть сущность личностного общения. Так в 1980г вышла книга еще советского психолога И.С. Кона "Дружба", в которой автор не только объясняет дружбу как особый вид личных отношений, но и обосновывает возможность социально-психологического исследования и объяснения феномена МО. Всего чуть больше десятилетия, как последнее получило достаточно всеобщее научное признание. Однако подобные работы и у нас, и за рубежом редки и по сравнению с работами, например. По феномену любви составляют ничтожный процент.

Очевидно, что изучение фундаментальных отличительных компонентов и механизмов дружбы дает и может дать неоценимые факты для понимания жизненного мира и смысла жизни личности. Но здесь психологическая мысль бросается то в сторону межличностной аттракции, то обращается к нравственным законам, моральному содержанию (вновь оставляя это дело философии).

Логично ли помещать дружбу между симпатией и любовью (1), если последние могут быть односторонними, а дружба - только обоюдной. А моральное содержание дружбы тем и интересно в отдельности, что в немалой доле создается самими друзьями в зависимости от уровня их социализации. Для подтверждения этой гипотезы пришлось поискать ответ на вопрос какое отношение можно назвать личностным. Ведь не всякое отношение двух людей, т. к. часто один не воспринимает другого как реальную личность или личность вообще – личностное. Причем уже давно очевидно, что известные концепции теорий личности (Фрейд, Юнг, Адлер, Эриксон, Маслоу и др.) не могут продемонстрировать механизмы и факторы личностного взаимодействия (дружбы). Анализ феномена в антропосоциогенезе (3) (интерпретация мифов и исторических текстов) говорит о появлении личности давно - 3 тысячи лет до н. э (по письменным свидетельствам). И главное, что ее выделяет в историческом процессе – это решающая роль самосознания в МО – и как механизма рефлексии (и как фактора восприятия). Сущность этого механизма наглядно объясняет возрастная психология. Известно, что самосознание в становлении личности (персоногенезе) развивается с младенческого возраста (7), но становится возможным для человека лишь с формированием Я-образа (Я-концепции) в подростковом - юношеском возрасте и открытии своего Я (4). Одно из главных новообразований – преодоление собственного эгоцентризма в восприятии другой личности и понимании такой же субъективности партнера по отношению к предмету общения во взаимопонимании. Логично, что эту трудоемкую способность человек применяет не всегда и не ко всем. Но в понимании дружбы именно этот компонент и механизм выделяется как ключевой.

Чтобы убедиться в высказанных особенностях МО, мы провели небольшое исследование методом письменного опроса (сочинение). Выборка составляла 30 человек – подростковой и юношеской групп (по 15 человек). Первая группа (14-16 лет) на базе учеников 9-10 классов Ореховской СШ Малоритского района Брестской области. Вторая - студенческая группа (17-22 года) на базе студентов 1-4 курсов исторического факультета БрГУ им. А.С.Пушкина. Опрос проводился в течение учебного 2006-2007 года. Вопросы "Что такое дружба, или какие отношения вы можете назвать дружбой? Кто такой настоящий друг?" ставились для выявления наиболее реалистичного и искреннего отношения учащегося к дружбе. Метод анализа текстов - контент-анализ – выделение в тексте всех смысловых единиц (критериев), характеризующих дружбу – был нами использован. Одна из таких единиц - равнозначное, субъект-субъектное (S-S) восприятие друг друга. Для подростковой группы процент S-S-ти в восприятии составил всего 7% от общих смысловых критериев, для юношеской группы - 11%.

Иначе говоря, только 1/10 часть указывает на необходимость S-S-го, т.е. равноправного восприятия друг друга. Еще на меньшую цифру можно надеяться при отыскании феномена не в воображаемых, а реалистических отношениях. Феномен дружбы, таким образом, кроме общепринятых категорий направленностей личностей (8), общего генерирующего пространства (3) (взаимное доверие, открытость, честность, непосредственность и т.д.), общности интересов и морально-мировоззренческих систем, привязанности, связанная с удовлетворении коммуникативных потребностей друг в друге, подразумевает S-S-e, равнозначное восприятие Другого во всех сферах проявления личности. Последнее редко встречается в других видах отношений, особенно подростковом и юношеском возрастах, которые являются максимально чувствительными по отношению к исследуемому феномену, который еще предстоит изучить.

Литература:

1. Андреева, Г.М. 'Социальная психология'. – М., 2002.
2. Большой психологический словарь/ Б.Г.Мещерякова, В.П.Зинченко.– СПб., 2005.
3. Кон, И.С. "Дружба". – М., 1987.
4. Кон, И.С. "Открытие "Я". – М., 1978.
5. Куницына, В.Н. "Межличностное общение". – СПб., 2001.
6. Нартова-Богавер, С. "Психология личности и межличностного общения". – М., 2001.
7. Обухова, Л.Ф. "Возрастная психология". – М., 2004.
8. Петровский, А.В., Ярошевский, М.Г. "Психология". – М., 2005.

Роль поэтической формы в восприятии художественных произведений

Чуча Олеся Леонидовна

аспирантка

Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова, Москва, Россия

E-mail: kerik_01@mail.ru

В современном мире мы сталкиваемся с огромным многообразием течений и направлений в искусстве. XX век становится переломным при переходе от «классических» произведений к «постнеклассическим»: например, в поэзии появляются верлибры – свободные стихотворения, в которых отсутствует и привычная рифма, и метрический ритм.

Актуальным становится вопрос о роли поэзии в современном обществе. Отдавая предпочтение прозе, читатели обосновывают это тем, что проза представляет больше возможностей для автора в передаче своих мыслей, идей. Она более информативна, проста и понятна, более сюжетна, чем поэзия, которая существует скорее для наслаждения красотой формы, передает эмоциональный заряд, чувства, но форма при этом может закрывать содержание и усложнять переданный смысл. Поэзия требует особого настроя и чаще вызывает непонимание. Получается так, что поэзия, которая в процессе развития художественного произведения представляется более простой по сравнению с прозой, поскольку имеет выразительным средством поэтический ритм, помогающий передаче смыслов (Ю.М. Лотман, А.Н. Леонтьев), среди читателей становится очень сложным для понимания текстом, где ритм, форма – могут мешать.

В связи с этим, основной задачей исследования выступало выделение внутренних критериев читателей, по которым тот или иной текст относится к категории прозы или поэзии, аспектов формы, являющихся важными для определения текста как поэтического, и значимость этих критериев при восприятии художественных произведений.

Методика. В качестве возможных аспектов поэтической формы мы выделили следующие: разделение текста на строки, метрический ритм, рифма, а также ритм концевых пауз, наличие цезур, разноstopность, похожесть строф. Испытуемым предъявлялось три задания. Применялась методика «экспериментальной деформации» текста (Е.П. Крупник). Эта методика заключается в последовательном «разрушении» художественного произведения таким образом, чтобы величина разрушения была известна. При этом регистрируется изменение возможности опознавания текста в зависимости от степени разрушения (в нашем исследовании – отнесение текста к категории прозы или поэзии). «Разрушение» в нашем исследовании затрагивало только ритмическую схему, сохраняя словесное содержание нетронутым. В задании 1 и 2 варьировались по 2 переменные, поэтому в каждом задании было представлено 4 текста. В задании 1 мы сравнивали влияние формы написания текста и метрического ритма, в задании 2 – влияние метрического ритма и рифмы. В задании 3 предъявлялось 7 разных текстов, каждый из которых содержал разную насыщенность ритмическими компонентами. Предъявленные тексты в каждом задании испытуемые размещали на шкале «проза – поэзия» по степени близости к той или иной категории (градации шкал не указывались). Предлагалось также выбрать текст, наиболее представляющий замысел автора, и обосновать свое решение. В задании 3 дополнительно предлагалось оценить каждый текст по степени предпочтения самим читателем.

При составлении заданий 1 и 2 учитывалось возможное влияние последовательности предъявления текстов, поэтому было составлено 4 типа заданий (схема сбалансированного латинского квадрата).

Для каждого задания была составлена гипотетическая последовательность расположения текстов на шкале, которая потом сопоставлялась с полученной экспериментальным путем последовательностью.

В исследовании приняло участие 62 человека в возрастной категории от 18 до 50 лет, 23 мужчины и 39 женщин, образование: техническое (17,7%), гуманитарное (41,9%) и естественнонаучное (40,3%). Использовались отрывки из произведений: А.Блок «Песнь Ада», «Ночная фиалка», «Когда вы стоите на моем пути...», М.Лермонтов «Демон», «Дума», А.Пушкин «Полтава», М.Цветаева «Ты, меня любивший...», Е.Винокуров «Моими глазами», Н.Заболоцкий «Завещание».

Результаты. Метрический ритм и форма: большинство испытуемых считают наиболее выраженным признаком поэтичности метрический ритм. Текст, имеющий только форму стихотворения, чаще относится к прозе. Но 20% наших испытуемых при ответе на это задание ориентировались в первую очередь на форму написания. Как правило, это было связано с небольшим опытом знакомства с поэзией (стихотворения не очень нравятся и читаются либо редко, либо не читаются вовсе).

Метрический ритм и рифма (все тексты написаны по форме прозы, без разделения на строки). Более важным признаком поэтичности был признан метрический ритм. Рифма не несет самостоятельной поэтической нагрузки, если нет других ритмов, но помогает однозначно отнести текст к поэтическому, даже если присутствующий метрический размер нарушается или присутствует только в части текста. Четкий метрический ритм без рифм (признаки белого стиха) имеет более самостоятельное значение.

Насыщенность ритмическими компонентами. Среди предложенных 7 текстов можно четко выделить две группы: верлибры (ритм концевых пауз, повторяемость ударных слогов, которая не создает четкого метрического ритма, либо присутствие только метрического ритма, который меняется от строки к строке) и более классические примеры поэтических текстов (метрический ритм, рифма, количество слогов, цезуры, ритм концевых и внутренних пауз). При этом текст М.Цветаевой оказался неоднозначным при определении его места в последовательности. Одни испытуемые оценивали его как очень поэтичный, сильный, с четким ритмом, признавая в нем «эталон» стихотворения, другие же напротив относили его к более прозаическим, обосновывая это тем, что ритм в нем сбивчивый и есть резкие переносы. Если посмотреть на это стихотворение, его ритмическую структуру, то эта противоречивость заложена в самом тексте автором, что создает определенную напряженность и резкость текста.

Отношение к верлибрам, новому направлению в стихосложении XX века, остается очень неоднозначным. Читатель, воспитанный на рифмах и классических произведениях (изучение поэзии только в рамках школьной программы), чаще всего относит эти тексты либо к прозе, либо к неудачной попытке автора написать стихотворение. Более богатый опыт общения с разными поэтическими произведениями позволяет уловить ритмические схемы другого уровня, особую поэтичность этих текстов.

Результаты исследования свидетельствуют о важной роли формы в восприятии и понимании поэтических текстов, а также о роли читательского опыта при встрече с новыми направлениями в художественном творчестве. Читательский опыт открывает двери в насыщенное смысловое пространство текстов, позволяя выполнять им свою функцию трансляции смыслов, а не только наслаждения красотой.

Литература.

1. Крупник Е.П. Психологическое воздействие искусства на личность. М.: Институт психологии РАН, 1999.
2. Леонтьев А.Н. О психологической функции искусства (гипотеза)// Художественное творчество и психология. М., 1991б, с. 184-187.
3. Лотман Ю.М. Лекции по структуральной поэтике // Ученые записки Тартуского университета. Труды по знаковым системам. Тарту, 1964. Вып. 160.
4. Эткин Е.Г. Проза о стихах. СПб: Знание, 2001.

Значимые отношения личности как фактор обращения к Интернет-коммуникации

Чучкова Галина Сергеевна

молодой ученый

Алтайский государственный университет, Барнаул, Россия

E-mail: interwelt@mail.ru

Одной из отличительных черт современной ситуации социокультурного развития является стремительное развитие и тотальное вовлечение в повседневную жизнь человека новых коммуникационных технологий, среди которых особое место занимает «всемирная сеть» - Интернет. По данным ФОМ число пользователей Интернет в России на данный момент составляет около 29 миллионов человек (25% всего населения страны) и продолжает увеличиваться [1]. На практике это означает не только глобализацию и интенсификацию информационных и бизнес-процессов, ускорение темпов социальной жизни в целом, но и трансформацию свойств самого субъекта «виртуального» общения. Очевидно, что изучение данного процесса представляет собой самостоятельную научную проблему. При этом осуществление необходимого анализа последствий влияния на личность опыта Интернет-коммуникации вне опасности односторонне-негативной трактовки данного процесса как деструктивного невозможно без изучения как технически обусловленной специфики опосредованного компьютером общения, так и смысловых детерминант обращения субъекта к межличностному взаимодействию в виртуальной среде.

Характеристики межличностного взаимодействия в Сети, отличающие его от «естественных» контактов, определяются техническими ограничениями, изменяющими привычные параметры коммуникативного пространства. Традиционно к их числу относят невидимость собеседников (в большинстве случаев), возможность анонимного общения, преимущественно текстовый формат сообщений, преодоление пространственной разнесенности, изменение привычных временных циклов, безопасность, высокий уровень контроля над ситуацией. В большинстве научных публикаций перечисленные черты рассматриваются как автономные свойства виртуальной реальности – вне учета «человеческого» фактора, то есть мотивационно-смысловых детерминант, обуславливающих обращение личности к «виртуальному» общению. Эта методологическая установка закономерным образом приводит исследователей к констатации патологического характера Интернет-взаимодействия, иллюстрацией чему служит распространенная теория Интернет-зависимости.

С опорой на методологические принципы исследования личности и деятельности, разработанные отечественными психологами⁶, нами было предложено альтернативное объяснение субъективной привлекательности «виртуального» общения, в основание которого легла теория значимого отношения. По нашему мнению, активное вовлечение личности в виртуальное взаимодействие обусловлено не наличием у неё психопатологических отклонений, а потребностью в завязывании и поддержании значимых отношений с другими людьми⁷. Указанные ранее черты Интернет-коммуникации облегчают реализацию данной потребности субъектам затрудненного «естественного» общения. Для проверки выдвинутой гипотезы нами было проведено онлайн-исследование, в котором приняли участие пользователи наиболее посещаемых чатов Рунета, а также популярных местных чат-ресурсов. Всего в исследовании приняли участие 284 посетителя чатов из тридцати городов России, ближнего и дальнего зарубежья. Диагностический пакет включал в себя шесть методик: полуструктурированное интервью, методику исследования значимых отношений А.А. Кроника, опросник межличностных отношений В. Шутца, тест – опросник ММРІ (в адаптации В.Ф. Березина), модифицированную методику семантического дифференциала, методику диагностики типологий психологической защиты Г. Келлермана и Р. Плутчика, шкалу Интернет-зависимости К. Янг. Для обработки количественных данных нами применялись методы математической статистики.

Проведенное исследование позволило выделить три группы пользователей чатов, различающихся по своим индивидуально-психологическим особенностям, но в равной степени отличающихся затрудненностью непосредственного общения («тревожные интроверты», «звезды», «нонконформисты»). Данные опросника В. Шутца выявили противоречия в структуре межличностных потребностей (стратегий) «чатников»: при общей ориентации «к людям» посетители чатов характеризуются низким принятием ответственности как за собственные действия, так и за действия других людей, а также отличаются контрастными значениями выбираемой межличностной дистанции - крайней дистанцированностью и избирательностью, или, напротив, неразборчивостью в установлении отношений аффилиации. Интернет-зависимыми согласно критериям К. Янг могли быть названы лишь 5% опрошенных, при этом была выявлена достоверная обратная статистическая зависимость между выраженностью «аддиктивной» симптоматики и «стажем» общения в чате. Данный факт согласуется с предположением Дж. Грохола о том, что «Интернет-зависимость» является временным эффектом освоения субъектом возможностей виртуальной реальности («эффект новизны») [2]. Ярко выраженного преобладания какого-либо из защитных психологических механизмов по результатам опросника Г. Келлермана и Р. Плутчика у «чатников» также отмечено не было, однако применение критерия χ -квадрат позволило выявить отрицательную связь между показателем Интернет-аддикции и шкалой вытеснения.

Обработка результатов методики значимых отношений А.А. Кроника и модифицированного семантического дифференциала показала существование различий как в восприятии и оценке «реальных» и «виртуальных» значимых других посетителями чатов (наличие разных критериев «значимости»), так и в выбираемой стратегии взаимодействия с ними. Так, у «реальных» значимых других пользователями отмечались комплиментарные личностные черты: «взрослость», заботливость, способность защищать и вызывать доверие, уверенность в себе, принятие ответственности. В целом отношения с «реальными» близкими квалифицируются как длительное межличностное взаимодействие с субъектами, обладающими определенными ресурсами для реализации поведенческих моделей любви и заботы. «Виртуальные» значимые другие характеризовались респондентами как общительные, отзывчивые, доброжелательные, жизнерадостные, открытые, независимые. Выстраиваемые с ними отношения диалогичны, отвечают уникальной конкретной ситуации взаимодействия («состоянию» общения). Различий в плане числа значимых связей субъекта с «реальными» и «виртуальными» близкими выявлено не

6 С.Л. Рубинштейном, Б.Г. Ананьевым, Б.Ф. Ломовым, А.В. Петровским, В.А. Петровским и др

⁷ Значимые отношения – такие межличностные отношения, которые ведут к развитию у личности субъективно значимых для неё качеств (черт) в процессе взаимодействия с другими людьми. Таким образом, значимый другой выступает «соучастником» личностных изменений

было, однако коэффициент «улучшающих» связей (по терминологии А.А. Кроника) был достоверно выше в случае «виртуальной» коммуникации. Регрессионный анализ показал, что отношения пользователей с «реальными» значимыми другими являются симбиотическими, приводят к закреплению и поддержанию их индивидуально-психологических характеристик - пассивности, ранимости, незащитности, способности лишь принимать, но не проявлять любовь и заботу. Напротив, «виртуальное» общение ориентировано на равное участие сторон в процессе взаимодействия и способствует развитию у субъектов уверенности в себе, ответственности, открытости новому, эмпатии, выработке навыков эффективной коммуникации. Таким образом, результаты проведенного исследования опровергают утверждения об аддиктивном характере увлечения личности «виртуальным» общением.

Литература

1. Развитие Интернета в регионах России. Информационный бюллетень Яндекс (2007 г.) // http://download.yandex.ru/company/yandex_on_region_internet_winter_2007.pdf
2. Grohol John M. Internet Addiction guide// <http://psychcentral.com/netaddiction/>

Общение сквозь призму пола Щербак Анастасия Алексеевна аспирантка

*Тамбовский государственный университет им. Г.Р. Державина, Тамбов, Россия
E-mail: NastasiaA2006@yandex.ru*

Одним из актуальных направлений в области психологии общения является изучение специфики и закономерностей общения с позиций половых и гендерных различий (Бодалев А.А., Лабунская В.А., Ильин Е.П., Грошев И.В., Знаков В.В., Буракова М.В., Репина Т.А., Рюмшина Л.И., Чекалина А.А.). Половые различия относятся к числу фундаментальных, постоянных характеристик человеческого онтогенеза, которые и детерминируют уровень успеха во многих видах деятельности, в том числе и в общении, на протяжении всего периода жизни человека. Те различия, которые лежат в основе полоролевых стереотипов, оказывают влияние на различные аспекты процесса социального взаимодействия мужчин и женщин, поскольку тем и другим определяются принятые в обществе нормы поведения, мораль, ритуалы [Грошев И.В. 2001]. Однако, свое влияние на поведение человека в общении оказывает не только его биологическая составляющая - пол, но и социальная - его гендерная идентичность (степень фемининности/маскулинности - нормативные представления о соматических, психических и поведенческих свойствах, характерных для мужчин и женщин).

В результате исследований Бураковой М.В. определены портреты субъектов с различной гендерной идентичностью. Характерными особенностями субъекта с маскулинной гендерной идентичностью являются: направленность на достижение социального успеха, на решение задачи, на удовлетворение собственных потребностей и игнорирование потребностей партнера; низкая эмпатичность, низкая эмоциональность в отношениях с партнером; стратегии взаимодействия независимого, доминантного и компетентного типов. Невербальное общение отличается высокой экспансивностью, низкой интенсивностью использования кинесических и такесических элементов, низкой выразительностью, а также низкой способностью к кодированию информации посредством динамического невербального поведения.

Характерными особенностями субъекта с фемининной гендерной идентичностью являются: направленность на создание гармоничных взаимоотношений с окружающими и поддержания равновесия в общении; стратегии взаимодействия зависимого подчиненного, некомпетентного типов; высокий уровень развития эмпатии и высокая эмоциональность в отношениях с партнером. Стратегия невербального общения субъекта с фемининной гендерной идентичностью характеризуется низкой

экспансивностью, высокой интенсивностью использования кинесических и такесических элементов невербального поведения, высокой выразительностью, а также высокой способностью к кодированию информации посредством динамического невербального поведения.

Характерными особенностями субъекта с андрогинной гендерной идентичностью являются: направленность на установление баланса между сферой межличностных отношений и сферой достижений; сочетание направленности на создание гармоничных взаимоотношений с окружающими и психологического комфорта с направленностью на достижение социального успеха, на решение задач; стратегии взаимодействия компетентного и дружелюбного типов; высокая эмпатичность и высокая эмоциональность. Стратегия невербального общения субъекта с андрогинной гендерной идентичностью характеризуется средней экспансивностью, высокой интенсивностью использования кинесических и такесических элементов невербального поведения, высокой выразительностью, а также высокими способностями к кодированию информации посредством динамического невербального поведения [Буракова М.В. 2000].

Проблеме взаимопонимания в общении особое место уделено в работах В.В. Знакова, который считает, что «важным фактором, нередко затрудняющим взаимопонимание между людьми, являются половые различия в понимании самих понятий «взаимопонимание» и «межличностное понимание», а также распространенные стереотипы интерпретации поведения представителей противоположного пола» [Знаков В.В. 1998]. Как подчеркивает В.В. Знаков, исследования в данной направлении начались довольно давно, результаты которых говорят нам о том, что женщины лучше понимают людей, чем мужчины; юноши и девушки в слов «понимание» вкладывают различный смысл: юноши подчеркивают моменты объективного знания («понять человека – значит хорошо знать его») или интеллектуального сходства («думать, как он, иметь общие интересы»), девушки же делают акцент на «эмпатийных» моментах – сопереживании, сочувствии. Женщины глубже понимают волевые качества и черты характера, выражающие отношение человека к другим людям и к себе; мужчины лучше понимают черты характера, которые связаны с отношением к труду – целеустремленность, добросовестность, дисциплинированность. Данные половые различия означают то, что мужчины ключевое место во взаимопонимании отводят его когнитивной и интеллектуальной стороне, женщины - той стороне, которая связана с межличностными отношениями [Знаков В.В. 1998].

Таким образом, половые и гендерные различия являются важнейшими факторами, определяющими не только поведение человека в целом, но и поведение человека в общении.

Литература

1. Буракова М.В. (2000) Гендерная идентичность субъекта общения в перспективе социально-психологической адаптивности // Психология общения 2000: проблемы и перспективы: тез. докл.: междунар. конф. М., 2000.
2. Грошев И.В. (2000) Пол и его маркировка в речевой деятельности // Психология общения 2000: проблемы и перспективы. Тезисы докладов международной конференции 25-27 октября 2000 г. / Отв. ред. А.А. Бодалев. М, 2000
3. Грошев И.В. (2001) Психология половых различий: Монография. Тамбов, 2001.
4. Знаков В.В. (1998) Понимание в познании и общении. М, 1998.
5. Ильин Е.П. (2002) Дифференциальная психофизиология мужчины и женщины. СПб, 2002.

Социальные представления о справедливости женщин, отбывающих наказание в виде лишения свободы

Шумилова Юлия Владимировна

курсант

Вологодский институт права и экономики ФСИН России, Вологда, Россия

E-mail: shumka86@inbox.ru

Введение

Проблема построения правового государства в современной России не может быть решена без целенаправленной работы по формированию правосознания и правовой культуры граждан. Правосознание и такой его элемент как социальные представления о справедливости, являющиеся предметом нашего исследования, выступают в качестве важнейшего регулятора поведения человека в юридически значимых ситуациях, оказывающего непосредственное влияние на формирование моделей должного нормативного поведения, соответствующего правовым предписаниям. Специальные исследования, посвященные представлениям о справедливости как составляющей правосознания, начались совсем недавно. Первые шаги в этом направлении сделаны Л.М. Сосниной, Е.О. Голынчик, О.А. Гулевич (2003-2006 гг.), изучавших социальные представления о справедливости у некоторых категорий правопослушных россиян. В то же время, у осужденных женщин, отбывающих наказание в виде лишения свободы, данный элемент правосознания остается практически неизученным. Целью нашего исследования явилось изучение социальных представлений о справедливости у женщин осужденных, отбывающих наказание в виде лишения свободы. Исследование проводилось на базе ФГУ ИК-1 УФСИН России по Вологодской области, в нем приняли участие 174 женщины в возрасте от 18 до 62 лет, осужденные за различные виды преступлений

Методы

Для сбора эмпирических данных использовались: полуструктурированное глубинное интервью, включающее вопросы о том, что респондент понимает под «справедливостью», как часто встречается с ней в обыденной жизни, в юридически значимых ситуациях; оценочная шкала, составленная на основе данных, полученных в интервью.

Результаты

Анализ данных, полученных с помощью интервью, позволяет говорить о том, что, по мнению большинства осужденных женщин, справедливость в жизни встречается, но крайне редко («многие привыкли жить обманым путем»), при этом респонденты отмечают, что «и не помнят таких случаев». Когда мы просили привести примеры справедливых событий из их обыденной жизни, в большинстве случаев респондентами озвучивались случаи из раннего детства, связанные с родителями, родственниками. Крайне редко описывались ситуации из жизни на свободе в более поздние периоды. По мнению многих осужденных женщин, справедливо с ними стали обращаться только в колонии.

На основе данных интервью нами была составлена оценочная шкала, в которой респондентам предлагалось оценить по пятибалльной шкале степень своего согласия с утверждениями относительно справедливости вообще и справедливости в правовом контексте. Затем, нами рассчитывался коэффициент позитивных ответов с целью анализа структуры социального представления (Т.П. Емельянова). Вычисление коэффициента позитивных ответов позволило выявить ядро социальных представлений о справедливости осужденных женщин. По мнению респондентов, справедливость – это объективное, непредвзятое отношение к тем или иным вещам. Она призвана

обеспечивать равенство всех членов общества, соблюдение установленных норм и правил, справедливость нужна для поддержания мира и порядка, кроме того «с нею легче жить».

Рассматривая представления о справедливости в правовом контексте, отметим то, что в ядро социальных представлений вошли следующие утверждения: закон должен стоять на страже справедливости и быть одинаковым для всех, но сейчас по мнению осужденных женщин законы создаются для того, чтобы обслуживать интересы тех, кто их создает, а в отношении простых людей они вообще не исполняются. Видимо, поэтому осужденные женщины считают деятельность правоохранительных органов и судебной системы несправедливыми прежде всего из-за злоупотребления властью и пренебрежения законом сотрудниками. По мнению опрошенных женщин, современная судебная система отсталая, живущая советскими временами, зачастую выносящая несправедливые приговоры. Женщины отмечают, что сами они поступают справедливо по отношению к своим родным и людям, с которыми близко общаются, по отношению к другим людям стараются всегда поступать справедливо, но у них это не всегда получается, иногда ситуация вынуждает поступать несправедливо. Закон и справедливость, в их понимании, являются связанными между собой понятиями, но зачастую «закон не идет в ногу со справедливостью», а также основан «на чопорной справедливости». Вероятно, что указанные особенности представлений о справедливости у данной категории лиц и влияют на выбор ими противоправных вариантов поведения, позволяя оправдывать подобные действия нормами «справедливости», которая «для каждого своя».

Литература

1. Голынчик Е.О. Социальные представления о справедливости как составляющая правосознания: Дис...канд.психол.наук: 19.00.05: Москва, 2004.
2. Емельянова Т.П. Конструирование социальных представлений в условиях трансформации российского общества. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2006.